

Exz. archiwalny IBL

1774
1775
1776
1777
1778
1779
1780
1781
1782
1783
1784
1785
1786
1787
1788
1789
1790
1791
1792
1793
1794
1795
1796
1797
1798
1799
1800

ЭДМУНДЪ ДЫЛЕВСКИЙ.

АНДРЕЙ ФРИЧЪ
МОДРЖЕВСКИЙ

ПОЛЬСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ.

Umysł polski obejmował niegdysz szersze poglądy, pierś polska karmiła wznioślejsze dążenia od tych, w które nas zakuta i ciemnota i krótkowidzenie w epoce upadku, a które wyidealizowała chorobliwa polityka i błędna historyografia ostatnich czasów. Jest z przeszłości co szanować i kochać, trzeba ją badać nie tylko w tym celu, ażeby się jej błędów strzeż, ale także, aby jej zdrową spuściznę zachować i skutecznie nią władać.

Michał Bobrzyński.

(Оттискъ изъ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій).

Redakcyi "Nimfy"

z. 21/IV 84r.

Auton

INSTYTUT

WYDAWNI LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7

Tel. 26-68-63

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НОСКОВСКАГО

Мавовская N. 11.

1884.

Na składzie w ks. Karbasnikowa ul. hr. Berg

АНДРЕЙ ФРИЧЪ
МОДРЖЕВСКІЙ.

АНДРЕЙ ФРИЧЪ
МОДРЖЕВСКІЙ

ПОЛЬСКІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ПИСАТЕЛЬ ЭПОХИ РЕФОРМАЦІИ.

КОНКУРСНОЕ СОЧИНЕНІЕ УДОСТОЕННОЕ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ ВАРШАВ-
СКИМЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ.

написалъ

ЭДМУНДЪ ДЫЛЕВСКІЙ,

Студентъ III курса Юридическаго Факультета.

ЧАСТЬ I.

Umysł polski obejmował niegdyś szersze poglądy, pierś polska karmiła wznioslejsze dążenia od tych, w które nas zakuła i ciemnota i krótkowidzenie w epoce upadku, a które wyidealizowała chorobliwa polityka i błędna historyografia ostatnich czasów. Jest z przeszłości co szanować i kochać, trzeba ją badać nie tylko w tym celu, ażeby się jej błędów strzedz, ale także, aby jej zdrową spuściznę zachować i skutecznie nią władać.

Michał Bobrzyński.

ВАРШАВА.

Въ Типографіи Носковскаго,

улица Мазовецкая N. 11.

1883.

<http://rcin.org.pl>

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Варшавскаго Университета.

Ректоръ Н. Благовѣщенскій.

5982

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача сего сочиненія — представить очеркъ дѣятельности Модржевскаго, какъ писателя вообще и какъ общественнаго дѣятеля, и разобрать главнѣйшій его политическій трактатъ: „De republica emendanda.“

Такимъ образомъ наше сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части—мы пытаемся воспроизвести всю общественную и литературную дѣятельность Модржевскаго. Представляя біографическія свѣдѣнія о Модржевскомъ, мы стараемся дать вполнѣ точный и возможно полный очеркъ внѣшнихъ событій, вліявшихъ на выработку въ немъ тѣхъ или другихъ началъ, и стремимся охарактеризовать его, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля. Избѣгая по возможности того, что уже было высказано о Модржевскомъ другими, мы представляемъ въ настоящемъ трудѣ и новыя данныя для біографіи Модржевскаго, и поправки къ трудамъ своихъ предшественниковъ, на основаніи нѣкоторыхъ такихъ источниковъ и пособій, которыми другіе біографы Модржевскаго не пользовались.

Во второй части сего труда, при разборѣ сочиненія „De republica emendanda,“ мы стремимся дать отвѣтъ на слѣдующіе три вопроса:

а) какія идеи заимствованы Модржевскимъ у предшественниковъ,

б) какія общи у него съ современниками и, наконецъ,

в) какія принадлежатъ исключительно ему самому.

Дляэтого, мы сравниваемъ Модржевскаго съ Платономъ и Аристотелемъ, съ западно-европейскими политическими писателями, преимущественно эпохи реформаціи, а главнымъ образомъ, съ польскими политиками XV и XVI вѣковъ.

Разсматривая реформы, предложенныя Модржевскимъ для исправленія Рѣчи-посполитой, мы приводимъ ихъ въ соотвѣтствіе съ потребностями государственнаго и общественнаго строя Польши и задаемся рѣшеніемъ вопроса, на сколько онѣ могли удовлетворять тогдашнимъ нуждамъ Поляковъ.

Въ концѣ мы отводимъ Модржевскому мѣсто въ ряду западно-европейскихъ и польскихъ политиковъ.

Всему сочиненію мы предпосылаемъ обзоръ литературы предмета съ 1625 года до послѣднихъ временъ и введеніе, въ которомъ брошенъ нами бѣглый взглядъ на состояніе западной Европы и Польши въ XVI столѣтіи.

Вотъ, планъ, какому я слѣдовалъ при выполненіи мною задачи. Кромѣ того, принявъ во вниманіе несомнѣнныя достоинства двухъ диссертаций Модржевскаго: „*Lascius sive de poena homicidii*“ и „*Philabetes sive de decreto conventus, quo pagi civibus adimi permittuntur*“, ихъ неоспоримую важность для исторіи философіи права и необыкновенную библиографическую рѣдкость, я списалъ ихъ по самому полному и исправленному изданію 1559 г., находящемуся въ библіотекѣ Замойскихъ и напечаталъ ихъ, какъ приложение къ своему труду.

Признаю своею прямою обязанностью сказать, что промахи и неточности, если таковыя въ настоящемъ трудѣ встрѣтятся, имѣютъ себѣ извиненіе съ одной стороны въ обширности темы, на которую я желалъ представить отвѣтъ, а съ другой стороны въ тѣхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ, съ какими было сопряжено выполненіе мною предполагаемаго труда. Сочиненія Модржевскаго составляютъ необычно-

венную библиографическую рѣдкость и находятся лишь въ самыхъ важныхъ библіотекахъ г. Варшавы: въ публичной, библіотекѣ Красинскихъ и библіотекѣ Замойскихъ. Каждая изъ этихъ библіотекъ имѣетъ только нѣкоторыя сочиненія Модржевскаго, ни въ одной же изъ нихъ нѣтъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, вслѣдствіе чего мнѣ приходилось очень часто посѣщать всѣ три упомянутыя библіотеки и въ каждой изъ нихъ заниматься довольно продолжительное время.

Кромѣ того, я долженъ былъ также дѣлать поиски матеріала для своего труда въ Коронномъ Архивѣ Царства Польскаго. Если почтенная критика приметъ къ тому во вниманіе, что хотя въ литературѣ и есть превосходная біографія Модржевскаго, составленная Малецкимъ, но она не можетъ еще считаться полной и безотносительно вѣрной, что до сихъ поръ никто еще не представилъ сравнительнаго очерка политическихъ доктринъ нашего писателя, и что вслѣдствіе того, мнѣ пришлось самому разрабатывать громадный сырой матеріалъ, то я надѣюсь, она не слишкомъ строго отнесется къ моему труду и не поставитъ мнѣ въ вину, что я на упреки, могущіе встрѣтиться относительно самаго выполнения мною задачи, позволю себѣ отвѣтить словами Мольера:

„On n'exécute pas tout ce qu'on propose
Et le chemin est long du projet à la chose.“
(Tartufe III sc. I).

Я могу лишь повторить вмѣстѣ съ Модржевскимъ: „*plura alii et potiora vel cognitione usuque rerum, vel elegantia verborum majore praediti praestabunt: nos fecimus, quod potuimus.*“ (1)

А в т о р з.

Варшава, 16 Ноября 1882 г.

---

(1) *Commentariorum de Republica emendanda libri quinque.* Basileae. 1559 anno, pag. 688.

ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДМЕТА.

Литература по разсматриваемому нами предмету крайне бѣдна. До начала второй половины нынѣшняго столѣтія мы имѣли крайне скудныя свѣдѣнія о дѣятельности Модржевскаго и его литературныхъ трудахъ. Причинъ этого слѣдуетъ искать: во первыхъ, въ томъ, что Модржевскій, какъ человѣкъ, единственно преданный наукѣ, не былъ въ собственномъ смыслѣ практическимъ дѣятелемъ на поприщѣ польской исторіи и не занималъ видныхъ государственныхъ должностей. Сынъ вольборскаго войта, ведшій скромную и тихую жизнь, обладавшій весьма умѣреннымъ состояніемъ, не могъ рассчитывать на то, что найдется біографъ, который захочетъ предать потомству свѣдѣнія о его жизни. Вотъ, почему въ тѣхъ же самыхъ лѣтописяхъ, гдѣ помѣщены пространныя біографіи Петра Кмиты или гетмана Тарновскаго, о Модржевскомъ мы встрѣчаемъ лишь коротенькую замѣтку, изъ которой узнаемъ, что онъ былъ „*orator et optimarum artium scientia praeditus*“ и что „*de Republica librum eruditum scripsit*“ (2)

---

(2) Stanislaw Sarnicki *Annalium Polonicarum, Liber VII*, подъ годомъ 1548, гдѣ перечисляетъ „*Viros eruditos sub Augusto.*“

Во вторыхъ, принадлежа къ числу людей, сочувствовавшихъ новому движенію реформаци, онъ сталъ въ разрѣзъ съ католическою церковью и ея главными представителями въ Польшѣ; вслѣдствіе чего, когда католическая реакція взяла верхъ и въ Польшѣ водворились Іезуиты, сочиненія Модржевскаго были признаны еретическими и помѣщены въ списокъ книгъ, запрещенныхъ духовною цензурою.

Отчего и неудивительно, что литературные труды его были преданы забвенію: когда имя его сдѣлалось равнозначущимъ съ именемъ еретика (3), писатели и исторіографы или хранятъ о немъ глубокое молчаніе, или упоминаютъ только вскользь, да притомъ лишь тамъ, гдѣ не удостоить Модржевскаго вниманія значило бы исказить истину.

Первымъ по времени упоминаетъ о Модржевскомъ *Симонъ Старовольскій* въ сочиненіи „*Scriptorum polonicorum hecatontas*“, изд. 1625 г. Не приводя о немъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній, развѣ то, что онъ былъ королевскимъ секретаремъ, Старовольскій явно недоброжелательно относится къ Модржевскому и невѣрно изображаетъ его, какъ крайняго протестанта. Изъ сочиненій Фрича ему извѣстно лишь первое изданіе труда: „*De republica emendanda*“ 1551 года, гдѣ помѣщены лишь первыя три книги: *de moribus*, *de legibus* и *de bello*. Воздавая должныя похвалы тремъ этимъ книгамъ, Старовольскій не дѣлаетъ ни помину о другихъ сочиненіяхъ Модржевскаго.

Тотъ же Старовольскій въ другомъ своемъ сочиненіи п. з. „*De claris oratoribus Sarmatiae*“ приводитъ въ краткихъ словахъ невѣрное сопоставленіе Модржевскаго съ Оржеховскимъ, при чемъ онъ отдаетъ предпочтеніе послѣднему.

Старовольскій является первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ писателемъ-католикомъ, который упоминаетъ о Модржевскомъ. За всё XVII и XVIII столѣтія до 1770 года, если мы и встрѣчаемъ въ литературѣ какія либо извѣстія о

---

(3) Въ такомъ значеніи употребляетъ его фамилію Оржеховскій въ сочиненіи: „*Quincentum*.“

Модржевскомъ, то авторами, подавшими оныя, являются исключительно писатели, стоявшіе на сторонѣ реформаци. Такъ, *Христоворъ Сандіусъ* въ сочиненіи: „Bibliotheca Antitrinitariorum seu catalogus scriptorum etc. Freistadii 1684 anno,“ приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ жизни Модржевскаго, и первый исчисляетъ изданныя имъ сочиненія, но ничего не упоминаетъ о его рѣчахъ de роена homicidii.

Затѣмъ, *Станиславъ Любенецкій*, въ сочиненіи: „Historia Reformationis Polonicae. Freistadii 1685 anno,“ приводитъ краткую характеристику Фрича, какъ человѣка и богослова. Впрочемъ, какъ Сандіусъ, такъ и Любенецкій впадаютъ въ крайность и односторонность: они видятъ въ Модржевскомъ исключительно ученаго богослова и невѣрно причисляютъ его къ сектѣ антиринитаріевъ.

Съ XVIII-го столѣтія появляются болѣе обширныя свѣдѣнія о Модржевскомъ и его литературной дѣятельности.

Именно, въ сочиненіи *Давида Брауна*: „De scriptorum Poloniae et Prussiae virtutibus et vitiis. Coloniae. 1723 anno.“ (pag. 24—31) мы встрѣчаемъ не одни лишь отрывочныя извѣстія о жизни Модржевскаго. Браунъ стремится вкратцѣ охарактеризовать его, какъ публичнаго дѣятеля, писателя и человѣка. Онъ сравниваетъ его съ Оржеховскимъ и Варшевицкимъ и первый рѣшается представить краткое содержаніе главнаго его сочиненія: „De republica emendanda.“ Изъ другихъ литературныхъ трудовъ Модржевскаго онъ упоминаетъ лишь рѣчи de роена homicidii, объ остальныхъ же онъ умалчиваетъ, въ чемъ и состоитъ главный недостатокъ его очерка.

Самый обильный матеріалъ для біографіи и характеристики литературной дѣятельности Модржевскаго представилъ *Фридрихъ Самуилъ Бока* въ трудѣ: *Historia Antitrinitariorum maximi Socianismi et Socinianorum etc. Regiomonti et Lipsiae 1774* (Tom. I, pag. 466—496). Заслуга Бока состоитъ въ томъ, что онъ: а) изложилъ содержаніе почти всѣхъ сочиненій Модржевскаго. Это мы ставимъ ему въ заслугу, по-

тому, что сочиненія Фрича составляли библиографическую рѣдкость и были извѣстны очень немногимъ лицамъ, вслѣдствіе чего Бокъ, разсмотрѣвъ въ своемъ очеркѣ труды Модржевскаго, могъ установить болѣе правильное понятіе о его взглядахъ и теоріяхъ; б) привелъ неизвѣстные до него факты, касавшіеся Модржевскаго и, наконецъ,—в) изложилъ почти всѣ библиографическія свѣдѣнія о сочиненіяхъ Фрича. Темную сторону очерка Бока составляетъ то, что онъ, подобно Сандіусу и Любенецкому, видитъ въ Модржевскомъ лишь религіознаго реформатора и богослова, упуская изъ виду дѣятельность его, какъ политическаго писателя, вслѣдствіе чего онъ не разбираетъ даже сочиненія de Republica emendanda.

Сравнительно пространно упоминаетъ также о Фричѣ—*Ляутербахъ* въ трудѣ: „Polnischer Socinismus. Frankfurt. 1725,“ но онъ не вдается въ разсмотрѣніе его сочиненій, ограничивается лишь общими взглядами на дѣятельность Модржевскаго и приведеніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ, изъ которыхъ не все впрочемъ вѣрны, какъ напр. фактъ, что Модржевскій въ 1556 году былъ посланъ вмѣстѣ съ Мацевскимъ въ Римъ. Изъ очерка Ляутербаха видно, что онъ самъ мало занимался Модржевскимъ, а пользовался даннымъ уже матеріаломъ, какой онъ нашелъ у Сандіуса, вотъ почему онъ считаетъ Модржевскаго антитринитаріемъ.

Наконецъ, *Венгерскій* въ сочиненіи „Historia Ecclesiastica Slavoniae“ вкратцѣ разсматриваетъ Модржевскаго съ точки зрѣнія его религіозныхъ убѣжденій.

Всѣ вышеупомянутые авторы видѣли въ Модржевскомъ лишь религіознаго реформатора, первый *Bayle* въ сочиненіи: „Dictionaire historique et critique. Rotterdam. 1596 an. (Tom. III art. Modrevius) отводитъ ему мѣсто въ ряду ученыхъ политиковъ. Изъ сочиненій его Bayle упоминаетъ только о de Republica emendanda, Lascius, Silvae и de Mediatore. Впрочемъ Bayle'ю принадлежитъ еще та заслуга, что онъ воспользовался Сильвами Модржевскаго для пополненія его біографіи нѣсколькими мелкими фактами, за исключеніемъ которыхъ

всё остальное онъ заимствовалъ у Сандіуса, Любенецкаго и Бока.

Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Модржевскомъ доставляетъ также *Яноцкій* въ трудѣ: „Janosciana sive clarorum atque illustrium Poloniae auctorum mecenatumque memoriae miscellae. Varsaviae et Lipsiae. 1776 anno (Tom. I. § XXXI). Яноцкій является единственнымъ библіографомъ, который приводитъ отдѣльныя изданія диссертаций: de poena homicidii и de legatis ad concilium mittendis, между тѣмъ какъ другимъ эти изданія неизвѣстны; всѣ писатели, за исключеніемъ Эстрейхера (4), ссылаются въ этомъ отношеніи на свидѣтельство Яноцкаго. Но этимъ и кончается заслуга послѣдняго; изъ другихъ сочиненій Модржевскаго онъ не упоминаетъ ни объ одномъ.

Сочиненія указанныхъ девяти авторовъ: Старовольскаго, Сандіуса, Любенецкаго, Брауна, Бока, Ляутербаха, Венгерскаго, Baule'a и Яноцкаго — это или исторіи реформации и отдѣльныхъ ея направленій, или біографическіе сборники той или другой группы писателей и ученыхъ, отчего не удивительно, что извѣстія, сообщаемыя этими авторами о Модржевскомъ, страдают отрывочностью и неполнотою. Они не представляютъ ни цѣльнаго очерка его литературной дѣятельности, ни цѣльной его біографіи и могутъ служить для дальнѣйшихъ изслѣдованій лишь матеріаломъ, который современному литературному труженику приходится разработать и привести въ систему.

Только съ XIX столѣтія появляются болѣе серьезныя изслѣдованія о Модржевскомъ. Въ 1816 году въ періодическомъ изданіи „Tygodnik Wileński“ появилось жизнеописаніе Модржевскаго; біографію Фрича помѣстилъ также журналъ, издававшійся въ гор. Лешно: „Przyjacieli ludu,“ на девятомъ году своего существованія. Но объ эти статьи могутъ быть отнесены къ ряду поверхностныхъ попытокъ создать біографію польскаго политика. Въ 1819 году проф.

4) Bibliografia polska XV—XVI stulecia, Kraków, 1875. p. 170

Ф. К. Шанявскій держалъ рѣчь о Модржевскомъ въ публичномъ засѣданіи Варшавскаго Университета, въ которой главнымъ образомъ разсматривалъ сочиненіе „о реформѣ Рѣчи-посполитой“ и, разбирая сравнительно подробнѣе II-ую книгу его—de legibus, превозноситъ заслуги Модржевскаго, какъ политика и законовѣда (5). Проф. Шанявскій не представляетъ почти никакихъ свѣдѣній о жизни Модржевскаго.

Въ 1833 году *Иенатій Ходыницкій* въ сочиненіи: „Dukcyonarz uczonych Polaków. Lwów. 1833“ (Томъ II) помѣстилъ краткое разсужденіе о жизни и дѣятельности Фрича, какъ писателя. Но статья его носитъ на себѣ скорѣе інформаціонный, нежели научный характеръ.

Только въ 1852 году появляется о Модржевскомъ капитальная монографія *графа Оссолинскаго* п. з. „Jędrzej Frycz Modrzewski“ (6). Монографія эта даетъ намъ вѣрную характеристику Модржевскаго, какъ человѣка и писателя, сообщаетъ многія извѣстія изъ его жизни, представляетъ содержаніе болѣе важныхъ литературныхъ трудовъ Модржевскаго, и, приводя о немъ мнѣнія различныхъ писателей, вѣрно опредѣляетъ, въ какомъ отношеніи къ реформаціи стоялъ польскій ученый политикъ. Тѣмъ не менѣе трудъ Оссолинскаго не представляетъ систематически полной біографіи Фрича.

Неполнотою страдаетъ также статья *Степана Новицкаго*, помѣщенная въ „Gazecie Codziennej“ въ 1856 году п. з. „Jędrzej Frycz Modrzewski.“ Новицкій наиболѣе останавливается надъ разборомъ сочиненія de Republica emendanda.

Совершенно другаго рода статья доктора *Леопольда Отто*, напечатанная въ журналѣ „Zwiastun Ewangeliczny“ за 1863 годъ, п. з. „Jędrzej Frycz Modrzewski.“ Разсмотрѣвъ вкратцѣ первые литературные труды Модржевскаго, разобравъ вскользь четыре первые книги сочиненія de Republica emen-

---

(5) Рѣчь эта помѣщена въ брошюрѣ подъ заглавіемъ „Posiedzenie publiczne Warszawskiego Uniwersytetu“. Warszawa, 1819 г., pag. 13—26.

(6) Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiej. Lwów, 1852 г. Томъ IV, pag. 67—136.

danda, др. Отто разсматриваетъ подробно V-ую его книгу: „de ecclesia,“—и старается опредѣлить profession de foi Модржевскаго. Авторъ относится къ предмету вполне объективно, всячески стараясь воздержаться отъ высказыванія собственныхъ мнѣній, взаи́мнѣ чего онъ приводитъ въ переводѣ значительные отрывки изъ книги „de ecclesia.“ Въ заключение, онъ пытается провести параллель (довольно впрочемъ поверхностную) между Модржевскимъ и нѣмецкими реформаторами: Лютеромъ и Меланхтономъ. Заслуга упомятаго автора сводится къ тому, что онъ представилъ остовъ той части сочиненія Модржевскаго, какой не имѣется въ польскомъ переводѣ (7). Свѣдѣній о жизни Модржевскаго въ статьѣ д-ра Отто почти никакихъ нѣтъ.

Наконецъ, я перехожу къ двумъ наиболѣе важнымъ трудамъ, касающимся Модржевскаго. Это труды профессоровъ: *Антоня Малецкаго* п. з. „*Andrzej Frycz Modrzewski*,“ (Biblioteka Ossolińskich. Lwów. 1864 г. Томъ V) и *Станислава Тарновскаго* п. з. „*O porprawie Rzeczypospolitej*“ (Przegląd Polski. Kraków. 1867. Томъ IV).

Проф. Малецкій съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ собралъ свѣдѣнія о жизни Модржевскаго и первый создалъ его біографію. Правда, что многое Малецкій основываетъ на гипотезахъ, что онъ упускаетъ изъ виду нѣкоторыя мелкія сочиненія, что для большей сжатости онъ пренебрегъ извѣстными второстепенными фактами изъ жизни Фрича, но мы съ полною увѣренностью можемъ сказать, что трудъ его—единственное явленіе въ своемъ родѣ по достоинствамъ. Въ литературѣ до сихъ поръ не имѣется монографіи о Модржевскомъ, которая была бы лучше труда почтеннаго профессора польской литературы.

Гораздо ниже по достоинству трудъ профессора Тарновскаго.

---

(7) Переводчикъ сочиненія „de Republica emendanda“ Базиликъ не перевелъ части: „de ecclesia“ вѣлѣдствіе препятствій со стороны духовной цензуры.

Если имя Модржевскаго каждый Полякъ произноситъ съ благоговеніемъ, то это лишь ради его капитальнаго труда „о реформѣ Рѣчипосполитой.“ Всѣ его сочиненія богословскаго содержанія нынѣ имѣютъ лишь историческое значеніе,— между тѣмъ какъ упомянутый политическій трактатъ имѣетъ значеніе и для исторіи, и для политики, а даже и для философіи. Каждый писатель, намѣревающийся писать характеристику государственнаго, общественнаго и религіознаго строя Польши въ XVI вѣкѣ, непременно долженъ прочесть сочиненіе Модржевскаго,—гдѣ онъ найдетъ болѣе или менѣе вѣрную фотографію Польскаго государства, общества и церкви въ періодъ реформаціи. Если слѣдовательно сочиненіе Модржевскаго составляетъ столь драгоцѣнный памятникъ старины, то задачей литературнаго дѣятеля должно быть: во первыхъ, — сдѣлать капитальный трудъ Модржевскаго популярнымъ между соотечественниками посредствомъ перевода его съ латинскаго языка на польскій, и во вторыхъ, подвергнуть трудъ этотъ критическому разбору, указать его свѣтлыя и темныя стороны, а затѣмъ дать отвѣтъ на вопросъ, дѣйствительно ли Модржевскій заслужилъ въ исторіи имя знаменитаго политика и чѣмъ именно онъ это достигъ? Первое исполнилъ *Киприанъ Базиликъ*: еще въ 1577 году издалъ онъ переводъ сочиненія Модржевскаго. Второе задумалъ исполнить профессоръ Тарновскій. Правда, что авторъ въ своемъ разборѣ передаетъ намъ всю суть воззрѣній Модржевскаго, знакомитъ насъ съ его взглядами на современную жизнь представляетъ намъ реформы, предлагаемыя Модржевскимъ; но онъ не отвѣчаетъ на вопросъ, откуда та или другая идея явилась у Модржевскаго, повторялъ ли Модржевскій заученные зады или же онъ въ своихъ тенденціяхъ шелъ далѣе современнаго ему общества. Изъ разбора Тарновскаго мы не видимъ, что у Модржевскаго оригинально, какія идеи составляютъ исключительно его достоиніе, какія заимствованы имъ у другихъ и какія наконецъ общи у него съ современниками. Однимъ словомъ, у Тарновскаго мы замѣчаемъ полный недостатокъ сравнительнаго метода. Онъ рѣ-

шаетъ лишь вопросъ, понималъ ли Модржевскій нужды современнаго ему общества, видѣлъ ли онъ, что Польша клонится къ упадку и какими средствами онъ думалъ исправить государственный организмъ? Представляя отвѣтъ на эти вопросы, проф. Тарновскій упускаетъ изъ виду заслуги Модржевскаго, какъ ученаго политика, для науки вообще.— Въ этомъ трудѣ проф. Тарновскій является скорѣе красно-рѣчивымъ публицистомъ, чѣмъ истинно ученымъ изслѣдователемъ.

На недостатки этого труда указалъ впрочемъ др. *Брониславъ Лозинскій* въ статьѣ п. з. „Słowo za Modrzewskim,“ которая была помѣщена въ „Przewodniku naukowym i literackim.“ Lwów. 1875 г. (Tom I. pag. 226—237). Лозинскій хвалитъ трудъ Тарновскаго лишь какъ историко-литературное изслѣдованіе, но замѣчаетъ въ авторѣ отсутствіе специальныхъ знаній, обладать которыми долженъ тотъ, кто берется за разборъ политическаго трактата Модржевскаго — „Brak fachowej znajomości przedmiotu, któremu poświęcona jest ta książka, говоритъ Лозинскій, nie pozwolił krytykowi w niejednym pomysle ocenić prawdziwych błysków geniuszu, wyższości Modrzewskiego nad współczesnym światem politycznym“ (p. 230). Кратко, но мѣтко характеризую литературную дѣятельность Модржевскаго, Лозинскій называетъ его „publicystą w najzaszczytniejszem tego słowa znaczeniu, którego wiedza była zdumiewającą w swojej wszechstronności i gruntowności“ (pag. 235).

Чувствительный недостатокъ въ польской литературѣ сравнительнаго очерка политическихъ теорій Модржевскаго пополняется хотя въ весьма малой степени, специальными трудами тѣхъ ученыхъ изслѣдователей, которые, пиша о другихъ польскихъ политикахъ, сравнивали ученія ихъ съ ученіемъ Модржевскаго. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто, какъ по глубинѣ изслѣдованія, такъ и по широкости взглядовъ, принадлежитъ труду *Александра Рембовскаго* п. з. „Stanisław Leszczyński jako statysta.“ Авторъ отводитъ Модржевскому почтенное мѣсто въ ряду политическихъ писате-

лей, съ которыми онъ сравниваетъ Лещинскаго (См. „Niwa“ za rok 1878, zeszyt 80 et seqq.).

Слѣдуетъ упомянуть также о сочиненіи *Олендзкаго*: „Teorye polityczne XVI wieku,“ гдѣ разобрано ученіе Модржевскаго.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько изслѣдованій о Модржевскомъ. Такъ, въ журналѣ „Tydzień,“ выходящемъ въ Піотрковѣ подъ редакціей М. Добржанскаго, въ NN. 9, 10, 12 и 15 за 1881 годъ я напечаталъ статью п. з. „Andrz j Frycz Modrzewski. Jego przepisy policyjno-ogniowe i myśli organizacyi straży ogniowej.“ Та же статья въ сокращенномъ видѣ была напечатана мною въ ежегодникѣ, издаваемомъ въ Піотрковѣ *Иорданомъ Канскимъ*, п. з. „Strażak“ на 1882 г. Почти одновременно съ этою статьей появилась въ печати брошюра п. з. „Andrzej Frycz Modrzewski—pisarz wieku XVI—jako teolog. Warszawa. 1881 r.“ (pag. 43 in 8-vo). Авторъ ея—*Владиславъ Кнапинскій*—пытался было изложить всѣ религіозныя воззрѣнія Модржевскаго и опредѣлить его отношеніе къ католической и протестантской церквамъ, но трудъ его вышелъ простою біографіей Модржевскаго и очеркомъ его дѣятельности, какъ писателя вообще,—при чемъ авторъ безъ всякой провѣрки повторяетъ все то, что уже прежде по этому предмету было высказано *Малецкимъ*.

Модржевскій, по *Кнапинскому*, выходитъ гнуснымъ льстецомъ, который то и дѣлалъ, что старался всѣмъ и каждому угождать. Какъ писатель-политикъ, онъ ничто, или, какъ его называетъ *Кнапинскій*—лишь „projektowicz.“ Разсматривая богословскіе труды Модржевскаго, авторъ обнаружилъ крайне пристрастное отношеніе къ дѣлу: свое сужденіе о *Фричѣ*, какъ теологѣ, онъ основываетъ на нѣсколькихъ мысляхъ, подобранныхъ изъ сочиненій Модржевскаго для подтвержденія апріорнаго мнѣнія, — что Модржевскій былъ крайній протестантъ и во всемъ склонялся на сторону *Лютера* и *Меланхтона*. Единственная заслуга *Кнапинскаго* состоитъ въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на болѣе мелкіе труды Модржевскаго.

Подробную критику монографіи Кнапинскаго я представилъ въ изданной мною въ отвѣтъ на его трудъ брошюрѣ п. з. „Frycz Modrzewski i najświeższa ocena jego działalności. Rzecz historyczno-krytyczna. Warszawa. 1881.“ in 8-vo minore, pag. 78 (Оттискъ изъ газеты „Nowiny“ за сентябрь, октябрь и ноябрь 1881 г.) Справедливость нашей оцѣнки подтверждаетъ между прочимъ критика на монографію Кнапинскаго, представленная *А. Рембовскимъ* въ журналѣ „Niwa. Warszawa. 1882.“ zeszyty: 173 и 175.

Таково положеніе нашего вопроса въ литературѣ. Вотъ, тѣ пособія и изслѣдованія, которыя мы имѣли въ виду при выполненіи нашего труда.—Прочія сочиненія, неимѣющія въ этомъ вопросѣ главнаго значенія, указаны въ ссылкахъ.

ВВЕДЕНІЕ.

**Бѣглый взглядъ на состояніе Западной Европы и Польши
за періодъ 1503—1572 г.**

Ни одна эпоха не представляетъ для исторіи человѣчества такого значенія, ни одна не отличается столь знаменательными явленіями, какъ XVI вѣкъ. Въ эту эпоху совершается какъ бы переломъ всѣхъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ отношеній европейскихъ народовъ.

Новый вырабатывающійся строй государственный ведетъ борьбу со старымъ средневѣковымъ. Антагонизмъ различныхъ политическихъ элементовъ, давно таившійся въ государствахъ западной Европы, обнаруживается съ полною силою: угасающій феодализмъ дѣлаетъ попытку сохранить свое значеніе, которымъ пользовался въ средніе вѣка, и аристократія стремится положить предѣлъ развивающейся королевской власти. Эта борьба феодальной аристократіи съ королевскою властью усложняется еще болѣе вмѣшательствомъ третьяго сословія, окрѣпшаго къ этому времени и пріобрѣтшаго уже нѣкоторое вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ. Участіе третьяго сословія въ политическомъ движеніи этого времени придаетъ борьбѣ сильную демократическую окраску. Тогда то на помощь этому движенію является реформація.

Соборы XV столѣтія не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій: они не удовлетворили настоятельной потребности церкви, не произвели въ ней реформы. Папскій дворъ совершилъ секуляризацію: онъ занялъ чисто свѣтскими дѣлами; папы являются политическими дѣятелями, ведутъ войны изъ за мірскихъ цѣлей и играютъ роль свѣтскихъ владыкъ. Одинъ изъ, наиболѣе образованныхъ папъ, Левъ X, покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ, поощряетъ къ занятіямъ ученыхъ и художниковъ, но являясь поклонникомъ классическихъ музъ, онъ остается вполнѣ индеферентнымъ къ дѣлу религіи. Свѣтская, а иногда даже безнравственная жизнь папъ и духовенства способствуетъ паденію вѣры въ непогрѣшимость римской куріи и въ авторитетъ церкви; слѣпая вѣра уступаетъ мѣсто рационалистическому отношенію къ религіи. Къ началу XVI вѣка общество раздѣлено на два противоположныхъ лагеря: гуманистовъ, сочувствовавшихъ новому направленію, и обскурантовъ, ярыхъ поклонниковъ старины. Но гуманизмъ замѣтно беретъ верхъ: выдвинувъ на первый планъ тщательное изученіе классической древности, онъ способствуетъ выработкѣ въ тогдашнихъ просвѣщенныхъ умахъ критическаго начала. Наука, освободившись изъ оковъ схоластической философіи, начинаетъ критически относиться ко всѣмъ проявленіямъ государственной, общественной и религіозной жизни народовъ. Публичный скандалъ — продажа индульгенцій — вызываетъ протестъ со стороны новыхъ, только что образовавшихся элементовъ, зажигаетъ издавна накопленный матеріалъ, и Мартинъ Лютеръ, выступая противъ злоупотребленій церкви, начинаетъ дѣло реформы. Въ эпоху между 1517 и 1520 годами на поприще исторіи выступаютъ всѣ главные факторы и элементы, какіе наполняютъ собою весь XVI вѣкъ. Въ 1520 году Лютеръ прерываетъ окончательно связь съ Римомъ, сожигая публично папскую буллу. Апостолы новаго ученія разбѣгаются по всей Европѣ, пріобрѣтаютъ себѣ всё новыхъ и новыхъ приверженцевъ, какъ среди высокопоставленныхъ личностей, такъ и среди простаго народа. Монахи бросаютъ свои рясы, оставляютъ мона-

стыри и вступаютъ въ супружескія связи. Простой народъ, слыша многочисленныя проповѣди о евангельскомъ равенствѣ и свободѣ людей, поднимаетъ социальную революцію противъ своихъ господъ—поземельныхъ собственниковъ. Одна секта возникаетъ за другою, одно ученіе смѣняется другимъ, причемъ самыя возвышенныя принципы Христова ученія сочетаются иногда съ самыми безнравственными теоріями новыхъ проповѣдниковъ. Цѣлая половина Европы отторгается отъ Рима; возникаютъ новыя церкви: Лютеръ основываетъ протестантскую, Кальвинъ—реформатскую, а Генрихъ VIII даетъ начало англиканской церкви. Противъ католицизма поднялось все то, что было имъ придавлено, и все, что не могло найти въ немъ удовлетворенія: новыя стремленія должны были завоевать себѣ мѣсто, что не могло обойтись безъ боя.

Съ другой стороны и католицизмъ не могъ уступить мѣста новымъ элементамъ безъ борьбы: представляя изъ себя цѣлую цивилизацію и господствуя во всѣхъ сферахъ духовной и общественной жизни, онъ былъ силою, которая, обладая вѣковою традиціей, не могла опять таки уступить безъ боя. Вотъ, почему къ концу первой четверти XVI столѣтія загорается борьба между приверженцами старины и поклонниками новыхъ идей; консерватизмъ католиковъ и радикализмъ реформаторовъ прибѣгаютъ ко всякимъ средствамъ, лишь бы снискать себѣ приверженцевъ и навязать обществу свои идеи. Возобновляются средневѣковые богословскіе и философскіе споры, диспуты и публичныя состязанія; вопросомъ вѣроисповѣднымъ осложняются даже вопросы внѣшней и внутренней политики, и наконецъ, обѣ партіи прибѣгаютъ къ грубому насилію, происходятъ многочисленныя войны и междусобія изъ за вѣры.

Реформація однакожь восторжествовала надъ католицизмомъ: аугсбургскій миръ призналъ за протестантизмомъ права гражданства, и абсолютный германскій императоръ Карлъ V, не будучи въ силахъ навязать всей Европѣ религіозное единство, отрекается отъ престола. Европейскіе монархи начинаютъ или терпѣть у себя протестантизмъ, или доброжелательно относятся къ нему. // Давно проявившаяся противъ

реформаціи реакція со стороны католицизма къ концу разсма-
триваемой нами эпохи воплощается въ орденѣ Іезуитовъ, вы-
шедшемъ изъ Испаніи. Возобновленіе инквизиціи и учреж-
деніе строжайшей цензуры печати—должны воспренятство-
вать всякому новому движенію и искоренить протестантизмъ.
Тридентскій соборъ, созванный Павломъ III, не преобразо-
валъ церкви, онъ установилъ лишь новый догматъ и способ-
ствовалъ развитію „общества Іисуса.“ Католическая реак-
ція въ лицѣ Іезуитовъ и ихъ сторонниковъ начинаетъ борьбу
на смерть противъ протестантовъ въ Испаніи, Франціи, Ни-
дерландахъ и Шотландіи. На помощь угнетаемымъ спѣшитъ
Елисавета англійская: она помогаетъ гугенотамъ во Франціи,
гезамъ въ Нидерландахъ и протестантамъ шотландскимъ.
Реакція однакожь беретъ верхъ. Іезуиты торжествуютъ,
гезы подавлены Альбой, а Варооломейская ночь наноситъ
смертельный ударъ гугенотамъ.

Не менѣе знаменительно было это время и для Польши.

Въ царствованіе Александра Ягеллопа окончательно вы-
работались основныя начала польскаго государственнаго
быта, и въ ряду европейскихъ державъ XVI столѣтія Польша
выступаетъ, какъ государство конституціонно-монархиче-
ское, гдѣ верховная законодательная власть принадлежитъ
тремъ органамъ сообща: сейму, сенату и королю. Для окон-
чательнаго преобразованія Польши изъ государства патри-
моніальнаго-средневѣковаго въ государство по новому образ-
цу, которое могло бы стоять наравнѣ съ другими европейски-
ми державами, требовалось допустить и крестьянъ къ участию
въ народномъ представительствѣ, и произвести рядъ реформъ
по военному и финансовому управленію страной. Но въ то
именно время, когда законодательная власть готовилась взять-
ся за преобразованіе государственнаго быта, въ Польшу про-
никаетъ реформаціонное движеніе.

Уже въ 1519 г. появляются зачатки реформаціи въ Польшѣ.
Въ 1520 году король принужденъ выдать запрещеніе
читать еретическія книги; указъ этотъ однакожь не только не
былъ исполняемъ, но еще больше поощрилъ всѣхъ къ чтенію

книгъ привозимыхъ изъ Германіи. Король черезъ три года повторилъ его, но и эта мѣра ни къ чему не повела. Въ Краковской Академіи молодежь пристрастилась къ новому движенію и съ жаромъ вчитывалась въ сочиненія виртембергскихъ ученыхъ; но профессора ея, по крайней мѣрѣ до 1520 года, стояли во враждебномъ отношеніи къ реформаціи. (8) Только въ 1528 г. въ первый разъ между профессорами Академіи мы встрѣчаемъ приверженца и сторонника реформаціи въ лицѣ образованнаго гуманиста—Якова изъ Илжи. Молодые люди, посѣщавшіе заграничные университеты, пріѣзжали пропитанные новыми идеями. Запрещеніе этихъ поѣздокъ, изданное въ 1534 году, никто не считалъ для себя обязательнымъ, такъ что черезъ девять лѣтъ оно было отмѣнено. Реформаціонное движеніе, несмотря на рядъ репрессивныхъ мѣръ, распространяется все сильнѣе и сильнѣе. Бернардъ изъ Люблина, Іоаннъ изъ Козьмина и Мартинъ Глѣсса—проповѣдуютъ лютеранизмъ; Андрей Пражмовскій, подъ покровительствомъ Рафаила Лещинскаго, съ успѣхомъ ведетъ пропаганду кальвинизма; почти одновременно съ тѣмъ въ Польшѣ являются чешскіе братья, а Лелій и Фаустъ—Социны утверждаютъ въ Польшѣ аріяство; словомъ, Польша дѣлается обѣтованною землею для самыхъ радикальныхъ реформаторовъ. Кальвинъ, Меланхтонъ, Ласкій и Вергерій ведутъ переписку съ Сигизмундомъ Августомъ, убѣждая его послѣдовать примѣру Генриха VIII и образовать національную церковь. Большинство магнатовъ къ 1553 году стоитъ на сторонѣ реформаціи; шляхта заявляетъ себя всюду горячими ея поборниками; даже нѣкоторые епископы, какъ Зебржидовскій, Дрохоевскій и Уханскій, являются сторонниками реформаціонныхъ идей; иныя же духовныя лица вступаютъ въ супружескія связи и причащаютъ мирянъ подъ обоими видами. Если Сигизмундъ I и предпринималъ въ началѣ кой какія мѣры для прекращенія распространенія ереси, то въ концѣ своего царствованія онъ вполне отказывается отъ борьбы съ но-

---

(8) Объ этомъ упоминаетъ и Модржевскій въ соч. *De Republica emendanda*. Basileae. 1559. pag. 661.

вымъ движеніемъ, а Сигизмундъ Августъ руководствуется въ отношеніи къ нему полною вѣротерпимостью:—онъ остается на почвѣ католицизма, но не дѣйствуетъ въ духѣ совѣтовъ Липпомано; сочувствуетъ реформѣ, но не рѣшается приложить ея принциповъ на практикѣ.

Шляхта съ жаромъ хватается за реформацію: этимъ она желаетъ пріобрѣсть свободу совѣсти и высказать свое неудовольствіе изъ за привилегированнаго положенія духовенства. Между шляхтой и духовенствомъ издавна существовалъ антагонизмъ, который пока таился; реформація заставила шляхту дѣйствовать явно, и мы видимъ, что на сеймахъ второй половины XVI столѣтія заводятся споры о томъ, должны ли духовныя лица платить подати со своихъ земель; шляхта стремится уничтожить иммунитеты клира и ограничить предѣлы юрисдикціи духовнаго суда, требуетъ отнятія у духовенства права рѣшать дѣла о ереси, настаиваетъ на томъ, чтобы посылаемые въ Римъ „аннаты“ были обращаемы на потребности государства; проникшись идеей національности и тяготясь постояннымъ вліяніемъ на Польшу римской курии, дѣйствовавшей на польское духовенство въ космополитическомъ духѣ, шляхта задумываетъ даже образовать польскую національную церковь, зависимость которой отъ Рима была бы сведена до *minimum*'а. Но сторонники церковной реформы, не представляя одной сплоченной партіи, не могли дѣйствовать успѣшно противъ той могучей и солидарной организаціи, какую представляла римско-католическая церковь, а потому, со времени водворенія въ странѣ Іезуитовъ и опубликованія постановленій Тридентскаго собора, католицизмъ мало по малу пріобрѣтаетъ прежнее свое значеніе и силу, и къ концу разсматриваемой нами эпохи перевѣсъ оказывается на его сторонѣ.

Реформаціонное движеніе, охвативъ собою почти все польское общество XVI вѣка, пагубно повліяло на Польшу: оно на сравнительно продолжительное время остановило дѣйствіе и ходъ государственной машины. Сеймы XVI вѣка, созываемые королями для удовлетворенія потребностямъ государства, проходятъ въ пререканіяхъ шляхты съ духовен-

ствомъ, сторонниковъ прежнихъ порядковъ съ приверженцами реформаціи; по временамъ даже палата депутатовъ отказывается на прямикъ рѣшать государственныя дѣла, пока не будутъ рѣшены вопросы вѣроисповѣдныя. Среди умственного броженія въ обществѣ, среди хаоса разнообразныхъ религіозныхъ ученій, гибнуть зачатки прочности, положенныя въ основаніе государственнаго быта въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій. Подъ вліяніемъ критическаго духа реформаціи шляхта дѣлается необычайно своевольною и предъявляетъ на сеймахъ требованія, коимъ не въ силахъ удовлетворить верховная власть, истинно заботящаяся о благоденствіи государства. Теряя среди всеобщей неурядицы политическій смыслъ, шляхта не только не думаетъ допустить къ участию въ народномъ представительствѣ крестьянъ, но даже вытѣсняетъ изъ сеймовъ и горожанъ, первыхъ же окончательно прикрѣпляетъ къ землѣ. Сдѣлавшись привилегированнымъ сословіемъ, она преслѣдуетъ исключительно свои цѣли на счетъ другихъ составныхъ элементовъ государственнаго общества. Будучи притомъ не весьма дальновидной, она подвергается вліянію сильныхъ міра сего; возникаютъ олигархіи магнатовъ, которые, при содѣйствіи преданной себѣ шляхты, заправляютъ ходомъ сеймовъ и государственными дѣлами. При такомъ положеніи дѣлъ не могли осуществиться самыя благія намѣренія королей: реформы Сигизмунда I по военному и финансовому управленію обращаются ни во что; подобныя же стремленія Сигизмунда Августа—соорудить необходимыя для государства новаго времени постоянное войско и постоянную государственную казну—не увѣнчались успѣхомъ. Когда же король предлагаетъ проектъ всеобщаго податнаго обложенія „*nolumus esse vectigales*“, отвѣчаетъ на это палата депутатовъ устами одного изъ своихъ членовъ на сеймѣ 1555 года. Во всѣхъ стремленіяхъ короля — улучшить государственный бытъ, палата депутатовъ видитъ лишь стремленіе стѣснить права шляхты.—Отсюда между сеймомъ и королемъ происходитъ разладъ, и если Сигизмундъ I умѣлъ до извѣстной степени умѣрять требованія палаты депутатовъ, то царствен-

ный его наслѣдникъ по неволѣ подчиняется ей и дѣлается королемъ „со связанными руками.“

Конечно, зло тутъ еще въ самомъ началѣ, оно еще не успѣло укорениться и принести пагубные плоды. Пользуясь въ противоположность всей западнои Европѣ полною вѣротерпимостью, Польша свободна отъ тѣхъ религиозныхъ гоненій и внутреннихъ междоусобій, какія разоряли тогдашнія западноевропейскія государства. Она успѣваетъ еще на вѣкоторое время сдѣлаться могущественною и обширною державой: она занимаетъ почтенное мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ, иностранные государи уважаютъ польскихъ королевъ и въ своихъ спорахъ прибѣгаютъ даже къ ихъ посредничеству. Въ общественномъ сознаніи осталась еще извѣстная доля политическаго смысла и совершить фактъ столь важнаго историческаго значенія, какъ соединеніе Польши съ Литвою, оказалось еще возможнымъ.—Наконецъ, та же реформація, которая подкапываетъ государственный организмъ, самымъ превосходнымъ образомъ влияетъ на развитіе образованности и литературы въ Польшѣ. Главнымъ двигателемъ въ этомъ отношеніи была господствовавшая въ это время въ Польшѣ свобода слова и печати. Польская наука и ея представители приобрѣтаютъ европейскую славу, многіе польскіе ученые являются даже ректорами итальянскихъ университетовъ. Литература достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего процвѣтанія: вѣкъ Сигизмундовъ — это „золотой вѣкъ“ польской словесности.

Но при всемъ томъ легко уже замѣтить, какъ разстраивается государственный организмъ, какъ въ обществѣ на мѣсто прежней простоты нравовъ водворяется роскошь, мотовство, эпикуреизмъ въ жизни и отчужденіе отъ войны. Въ Польшу начинаютъ проникать иностранные обычаи, а итальянскій дворъ неаполитанской принцессы королевы Боны, жены Сигизмунда I, вноситъ въ общественную польскую жизнь распущенность нравовъ. Кромѣ того, вкравшіяся къ этому времени разныя злоупотребленія въ церкви и религіи, безобразія, совершаемыя нѣкоторыми пылкими, мало образованными поклонниками реформаціи, свидѣтельствовавшія о ихъ презри-

тельномъ отношеніи къ религіознымъ установленіямъ, не могли не дѣйствовать вредно на религіозныя чувства народа (9).

Естественно, такое положеніе дѣлъ должно было оскорблять людей образованныхъ съ развитыми чувствами: религіознымъ, нравственнымъ и патриотическимъ. Обладая дальновидностью, они должны были предвидѣть, къ чему можетъ повести такое состояніе общества и государства, а потому, они должны были, стоя на уровнѣ своего вѣка, стараться: съ одной стороны, подрѣпить клонившійся къ упадку государственныи бытъ народа, а съ другой — обновить въ немъ нравственно-религіозное чувство.

Къ числу такихъ образованныхъ дѣятелей на псприщѣ соціально-государственныхъ вопросовъ XVI столѣтія и относится Андрей Фричь Модржевскій.

---

(9) J. Szujski. *Historji Polskiéj ksiąg XII.* Warszawa. 1880. pag. 202.

ЧАСТЬ I.

Очеркъ литературной и политической дѣятельности Андрея Фрича Модржевскаго.

ГЛАВА I.

Происхожденіе Модржевскаго. — Время и мѣсто его
рожденія. — Юношескія лѣта и воспитаніе (1503—1540).

Откуда вела свое происхожденіе фамилія Фричей Модржевскихъ, мы ничего вѣрнаго на этотъ счетъ сказать не можемъ. Правда, польскіе лѣтописцы — Длугошъ и Кромеръ уже въ XV вѣкѣ упоминаютъ о лицахъ, носящихъ фамилію Фричъ. Такъ, Кромеръ въ XI книгѣ „*Descriptio Poloniae*“ записалъ извѣстіе, что король Вацлавъ назначилъ намѣстникомъ Великой Польши Фрича изъ Силезіи; въ XVI-ой упоминаетъ, что какой-то Фричъ былъ посломъ къ Владиславу Ягайлѣ отъ германскаго императора Сигизмунда; въ XXV книгѣ находимъ извѣстіе, что въ царствованіе Казимира Ягеллона предводитель войскъ тевтонскаго ордена — Фричъ былъ убитъ въ сраженіи съ Поляками. У Длугоша также находимъ много извѣстій о Фричахъ (10). Но у насъ нѣтъ фактическихъ доказательствъ, что Андрей Фричъ Модржевскій происходилъ отъ упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ лично

(10) J. Dlugossi Historiae Polonicae, Tomus II. Lipsiae. 1712 anno — pag. 214, 300 и др.

стей. Относительно его предковъ мы знаемъ лишь то, что дѣдъ его—неизвѣстный намъ по имени—исправлялъ должность войта въ городѣ Вольборжѣ, который лежалъ неподалеку отъ извѣстнаго въ польской исторіи Піотркова Трибунальскаго. Ему наслѣдовалъ сынъ его Яковъ Фричъ Модржевскій, который исполнялъ въ Вольборжѣ ту же должность (11). Тутъ то родился у Якова Модржевскаго сынъ Андрей Фричъ Модржевскій, между 1502 и 1505 годами (12).

Относительно вопроса, былъ-ли Модржевскій шляхетскаго происхожденія или нѣтъ, до сихъ поръ мнѣнія были различны. Изъ современниковъ Фрича одинъ только Оржеховскій—злѣйшій врагъ его — упрекаетъ Модржевскаго въ низкомъ происхожденіи. Всѣ же писатели, за исключеніемъ одного Яноцкаго, по которому Модржевскій происходилъ „ergo fano ordine“ (13), единогласно называютъ его шляхтичемъ (14). Дѣлая поиски въ здѣшнемъ архивѣ, мы нашли официальный актъ т. н. „annonii adjudicatio“, данный сыну Фрича въ 1581 году Степаномъ Баторіемъ. Въ этомъ актѣ сынъ Андрея значится „nobilis“, — а эпитетъ этотъ прибавлялся лишь къ фамиліи шляхтича. Зная же, что сынъ Модржевскаго не получилъ шляхетскаго индигената, мы заключаемъ, что самъ Андрей, должно быть, былъ nobilis, если этимъ именемъ пользовался сынъ его (15). Впрочемъ, мы можемъ привести и сви-

---

(11) Будучи изгнанъ изъ Вольборжа и посвящая папѣ Пію V свою Ш-ью силву, Модржевскій говоритъ о себѣ: „Haec scripsi sollicitus de bonis meis patris avertisque.“ Silvae quatuor—изд. 1590 sine loco pag. 216.

(12) Нѣкоторые утверждаютъ, что Модржевскій родился въ Модржевѣ. Но это невѣрно. Дѣдъ и отецъ Модржевскаго, какъ войты, должны были подъ страхомъ утраты имущества своего — жить въ Вольборжѣ. Такъ было постановлено епископомъ Матвѣемъ Голячевскимъ 1358 г. (См. его привилегію, данную Вольборжу, — въ исторической монографіи Вольборжа, написанной Григлевскимъ, помѣщенной въ ежегодникѣ п. з. „Rocznik na 1872 rok. Piotrków“ — pag. 65). Слѣдовательно и Андрей Модржевскій долженъ былъ родиться въ Вольборжѣ.

(13) Janociana. Vol. I — pag. 85.

(14) Sandius—pag. 35. Вокъ—pag. 466. Braun—pag. 31. Lauterbach и другіе.

(15) Перечень лицъ, удостоянныхъ шляхетства съ конца XV

дѣтельство самага Модржевскаго для подтвержденія нашего мнѣнія. Отвѣчая на пасквиль Оржеховскаго, (16) онъ говоритъ слѣдующее: „Происхожденіе мое никогда не отличалось знаменитостью, однакожь я не изъ плебеевъ, какъ ты полагаешь. Вѣдь у меня есть родственники, какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери—коренные шляхтичи, которые, если тебѣ угодно, могутъ засвидѣтельствовать, отъ какихъ предковъ я веду свой родъ (17).“ Въ другомъ мѣстѣ, защищая мѣщанъ противъ притязаній шляхты, онъ говоритъ: „хотя я самъ коренной шляхтичъ (*etsi utroque parente nobili natus sum*), однакожь я такъ стану изъяснять дѣло, какъ будто-бы держалъ рѣчь въ присутствіи самага Бога (18).“ Приведенныя слова вполне доказываютъ, что Андрей Фричъ былъ шляхтичъ; нельзя вѣдь допустить, чтобы онъ, пиша для современниковъ, могъ высказывать несогласныя съ истинной мнѣнія о своемъ происхожденіи.

Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго: родъ Фричей, какъ мы видѣли, былъ распространенъ въ Силезіи. Стоило одному изъ нихъ переселиться въ Польшу и приобрести въ собственность имѣніе, и онъ тогда получалъ отъ короля индигенатъ, становясь равноправнымъ съ другими шляхтичемъ. Обычай этотъ практиковался до половины XVI вѣка (19). Быть можетъ, что и предокъ Фрича достигъ этимъ путемъ шляхетства. Позднѣйшую же свою фамилію „Модржевскій“ они вѣроятно получили отъ деревушки, которая находилась тутъ же при самомъ Вольборжѣ (20).

вѣка, приводится Чацкимъ въ соч. „*O polskich i litewskich prawach*. Kraków. 1861. Томъ I. pag. 252. Въ этомъ спискѣ нѣтъ фамиліи Модржевскихъ.

(16) Озаглавленный „*Fricius sive de Majestate Sedis Apostolicae.*”

(17) A. F. Modrevii. *Orichovius sive depulsio calumniarum Stanislai Orichovii. Ex conventu petricoviensi.* 1562—pag. 38.

(18) *De Rep. emend.* 1559 — pag. 769.

(19) *Lengnich. Jus publicum R. Poloniae.* 1766 а. Томъ II, pag. 24.

(20) Такимъ образомъ извѣстіе Яноцкаго (pag. 85) „*a rure natali dictus*“ можетъ быть отнесено къ предку Андрея, но не къ нему самому.

Что касается первоначальной фамилии рода Модржевскихъ— „Fricius“, то нѣкоторые, какъ Оссолинскій (21), переводятъ слово „Fricius“ на польское „Fрус“ и считаютъ его не фамилией, а собственнымъ именемъ Модржевскаго. Другіе, какъ историкъ Шуйскій, колеблются, называя Андрея то Фричемъ, то Фридрихомъ (22). Пересматривая современныя Модржевскому сочиненія, гдѣ находятся упоминанія о немъ, мы видимъ, что онъ вездѣ называется Фричемъ. Такъ называетъ его Оржеховскій (23), такъ называетъ его Базиликъ въ своемъ переводѣ 1557 года, такъ наконецъ, пишутъ его фамилію въ сложившейся о его „Сильвахъ“ поговоркѣ:

„Rex Augustus jussit, *Fricz* scripsit, Trecius astu—

Sub praelo scripta haec bis niger impediit.“ (24)

Во всѣхъ латинскихъ сочиненіяхъ его называютъ „Andreas Fricius“, а даже въ спискахъ студентовъ Краковской и Вюртембергской Академій онъ названъ „Andreas Fricz“ или „Fritz.“

Отсюда слѣдуетъ, что „Fricius“ его фамилія, а не имя, ибо въ такомъ случаѣ его называли-бы „Fridericus“, чего мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Вотъ, почему въ перепискѣ съ друзьями и вообще тамъ, гдѣ не требуется соблюдать особенной точности, Модржевскій именуется не иначе, какъ „Andreas Fricius“, полная же его фамилія: „Andreas Fricius Modrevius“ употребляется лишь съ официальнымъ тонѣ, какъ нпр. на заглавныхъ страницахъ его сочиненій.

Первыя времена своей жизни Андрей провелъ въ родительскомъ домѣ въ Вольборжѣ. Дѣтскую колыбель его не окружали богатства: родители его были люди не слишкомъ зажиточные. Состояніе ихъ было весьма умѣренное (25), а потому трудно предполагать, чтобы Яковъ Модржевскій держалъ у себя для сына какого нибудь учителя-иностранца,

(21) Ossoliński — pag. 67.

(22) Szujski. Dzieje Polski. Tom II. Lwów. 1862—pag. 157 и 289.

(23) См. ссылку 3.

(24) Sandius — pag. 37.

(25) „Ego quidem in tenui fortuna natus...“ говоритъ Модржевскій. De Rep. emend. 1554 — pag. 9.

на подобіе современной ему шляхты, которая выписывала для своихъ сыновей наставниковъ изъ Италіи и Германіи. — Мы скорѣе можемъ предположить, что Андрей обучался первоначально въ той школѣ, которая находилась при приходской церкви въ Вольборжѣ (26). Притомъ, отецъ Модржевскаго, какъ войтъ, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ куявскими епископами, которые имѣли въ Вольборжѣ свою резиденцію. Ко двору епископа стекалось всегда множество знатныхъ и образованныхъ личностей, — въ свитѣ епископа вѣрно также находилось ихъ не мало. Умный и расторопный „żak“, какъ тогда называли школьниковъ, отличавшійся способностями и умѣніемъ легко воспринимать слышанное и видѣнное, легко могъ обратить на себя вниманіе кого-нибудь изъ придворныхъ епископа или даже его самаго, а тотъ позаботился дать ему надлежащую умственную подготовку въ университетѣ. Воспитывался-ли Андрей въ вольборской школѣ или же кто-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ занялся его образованіемъ, — это вопросъ, который рѣшать, можетъ быть, историческіе документы, хранящсея по разнымъ архивамъ, — но мы можемъ смѣло утверждать, что первоначальный наставникъ Модржевскаго, должно быть, былъ человѣкъ, который умѣлъ посвятить въ юномъ умѣ будущаго ученаго любовь и страсть къ занятію науками: это первоначальное образованіе принесло столь благотворные плоды, что Модржевскій уже на 14-мъ году своей жизни поступаетъ въ Краковскую Академію. Желая попасть въ какой-бы то ни было факультетъ, каждый студентъ долженъ былъ кончить вступительные курсы: *trivium*, гдѣ онъ обучался латинской грамматикѣ, риторикѣ и хоровому пѣнію, и — *quadrivium*, гдѣ онъ изучалъ основы философіи и пріобрѣталъ элементарныя свѣдѣнія по математикѣ. Модржевскій же, пройдя эти курсы вѣроятно уже въ Вольборжѣ, поступаетъ прямо на философскій факультетъ (*facultas artium*) въ 1517 году.

(26) Эта школа принадлежала къ разряду колоній академій, въ которыхъ не излагали права и философіи. Вольборское учебное заведеніе принадлежало къ разряду высшихъ; въ немъ въ свое время процвѣтали науки. Łukaszewicz. *Historyja szkół*. Томъ III—pag. 516.

Въ Краковской Академіи первое мѣсто принадлежало богословскому факультету, однако вся суть академіи сосредоточивалась въ факультетѣ „artium;“ онъ былъ, такъ сказать, главнымъ выраженіемъ и показателемъ тогдашней образованности; тутъ процвѣтала схоластическая философія; тутъ наконецъ, былъ родникъ изящной литературы. Цѣль всѣхъ ученыхъ трудовъ профессоровъ и студентовъ факультета „artium“— состояла въ изученіи Аристотеля и его комментаторовъ. Ко времени, когда Модржевскій посѣщалъ лекціи въ академіи, на факультетѣ „artium“ были слѣдующіе болѣе извѣстные профессора: Янъ изъ Стобницы— послѣдователь и горячій поклонникъ философіи Скота, Михаилъ изъ Вратислава, представившій въ сжатомъ видѣ физику Аристотеля и его „περὶ τῆς φύσεως,“ Яковъ изъ Гостынина, комментаторъ Альбрехта Великаго, Николай изъ Гельчева, излагавшій диалектику Марсилія, ученика Оккама, Григорій изъ Ставишина, издавшій аристотелеву аналитику, и деканомъ факультета состоялъ Михаилъ Штернбергъ „sacrae theologiae baccalarius.“ Но всѣ эти ученые блуждали въ сферѣ абстрактныхъ идей и понятій, нисколько не соображаясь съ требованіями дѣйствительной жизни. Изучая Аристотелеву философію, искаженную средневѣковою схоластикой, они сдѣлались поклонниками естественной философіи (*philosophiae naturalis*), которая, подведя наблюденіе подъ извѣстныя апіорныя философскія догматы, изъясняла все не эмпирически, а раціоналистическимъ умствованіемъ, умозрительными построеніями. Не удивительно поэтому, что труды этихъ ученыхъ не вносили въ науку ничего новаго. Аристотель и Альбрехтъ Великій для профессоровъ Академіи были полные авторитеты по части знанія, вслѣдствіе чего они всѣ усилія посвящали ихъ истолкованію, но труды ихъ, проникнутые схоластическимъ духомъ скорѣе затемняли, нежели изъясняли философію древняго и средневѣковаго міра.

Среди такой схоластико-средневѣковой обстановки, подъ руководствомъ туманныхъ доктринеровъ, развивался и воспитывался Модржевскій. Вліяніе этой среды не прошло безъ

слѣдно въ жизни его: подобно своимъ профессорамъ онъ становится горячимъ поклонникомъ Аристотеля и старается въ послѣдствіи подражать ему; подобно имъ, онъ дѣлается страстнымъ охотникомъ вести диспуты по самымъ отвлеченнымъ философскимъ вопросамъ; принимаясь же за рѣшеніе насущныхъ вопросовъ реальной жизни, онъ, какъ и его краковскіе наставники, *иногда* слишкомъ отрывается отъ всякой связи съ дѣйствительностью, мысль его шаритъ въ сферѣ неосуществимой абстракціи и переносится въ облака.

Время съ 1517 г., когда Модржевскій поступилъ въ академію (27), было для учащейся молодежи крайне тяжелое. Это была эпоха выступленія Лютера и начала реформаціи, время, когда можно было вѣрить всему и не вѣрить ни во что. Профессора академіи явились противниками новаго движенія и стали преслѣдовать проявленія его между студентами. Среди послѣднихъ начинается умственное броженіе: многіе, начитавшись сочиненій западно-европейскихъ реформаторовъ, стали сомнѣваться въ непреложности истинъ католической религіи; многіе, не имѣя ясно сформулированныхъ требованій новаго движенія, потѣряли устойчивое положеніе духа и усомнились во всемъ.

Подобно другимъ, и Модржевскій читаетъ сочиненія, ходившія тогда по рукамъ всѣхъ образованныхъ личностей, и знакомится съ реформаціонными идеями вюртембергскихъ философовъ и богослововъ. Юный студентъ легко могъ перенять новыя идеи; онъ дѣйствительно вскорѣ проникается ими; прежнія религіозныя его убѣжденія колеблются, въ немъ происходитъ борьба старыхъ убѣжденій съ новыми идеями, послѣднія видимо начинаютъ одолевать. Вотъ, какъ самъ Модржевскій пишетъ объ этомъ къ другу своему и бывшему товарищу по академіи—Павлу Глоговскому:

„Я возстановляю себѣ въ памяти тѣ времена, когда мы

---

(27) Подъ этимъ годомъ именно въ метрикахъ студентовъ записанъ: „Andreas Jacobi de Wolborz.“ См. Statuta nec non liber promotionum philosophorum ordinis etc. edidit Muczowski. Cracoviae. 1840—pag. 169 въ ссылкѣ.

оба въ двѣтуція лѣта нашей молодости слушали лекціи краковскихъ профессоровъ. Мы тогда обучались всему, только не богословію. Богословскія науки, на сколько мы можемъ себѣ припомнить, почерпывались нами тогда не изъ самыхъ источниковъ, а изъ ручейковъ, не совсѣмъ притомъ прозрачныхъ, а даже, какъ нѣкоторые судятъ, и нѣсколько засоренныхъ. Церковь наслаждалась тогда спокойствіемъ, ничто не смущало ея мира, не было ни одного еретика. Но вотъ, среди глубокой тишины появляется Лютеръ и заставляетъ усомниться въ томъ, что до сихъ поръ составляло фундаментъ и опору божественной науки Христа. Изъ глубины Германіи приносятся къ намъ книги, которыя продаются въ самой академіи. Очень многіе изъ насъ, любившіе все то, что ново, читали эти сочиненія, соглашаясь съ выраженными въ нихъ мнѣніями и воздавая имъ похвалы. Но богословы наши съ презрѣніемъ стали относиться къ нимъ и явно хулить оныя. Папа, кажется, Левъ X запретилъ читать эти книги, грозя непослушному отлученіемъ отъ церкви. Объятые страхомъ наши профессора съ той поры до той степени стали чуждаться этихъ книгъ, что даже стали бросать ихъ въ огонь. Но будучи моложе ихъ, слыша, какъ дѣло Лютера благополучно успѣвало въ Германіи, какъ новыя идеи, возвѣщаемыя имъ, распространяются по всему свѣту, во Франціи, даже въ Италіи и находятъ себѣ отголосокъ и въ нашемъ отечествѣ, мы не въ силахъ были удержаться отъ чтенія книгъ, которыя со всѣхъ сторонъ накоплялись къ намъ, тѣмъ болѣе, что авторами сихъ сочиненій являлись люди, одаренные необыкновеннымъ умомъ и краснорѣчіемъ. Правду сказать, папскій интердиктъ беспокоилъ нашу совѣсть, но такъ какъ въ это время мы сомнѣвались во всемъ, и намъ положительно не было извѣстно, имѣеть-ли какое-либо значеніе, изрѣченное папою запрещеніе, то мы читали все, что ни попадалось въ руки. На первыхъ порахъ мы и не думали одобрять новое ученіе и новыя идеи, ибо человѣку не такъ легко исторгнуть изъ своего сердца и покинуть ту вѣру, которую онъ всосалъ въ себя вмѣстѣ съ молокомъ матери. Но съ теченіемъ времени, какъ тѣ, которые, ходя въ мѣстахъ освѣ-

ценныхъ солнцемъ, дѣлаются обгорѣлыми, хотя они совсѣмъ не съ тою цѣлью ходять по двору, такъ и я, усердно читая сочиненія витембергскихъ ученыхъ лишь съ тою цѣлью, чтобы познать новое ученіе, сталъ сомнѣваться во всѣмъ, — прежнія мои убѣжденія поколебались, я сталъ провикаться новыми идеями....“ (28)

Вотъ, вѣрная картина того душевнаго броженія, въ которомъ очутился Модржевскій, читая сочиненія послѣдователей Лютера. Это однакожь не мѣшало ему усердно заниматься науками. Благодаря своему трудолюбію и способностямъ, онъ успѣлъ занять выдающееся мѣсто между студентами—товарищами: оканчивая въ 1519 году философскій факультетъ, въ списокѣ студентовъ, посѣщавшихъ вмѣстѣ съ нимъ академію и удостоенныхъ ученой степени „baccalaureatus artium“ онъ помѣщенъ первымъ (29). Удостоенный первой ученой степени, Модржевскій остается въ академіи до 1522 года, какъ членъ факультета „artium“ (30), но онъ уже не является соискателемъ высшихъ ученыхъ степеней лиценціанта, магистра и доктора (31).

По выходѣ изъ академіи мы теряемъ Модржевскаго изъ виду. По обычаю, укоренившемуся тогда между мелкою шляхтою, шляхтичъ обыкновенно отдавалъ своего сына ко двору какого нибудь магната, гдѣ юноша довершалъ свое воспитаніе, а иногда ловкостью и умѣніемъ успѣвалъ пажить себѣ порядочное состояніе, ибо магнаты щедро дарилъ услужливыхъ своихъ придворныхъ. Отецъ Модржевскаго также отдалъ

(28) De Rep. emend. 1559 anno—pag. 661 versus 15 сверху.

(29) Въ упомянутомъ трудѣ Мучковскаго (см. ссылку 27) in pag. 169, подъ 1519 годомъ значится: „Anno domini 1519 in decanatu Magistri Michaelis Sternbergk de Lgota districtus Olsnensis sacre teologie baccalarii ac canonici ecclesie sancti Floriani in Cleparz ad Quattuor tempora sancte Lucie ad gradum baccalariatus promoti, hoc, qui sequitur, ordine sunt locati: *Andreas de Wolborz (Fricius hereticus, Fricz)*, *Seruacius de Cybino*, *Casperus de Noua civitate*, *Jacobus de Drobiez*, *Franciscus de Glogouia*, *Johannes de Cracouia*, *Nicolaus de Wilkow*, *Bartholomeus de Bomberga*, *Petrus de Leopoli.*“

(30) Малецкій, pag. 140.

(31) По крайней мѣрѣ не сообщаетъ ничего объ этомъ Мучковскій (ссылка 27). <http://rcin.org.pl>

своего сына ко двору магната (32), надѣясь, что Андрей сдѣлаетъ блестящую карьеру и наживетъ порядочное состояніе. Но вышло обратное. Модржевскій, какъ человекъ отличавшійся прямою характера, не могъ состязаться съ ловкими льстецами, окружавшими богатаго пана. Не умѣя сообразоваться съ обстоятельствами, поступаая честно и правдиво, онъ не имѣлъ ни ловкости, ни умѣнія льстить, а потому меньше всего годился въ придворные. Оторванный отъ научныхъ занятій и принужденный жить среди преданныхъ разгулу и интригамъ придворныхъ, онъ считаетъ себя попавшимъ не въ свои сани, называетъ себя изгнанникомъ, проживавшимъ на чужинѣ, и почти жалѣетъ о томъ, что онъ попалъ ко двору. Убѣдившись въ безсодержательности и пустотѣ придворной жизни, онъ оставляетъ дворъ: горькій опытъ на первой ступени жизни доказалъ ему, что пошлые глупцы, умѣющие прилаживаться къ обстоятельствамъ, иногда берутъ верхъ надъ истинно достойными людьми, что разгулъ, игры, роскошь и пьянство болѣе снискиваютъ себѣ приверженцевъ, чѣмъ науки, которыя иногда бываютъ даже пренебрегаемы, ибо „*ingenuas artes callere nimis plebeium videtur*“ (33). Наконецъ, говоритъ онъ, я опять принялся за свои научныя занятія, подобно изгнаннику, который возвращается въ свое дорогое отечество уже въ вопль зрѣлыхъ лѣтахъ“ (34). На чѣмъ дворъ онъ пребывалъ, когда отъ оставилъ его, мы ничего положительнаго на этотъ счетъ сказать не можемъ (35).

Только начиная съ 1532 года, мы въ состояніи пристальпо слѣдить за нимъ, не теряя его изъ глазъ. Въ концѣ этого именно года онъ отправляется въ Германію и поступаетъ

---

(32) Какого—неизвѣстно. Малецкій утверждаетъ, что онъ былъ отданъ ко двору сѣрадзкаго воеводы Ласкаго (pag. 151). Но авторъ сей диссертациі пересмотрѣлъ тщательно важнѣйшія монографіи Ласкихъ и нигдѣ не нашелъ указаній на столь близкія отношенія къ нимъ Модржевскаго.

(33) De Rep. emend. 1559. Cap. VII. „*Aulae mores et utilitates.*“

(34) Ibidem pag. 541 versus 11—14 сверху.

(35) Ibidem. „*Aetas prima mihi acta est in ludis literariis, post ad aulam deductus sum opum gratia.*“

въ Витембергскій университетъ (36). Спустя четыре года, онъ въ 1536 году, на короткое время возвращается въ отечество. Намъ неизвѣстно, какія обстоятельства заставили его возвратиться на родину, но мы знаемъ, что онъ отъ 20 іюня 1536 г. пишетъ къ Яну Ласкому письмо, въ которомъ заявляетъ, что онъ своими научными занятіями обратилъ на себя вниманіе Сигизмунда Августа, успѣлъ приобрѣсти его расположеніе, и молодой королевичъ назначилъ его своимъ секретаремъ (37). Быть можетъ, что Сигизмундъ Августъ,

---

(36) Въ сочиненіи „Album Academiae Vitembergensis. Lipsiae. 1841,” изданномъ Foerstemann’омъ, in pag. 144, въ числѣ студентовъ, поступившихъ въ Витембергскую Академію во время зимняго семестра 1532 года, приводится и „Andreas Petrus Fritz.” Если принять во вниманіе и свидѣтельство Яноцкаго (Janociana, vol. I, pag. 84), то нельзя сомнѣваться, что упоминаемый въ спискѣ Andreas Petrus Fritz это нашъ Модржевскій.

(37) Письмо это находится въ сборникѣ писемъ, который опубликовалъ въ 1669 году Simon Abbes Gabbema, подъ заглавіемъ: „Illustrium et clarorum Virorum Epistolae, Selectiores superiore et hoc saeculo scriptae in centurias tres. Harlingae Frisiorum.” pag. 19—20. Сборника Габбема нѣтъ ни въ одной изъ библиотекъ г. Варшавы (публичная, гр. Красинскаго, и ордината Замойскаго), его даже нѣтъ въ С.-Петербургской публичной библиотекѣ, куда авторъ сего труда обращался съ просьбой списать письмо Модржевскаго изъ сказанной книги.

У насъ въ рукахъ есть лишь отрывокъ его, списанный въ Берлинской публичной библиотекѣ проф. Любовичемъ. Вотъ онъ:

„Clarissimo viro Domino et patrono suo. Ita quidem literis Sbignei ad me datis cognoveram, te Vitebergae esse debere. Sed quia ille me quoque illic esse suspicabatur, paucis de te scripsit. Tantum mihi gratulatus est, quod te illic consecutus fuero. Verum quia hesterno vesperi forte in quendam jurisperitum insideram, germanum quidem illum, sed qui te et fratres omnes nosset, ex eo audivi, te illi visum esse diebus Maij in nescio quo oppido Poloniae: non poterat enim nominare nomen Polonicum homo Germanus: et ego sane facile passus sum mihi id persuaderi, cum et te ille potuerit mihi ita depingere, ut certo potuerim cognoscere, cum videndo te errare non potuisse, et tantum jam temporis posteaquam Sbigneus ad me scripsit (scripsit enim die XXIII Martii) effluxerit, ut interea vel consilium mutare potueris de profectioe, vel si etiam profectus fuisses, iterum redire. Misi autem acceptis Sbignei literis nuncium meum Vitebergam, sed quantum jam cognosco, sumptus perdi. Hac itaque re permotus non dubitavi ad te scribere, cum hac multi proficiscentur ad mercatum Vratislaviensem, ut illinc iterum ad te remittantur Cracoviam et tamen ne quid incaute agamus, inscripsi literas Sbigneo, si tu fortasse abesses a Polonia. Nam puto, eum jam a me accepisse

полюбивъ Модржевскаго, доставилъ ему средства усовершенствовать свое образованіе, ибо Модржевскій сейчасъ же въ 1536 г. слѣзшитъ обратно въ Витембергъ. Посѣщая лекціи въ университетѣ, онъ знакомится съ нѣкоторыми профессорами и завязываетъ дружескія отношенія съ Меланхтономъ. Выдающіяся качества Модржевскаго, его тихая и скромная жизнь, необыкновенное трудолюбіе и обширныя познанія выдвигали его изъ среды обыкновенныхъ университетскихъ слушателей. Меланхтонъ поэтому цѣнилъ и уважалъ Фрича. Въ 1537 году, когда Модржевскій, гонимый жаждою знанія, желая по-лучше выучиться нѣмецкому языку, отправляется въ Нюрмбергъ, Меланхтонъ даетъ ему рекомендаціонное письмо къ Виту Дитериху, которое можетъ служить лучшей иллюстраціей для ихъ взаимныхъ отношеній. Вотъ, что между прочимъ пишетъ Меланхтонъ къ своему другу: „Хотя я убѣжденъ, что Андрей Фричъ—полякъ и безъ моего письма будетъ для тебя приятнымъ и милымъ собесѣдникомъ (ибо знай, что онъ одаренъ необыкновеннымъ умомъ и вѣрою и отличается во всемъ трудолюбіемъ), однакожь я даю отправляющемуся къ тебѣ это письмо, чтобы ты меня ради тѣмъ охотнѣе оказалъ ему содѣйствіе, которое, я надѣюсь, ты ока-

literas, ut et fasciculos priores a me missos, te absente, ad se acciperet. Idem ipse, quem dixi, jurisperitus attulerat secum Cracovia duos panes siligineum alterum, alterum robeum. Hos miraculi loco nobis exhibebat supra coenam. Signum erat omnibus, maximam caritatem esse annonae Cracoviae, sed idem longe majus miraculum narrabat, Cracoviae idem esse, si quis justam causam habeat atque iniquam: nec illic justiciam valere, sed munera et largitiones. Deferebat se lucrum vel duorum milium in anno facere potuisse, si omnium, a quibus postulabatur, causas in foro agere voluisset, sed sibi conscientiam rectam et aequitatem magis cordi esse, quam totum orbem. Narrabat et alia multa de Magistratibus et sacerdotibus, sed illa memini ab omnibus spargi atque jactari apud nostros. Quae huc afferuntur ea tibi duxi significanda esse...“

„Далѣ, говорится въ спискѣ проф. Любовича, Модржевскій подробно рассказываетъ о религіозныхъ преніяхъ Сакраментаріевъ и Лютеранъ въ Витембергѣ, а также о другихъ крупныхъ новостяхъ въ западной Европѣ. Въ концѣ обозначено: *Crotovii die XX Junii SIOJXXXVI. Andreas Fricius.*” Такимъ образомъ, самая важная для насъ часть письма недостаетъ. Нѣчто о содержаніи остальной части письма сообщаетъ Ст. Новицкій въ „*Gazecie Codziennéj*“ 1854 г. № 137. pag. 4, на котораго мы и ссылаемся.

жешь ему дружелюбно и безъ моей просьбы. Трехлѣтнія ружескія отношенія его ко мнѣ были для меня пріятны не только потому, что онъ любить и занимается тѣми же науками, которыя и я возлюбилъ, но гораздо больше вслѣдствіе того, что онъ утѣшалъ меня въ тяжелыя минуты жизни и оказывалъ мнѣ содѣйствіе словомъ и дѣломъ. Нынѣ онъ отправляется въ Нюрмбергъ для лучшаго изученія нѣмецкаго языка; онъ избралъ вашъ городъ потому, что въ немъ скорѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, онъ можетъ найти много памятниковъ искусства и науки и будетъ въ состояніи воспользоваться обществомъ твоимъ и многихъ тамошнихъ ученыхъ мужей. Считаю Нюрмбергъ очагомъ и разсадникомъ образованности для всей Германіи, онъ намѣревается провести въ немъ нѣкоторое время. Ты сдѣлаешь мнѣ большое одолженіе, если удостоишь своею дружбою сего почтеннаго ученаго мужа“ (38).

Въ Нюрмбергѣ Модржевскій пробылъ три года и въ 1540 году, тридцати семи лѣтъ отъ роду, онъ возвращается въ отечество (39).

Такимъ образомъ протекла его юность. Лучшія лѣта свои онъ посвятилъ научнымъ занятіямъ и только на непродолжительное время, повинувшись общепринятому обычаю, очутился при какомъ-то панскомъ дворѣ. Придворная жизнь произвела на него отталкивающее вліяніе: онъ убѣдился, что лучшимъ поприщемъ для его дѣятельности служатъ научныя занятія, а не веселая жизнь придворнаго, онъ и всецѣло предается имъ. Ведя скромную и умѣренную жизнь, отличаясь воздержностью, онъ былъ человѣкъ, для котораго существовала одна страсть — пламенная жажда науки (40). Воспитанникъ вольборской школы, а затѣмъ студентъ и членъ Краковской Академіи, онъ докончилъ свое образованіе въ Гер-

(38) Epistolae Melanchtonis a Joanno Sauberto Norimbergae editae 1640 anno, pag. 24. Цитируетъ Бокъ, pag. 446—447.

(39) Janociana, pag. 85.

(40) Neque adolescentia mea ita intemperans fuit (Deo sit gratia), ut corpus vel effetum vel enerve traderem senectuti,“ говоритъ Модржевскій въ брошюрѣ „Orichovius“ pag. 53.

маніи подъ руководствомъ главныхъ представителей реформациі. Наконецъ, богатый знаніями и опытомъ, онъ возвращается въ отечество, чтобы осуществить возлагаемыя на него надежды своихъ коронованныхъ покровителей и отечества.

Г Л А В А П.

Первые литературные труды Модржевскаго и его отношенія къ Краковскимъ рационалистамъ (1540—1546).

Опредѣляя въ одномъ изъ своихъ сочиненій цѣль поѣздки за границу молодого человѣка, Фричъ такъ говоритъ: юноша, пребывая за границей, не долженъ стараться о заведеніи многихъ знакомствъ и о приобрѣтеніи возможно большаго числа друзей, но ему слѣдуетъ пристально наблюдать, „quid apud exteros populos dignum sit bonis moribus, legibus, disciplinis, ut id observet ac domum reversus exponere—queat ad res domesticas emendandas“ (41). Мысль эта, изреченная Модржевскимъ десять лѣтъ спустя, руководила его пребываніемъ за границей: онъ наблюдалъ обычаи, законы и учрежденія чужестранцевъ, старался проникнуть въ сущность всего полезнаго, усвоить себѣ все разумное. Разширивъ такимъ образомъ кругозоръ своихъ знаній, обогатившись опытомъ и наблюденіемъ, онъ снѣшить на родину подѣлить со своими соотечественниками приобрѣтенное знаніе, онъ ставитъ себѣ основною цѣлью своей жизни — трудъ для блага родной страны.

Общественно-политическій строй Польши, обладавшій многими недостатками, доставлялъ обильный матеріалъ для

ученаго дѣятеля. Какъ человѣкъ, воспитанный въ духѣ новыхъ идей, какъ гуманистъ, критически относившійся къ современнымъ социальнымъ и государственнымъ порядкамъ, Модржевскій не могъ пѣть похвальныхъ гимновъ въ честь отечественныхъ порядковъ, которые не были совершенны. Онъ поэтому подвергаетъ ихъ безпощадной критикѣ, произноситъ строгій приговоръ всѣмъ несообразностямъ народнаго быта. Но съ другой стороны, какъ патриотъ, проникнутый горячею любовью къ своему отечеству, онъ не могъ ограничиться одною лишь критикою современной ему Польши; разрушая старое зданіе—онъ долженъ былъ на его мѣсто воздвигнуть новое. Модржевскій и пытается предложить цѣлый рядъ реформъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для поддержанія клонившагося къ упадку общественно-политическаго строя Польши; онъ не только рѣшается вести борьбу со всѣми предразсудками своего времени, но и хотѣлъ бы искоренить ихъ. Онъ сознаетъ, что борьба эта не легка,—что побѣда въ ней — дѣло сомнительное, что дѣйствовать подобно ему, значить плыть противъ теченія, но это не останавливаетъ его на пути, ибо „*principiis obstandum erat non conivendum in tanto tempore meo,*“ говоритъ онъ Оржеховскому, вспоминая о первыхъ порахъ своей дѣятельности (42). Не занимая видныхъ государственныхъ должностей, не будучи знатнымъ и богатымъ паномъ, который руководилъ всею шляхтою въ своемъ округѣ, Модржевскій не могъ быть практическимъ, политическимъ дѣятелемъ. Ему остается одно поприще — путемъ литературныхъ трудовъ воздѣйствовать на современниковъ, ограничиваясь ролью ученаго политика-теоретика. Впервые онъ выступаетъ на литературное поприще въ 1543 году, сорока лѣтъ отъ роду.

Сюжетомъ для перваго труда Модржевскаго послужилъ дѣйствовавшій въ его время законъ „*de poena homicidii.*“

Въ силу закона, изданнаго еще въ царствованіе Яна Альбрехта, убійца былъ наказываемъ денежнымъ штрафомъ въ 120 гривнъ и тюремнымъ заключеніемъ на одинъ годъ и

(42) Orichovius, pag. 59.

шесть недѣль, если жертвою былъ шляхтичъ; за убіеніе же холопа или мѣщанина, преступникъ присуждался лишь къ уплатѣ денежной пени въ десять гривнъ безъ тюремнаго заключенія (43). Законъ этотъ тяжелымъ бременемъ ложился на низшіе классы народа: въ то время, какъ шляхтичъ почти безнаказанно могъ убить холопа, зная, что въ наказаніе за это ему придется уплатить лишь незначительную сумму денегъ, бѣднякъ — не-шляхетскаго происхожденія за убіеніе шляхтича, не будучи въ состояннн уплатить слишкомъ высокаго для него штрафа въ 120 гривнъ, оставался до конца жизни въ темницѣ или расплачивался своею жизнью. Но законъ этотъ былъ также не выгоденъ и для мелкой шляхты: богатый панъ, убивъ шляхтича, задобрялъ родственниковъ убитаго дарамн и уклонялся отъ тюремнаго заключенія; гродскіе же старосты смотрѣли сквозь пальцы на эти злоупотребленія и не приводили въ исполненіе судебныхъ приговоровъ. Поэтому неудивительно, что убійства достигли громаднхъ размѣровъ: по даннымъ, записаннымъ въ метрику коронной, за трехлѣтній періодъ съ 1506 года по 1509 въ Польшѣ (за исключеніемъ Мазовіи) насчитывалось 967 убійствъ разнаго рода (44). Сигизмундъ I-ый путемъ законодательныхъ мѣръ старался положить конецъ этимъ безобразіямъ, но земскіе послы на сеймахъ помѣшали ему установить болѣе строгое наказаніе за убійство (45). Законъ остался въ прежней силѣ, а злодѣянн со дня въ день увеличивались въ геометрической прогрессіи (46). Такое положеніе вопроса „*de homicidiis*“ конечно должно было вызвать неудовольствіе со стороны образованныхъ лицъ того времени, и, дѣйствительно, мы видимъ, что извѣстнѣйшіе государственные мужи и писатели эпохи Сигизмундовъ ведутъ борьбу противъ за-

---

(43) *Volumina legum*. Изд. въ Петербургѣ. Vol. I. pag. 125.

(44) Czacki. *O polskich i litewskich prawach*. Warszawa. 1801. Tom. II, pag. 119.

(45) *Vol. leg. I*, pag. 168, 202, 251, 262, 248, 270.

(46) „*Fit autem contemptu harum poenarum et capienda ex multa pecunia, ut crebrescant in dies jurgia caedesque.*“ Cromerus. *Descriptio Poloniae*. Lib. III. <http://rcin.org.pl>

кона „de homicidiis.“ Модржевскій, пропитанный гуманными идеями XVI вѣка, также не могъ ограничиться ролью равнодушнаго зрителя и допустить, чтобы въ его отечествѣ люди, по ироническому замѣчанію Оржеховскаго (47), на подобіе скота за извѣстное вознагражденіе предавались во власть злодѣевъ и убійць. Ратуя во имя правъ чело-вѣчества, во имя достоинства личности чело-вѣка, Модржевскій горячо возстаетъ противъ закона „de homicidiis.“

Первый трудъ, въ которомъ онъ старается доказать всю несостоятельность дѣйствовавшаго въ Польшѣ законодательства „de homicidiis,“ онъ издалъ подъ заглавіемъ:

„Ad Serenissimum et Inclytum Regem Poloniae Sigismundum Augustum — Lascius sive de poena homicidii. Andrea Fricio Modrevio authore. Cracoviae, per Hieronymum Vietorem. Kalendis Februariis Anno domini 1543“ (48).

Въ письмѣ отъ 1 января 1543 года, которое предпосылается брошюрѣ и составляетъ введеніе къ ней (49), Модржевскій обращается къ Сигизмунду Августу, увѣщевая его слѣдовать во всемъ примѣру отца и всѣ свои усилія направить ко благу Рѣчипосполитой. Онъ восхваляетъ Сигизмунда I и указываетъ, что онъ нѣсколько разъ на сеймѣ поднималъ вопросъ о законѣ „de homicidiis,“ но дѣло, которое всѣ считаютъ „Reipublicae firmamentum et robur potentissimum“ осталось нерѣшеннымъ. Обращаясь затѣмъ къ Сигизмунду Августу, Модржевскій увѣщеваетъ его не откладывать этого дѣла на будущее время и, какъ можно скорѣе, подвергнуть корректурѣ законъ „de poena homicidii.“ Модржевскій прямо пишетъ Сигизмунду: „Nec unquam debes sperare aliquid praeclari foris aut domi te peragere posse, nisi hoc fundamentum in Republica, tanquam navi, qua

(47) Oratio funebris Sigismundi I, quae in corpore historicorum Tom. III exstat.

(48) Это изданіе in 8-о pag. 43. О немъ упоминаетъ лишь Яноцкій и Эстрайхеръ. Второе изданіе этой брошюры послѣдовало въ Базель 1559 года, при III-мъ изданіи сочиненія „De Rep. emend.“ in pag. 686—719.

(49) De Rep. emend. 1559, pag. 686—688.

omnes vehamur tecum, posueris.“ По мнѣнію Модржевскаго, злодѣй, убившій человѣка, долженъ поплатиться за это своею жизнью. Онъ и совѣтуетъ Сигизмунду назначить въ наказаніе за убійство смертную казнь. Приступая къ дѣлу, онъ выводитъ на сцену уже умершаго сѣрадзкаго воеводу Иеронима Ласкаго и, влагая въ его уста собственные слова, онъ заставляетъ его держать рѣчь въ сенатѣ „de poena homicidii“ (50). Въ этой рѣчи Модржевскій указываетъ всѣ темные стороны закона „de homicidiis“, обнаруживаетъ всю несправедливость „глувцизны“ и, указывая на огромное число совершавшихся убійствъ, приходитъ къ заключенію, что наказаніе за убійство должно быть строже: убійца должно наказывать смерью. Онъ приводитъ множество доказательствъ, свидѣтельствующихъ о превосходствѣ смертной казни надъ денежною пеней, и старается убѣдить читателя, что общество гораздо больше выигрываетъ, наказывая преступниковъ смертью, нежели полагая за убійство денежный штрафъ (51).

Но брошюра Модржевскаго не достигла своей цѣли: сеймъ не захотѣлъ исправлять столь выгодные для шляхты законы. Тѣмъ не менѣе, онъ не считаетъ дѣла проиграннымъ и, два года спустя послѣ изданія первой брошюры, пишетъ воззваніе къ сенату, шляхтѣ и ко всему польскому народу, требуя настоятельно назначенія смертной казни за убійство. Этому воззванію онъ далъ заглавіе:

„Ad Senatum, Equites, Populumque Polonum Andreae Fricii Modrevii oratio de poena homicidii. Addita est oratio Philaletis peripatetici in Senatulo Hominum Scholasticorum de Decreto conventus, quo pagi civibus adimi permittuntur, habita 1543. Kalendis Aprilis. Ex officina typographica Mathiae Scharfenbergerii. Gracchoviae 1545.“ (52).

---

(50) Онъ выводитъ на сцену Ласкаго, который „...hanc legem de homicidiis severe puniendis caput et firmamentum Reipublicae potissimum judicabat..., multa in eam partem argumenta adferebat.“ De Rep. emend. 1559. pag. 691.

(51) Разборъ и текстъ брошюры находится въ приложеніи къ I-ой частн.

(52) In 8-vo, pag. 36. См. Явонскій Vol. I, pag. 86 и Эстрайхеръ

Этой брошюрѣ Модржевскій предпосылаетъ письмо отъ 1 февраля 1543 года къ Альбрехту Ласкому, сыну сѣрадзкаго воеводы Иеронима Ласкаго. Въ немъ онъ хвалитъ Ласкаго за его усердныя занятія науками, совѣтуетъ ему слѣдовать добродѣтельной жизни его отца и не забывать при всякомъ удобномъ случаѣ требовать на сеймахъ уничтоженія „глувщизны“ (53). Въ концѣ онъ посвящаетъ ему свою брошюру и проситъ принять сей трудъ въ доводъ любви и уваженія къ нему.

Послѣ двухъ первыхъ брошюръ, Модржевскій пишетъ третью, стремясь во чтобы то ни стало водворить въ обществѣ гуманность и пробудить въ немъ сознание несправедливости закона „de homicidiis.“ Тутъ онъ уже обращается съ рѣчью къ духовенству, требуя отъ него повліять на шляхту своимъ авторитетомъ и заставить ее презрѣть гнусный законъ. Третья брошюра носитъ заглавіе:

„Ad Archiepiscopos, Episcopos et Presbyteros Ecclesiarum Sarmaticarum Andreae Fricii Modrevii oratio tertia de poena homicidii—Cracoviae apud Hieronimum Vietorem 1545“ (54).

Вскорѣ затѣмъ, спустя годъ, Модржевскій еще разъ поднимаетъ свой голосъ въ защиту человѣческаго достоинства. Но новый трудъ его это уже не „oratio de poena homicidii,“ а жалоба ко всему народу о пренебреженіи справедливости:

„Ad Populum plebemque Polonam Andreae Fricii Modrevii Querela de contemptione legis divinae in homicidas, cui adjuncta est oratio quarta ex psalmis Davidicis composita. Praefixae sunt epistolae duae: altera ad Sigismundum primum patrem, altera — ad Sigismundum Augustum filium, Reges Poloniae inclytos, Lituaniae magnos duces, Russiae, Prussiae Masoviaeque dominos etc. Apud Mathiam Scharfenbergerium anno 1546“ (55).

---

pag. 170. Вторично эта брошюра издана при соч. „De Rep. emend. 1559, pag. 720—735.

(53) Такъ называлась плата за голову убитаго.

(54) In 8-vo, pag. 12. Яноцкій р. 86 и Эстрайхеръ pag. 170. Второе изданіе сей брошюры при соч. De rep. em. 1559 pag. 736—748.

(55) In 8-vo pag. 32. Второе изданіе при De Rep. emend. pag. 49—768.

Этой брошюрѣ Модржевскій предпослалъ два письма: первое письмо къ Сигизмунду I, адресованное отъ 1 апрѣля 1546 года изъ города Бржезины, онъ издалъ отдѣльно нѣсколько раньше всей брошюры подъ заглавiемъ:

„Ad Sigismundum I de contemptione legis divinae in homicidas 1546“ (56).

Второе же письмо адресовано на имя Сигизмунда Августа, отъ 1 iюля того же года изъ Кракова. Въ обоихъ этихъ письмахъ Модржевскій съ необычайною свободою слова обращается къ королю и его наслѣднику съ просьбою, дабы они силою своей воли и энергiи заставили шляхту на сеймѣ смѣнить глумщизну смертною казней.

„Я посвятилъ тебѣ, всемилостивѣйшiй король, эту жалобу, пишетъ онъ Сигизмунду I, ибо это дѣло государей—знать, на что жалуются народы, которые ввѣрили ихъ попеченiю свое благо и цѣлость. Ничто не можетъ сильнѣе обезпечить жизни твоихъ подданныхъ, какъ законъ, котораго мы требуемъ отъ тебя. Всѣ препятствiя, какiя моглибы возникнуть на пути къ его установленiю, обратятся въ прахъ предъ твоимъ постановленiемъ, если оно будетъ согласно съ мнѣнiемъ, волею и стремленiемъ всѣхъ честныхъ и образованныхъ мужей, съ убѣжденiями первенствующихъ лицъ въ сенатѣ и большей части рыцарскаго сословiя, съ голосомъ всего твоего народа. Неужели тебѣ недостаетъ силъ привести дѣло къ желанной цѣли? Можетъ-ли твое королевское величiе считаться для насъ святымъ, если ты не сумѣешь оказать содѣйствiя святѣйшему дѣлу? Первая обязанность государя—стоять на стражѣ божественныхъ и естественныхъ законовъ и защищать ихъ. Требуя смертной казни на преступниковъ, посягавшихъ на человѣческую жизнь, я не посягаю на основные законы Рѣчи-Посполитой, не выдумываю новостей, повторяю лишь то, что въ силу естественныхъ, божественныхъ и общечеловѣческихъ законовъ считаютъ необходимымъ всѣ богословы, ораторы, всѣ ученые и честные мужи. Это не мой голосъ, это не мое мнѣнiе, это голосъ всего мiра,

голосъ самыхъ небесъ. Неужели, монархъ, ты будешь колебаться, слыша призывъ Творца міра сего? Твои простарѣлыя лѣта напоминаютъ тебѣ, чтобъ ты не откладывалъ этого дѣла на будущее. Помни, что ты передъ Судьей всѣхъ народовъ долженъ будешь дать отчетъ и за голову шляхтича, и за голову простаго мужика. Ты побѣдилъ Московскаго князя, ты смирилъ Татаръ и Волоховъ, ты напомнилъ Пруссамъ объ ихъ покорности тебѣ. Но если ты не положишь конца этой междоусобной рѣзнѣ, если за одинаковыя злодѣянія не назначишь одинаковыхъ для всѣхъ наказаній, не подавишь всѣхъ вспышекъ страстей и ненависти, истекающихъ изъ такого закона, если ты карающимъ мечемъ справедливости не накажешь варварскихъ преступленій, тогда повѣрь мнѣ, монархъ, твое призваніе не будетъ исполнено, останется еще что то, чѣмъ ты пренебрегъ, въ чемъ мы и потомки будемъ винить тебя, останется черное пятно на твоей славѣ. Внуки скажутъ о тебѣ, что ты умѣлъ воспламенить волнующіяся страсти, но не сумѣлъ привести ихъ въ равновѣсіе и спокойствіе“ (57).

Но усилія Модржевскаго были лишь „*ria desideria*“, которыми суждено было осуществиться лишь спустя слишкомъ два вѣка (58). Правда, сіи смѣлыя слова не обидѣли Сигизмунда. Мы знаемъ, какъ еще раньше Фрича король усердно хлопоталъ о уничтоженіи глумицизны (59). Поэтому онъ могъ лишь радоваться выходу въ свѣтъ брошюръ Модржевскаго. Фричъ своими трудами подкрѣплялъ стремленія короля: прочтя его рѣчи, если не большинство, то по крайней мѣрѣ извѣстная часть общества должна была признать требованіе Модржевскаго благоразумнымъ и цѣлесообразнымъ, и мы видимъ, что сейчасъ же по выходѣ первой брошюры „*Lascius*“ о законѣ „*de homicidiis*“ заговорили на сеймѣ въ Краковѣ 1543 года (60). Въ 1548 году опять поднятъ тотъ же во-

(57) De Rep. emend. 1559 pag. 749 versus 34 сверху.

(58) Смертная казнь была установлена въ Польшѣ 1768 года. Czacki. O polskich i litewskich prawach. Kraków. 1861, pag. 227 въ ссылкѣ Т. II.

(59) См. ссылку 45.

(60) Vol. leg. I, pag. 281. <http://rcin.org.pl>

прось на сеймъ въ Піотрковѣ (61). Положимъ, что шляхта, имѣя въ виду личный интересъ, не позволила осуществиться благимъ намѣреніемъ короля, но вопросъ „*o meżobójsach*“ съ тѣхъ поръ постоянно поднимается на сеймахъ. Если мы къ тому прибавимъ, что за трехлѣтіе съ 1544 года по 1547, т. е. въ то время, когда брошюры Модржевскаго читались всѣми, число убійствъ уменьшилось въ трое противъ прежняго, то мы не скажемъ, что брошюры Модржевскаго прошли безслѣдно. Мы далеки отъ того, чтобы уменьшеніе числа убійствъ приписывать единственно влиянію Модржевскаго: каждый фактъ, составляющій проявленіе общественной жизни, зависитъ не отъ одной, а отъ многихъ, да притомъ весьма сложныхъ причинъ, но мы должны признать хоть нѣкоторую долю заслуги за Фричемъ. Доказывая несправедливость глущизны и необходимость смертной казни, Модржевскій представляетъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній столь ясные и очевидные доводы, что даже самый крайній сторонникъ глущизны долженъ былъ признать его требованіе совершенно естественнымъ и резоннымъ. Краснорѣчивое изложеніе мыслей, живое и наглядное представленіе дѣла, увлекательный слогъ брошюръ Модржевскаго еще болѣе должны были снискать для него читателей, живое слово его должно было повліять на общественное мнѣніе—хотя извѣстнаго кружка людей.

Но съ другой стороны, Фричъ, безпристрастно относясь къ дѣлу, позволилъ себѣ слишкомъ яркими красками рисовать своеволие шляхты и упрекать ее въ томъ, что она угнетаетъ простой народъ. Онъ пишетъ свое воззваніе не къ одной шляхтѣ, не только „*ad populum*“, но и „*ad plebem*“, о правахъ котораго почти всѣ тогдашніе политическіе дѣятели хранили глубокое молчаніе. Этотъ либеральный взглядъ на современныя соціальныя отношенія въ Польшѣ Модржевскій выразилъ еще ярче и сильнѣе въ брошюрѣ:

---

(61) „*Scriptores Rerum Polonicarum Tomus I continet Diaria Comitiorum 1548, 1553 et 1570.*“ Изд. Шуйскій. Kraków. 1872 г. pag. 267 и 282.

„Oratio Philaletis peripatetici in Senatulo Hominum Scholasticorum de Decreto conventus, quo pagi civibus adimi permittuntur, habita anno 1543 Kalendis Aprilis.“ (62).

Тутъ онъ крайне презрительно относится къ закону, изданному въ царствованіе Яна Альбрехта, который запрещалъ мѣщанамъ покупать имѣнія; тѣмъ же, которые еще до изданія сего постановленія владѣли ими, повелѣвалъ въ установленный срокъ продать ихъ. Въ силу этого закона, одна только шляхта имѣла право владѣть землей на томъ основаніи, будто бы она одна защищала государство (63).

Модржевскій опровергаетъ это положеніе; онъ доказываетъ, что и шляхта, и мѣщане, и чернорабочіе крестьяне одинаково полезны государству; простой народъ больше всѣхъ проливаетъ крови въ защиту отечества; нѣкоторые люди изъ простаго народа оказались даже храбрѣе и полезнѣе для отечества, чѣмъ шляхтичи. Земля же должна принадлежать всѣмъ тѣмъ, кто трудится для блага родины и приноситъ ей истинную пользу, а слѣдовательно не только шляхта, но и другіе слои общества имѣютъ полное право владѣть землей: чловѣкъ, истинно заслуженный, будь онъ простой гражданинъ, скорѣе достоинъ чести, чѣмъ тотъ шляхтичъ, который всё свое достоинство основываетъ на родовомъ происхожденіи.

Модржевскій будто бы держитъ эту рѣчь въ собраніи ученыхъ и окончивая её, онъ говоритъ :

„По моему мнѣнію, законъ этотъ — самый безчеловѣчный; онъ лишенъ всякаго разумнаго основанія и противорѣчитъ всѣмъ божественнымъ и чловѣческимъ законамъ . . . Еслибы мнѣ пришлось держать сію рѣчь въ сенатѣ, я навѣрно не измѣнилъ бы высказаннаго мною мнѣнія, . . . я и тогда не пересталъ бы умолять и заклинять короля, ut moderaretur equitum consilia et a crudelitate flecteret ad humanitatem et aequitatem. Если

---

62) Въ первомъ изданіи эта брошюра была напечатана вмѣстѣ с) II-ю рѣчью „de rena homicidii.“ Вторично она издана была при „De Rep. emend.“ 1559 года pag. 799—781.

63) Vol. leg. I. pag. 124.

бы я не выхлопоталъ отмѣны этого закона, тогда стремился бы инымъ путемъ достигнуть цѣли: я совѣтовалъ бы королю скорѣе сдѣлать всѣхъ мѣщанъ, владѣющихъ помѣстьями, — шляхтичами, чѣмъ позволить на такую тиранію, чтобы отнимать у нихъ собственность.... (64).

„А еслибы не было возможности ни отмѣнить законъ, — ни сдѣлать владѣтелей — горожанъ шляхтичами, то я помимо того, что мое мнѣніе было бы несогласно съ мнѣніемъ всѣхъ, *vel mea voce testarer, me non consentire sententiae impiae, vel omnino de senatu surgerem, nec vellem ibi esse, ubi tam horrenda decreta scriberentur, nec scriba tam impiarum legum esse sustinerem.*“ (65).

Выступая такъ энергично противъ несогласныхъ съ духомъ времени законовъ и предвидя, что за нападки на отечественныя права его могутъ обвинить въ недостатокѣ любви къ отечеству, Модржевскій пишетъ: „я не презираю основныхъ законовъ Рѣчипосполитой, *sentio igitur de legibus patriae, cuius filius sum, quam honestissime: отечество обязано имъ своимъ сохраненіемъ и многими благами. Но всякъ долженъ согласиться, что у насъ есть такіе законы, которые, хотя и были прежде цѣлесообразны, но нынѣ сдѣлались непримѣнны*“ (66). Это и заставляетъ его выступить на литературное поприще, но не съ цѣлью добиться славы писателя: *neque ego is sum, говорить онъ, qui putem me vel natura, vel doctrina, vel facultate dicendi tanta praeditum esse, quantam desideret haec causa: agnosco enim, me ab omni re esse imparatissimum*“. Онъ не ищетъ для себя лавроваго вѣнка, цѣль его трудовъ лишь „*observantiam suam in Rempublicam declarare*“ (67).

Какъ ни возвышенны были стремленія Модржевскаго, какъ ни резонны его требованія, большинство не вяло

---

(64) Кто изъ владѣтелей-горожанъ не продалъ своего помѣстья у того оно отнималось. *Ibidem.*

(65) *De Rep. emend.* 1559, pag. 779—780.

(66) *Ibidem.* pag. 692.

(67) *Ibidem.* pag. 688—689. <http://www.org.pl>

его голосу. Это было время, когда шляхта, приобретаая себѣ все болѣе и болѣе привилегированное положеніе въ государствѣ, стала замѣтно стремиться къ порабощенію другихъ элементовъ общества; поэтому, заводить тогда рѣчь о правахъ простаго народа, брать его подъ свою защиту, указывать на несостоятельность тѣхъ преимуществъ, какими пользовалась шляхта передъ другими слоями общества, подвергать безпощадной критикѣ выгодные для шляхты законы, наконецъ, выше ставить личныя достоинства, чѣмъ родовое происхожденіе — значило быть непростительно дерзкимъ, дѣйствовать наперекоръ обществу. Положимъ, что эти тенденціи могли себѣ найти доступъ въ кругу образованныхъ мужей, стоявшихъ на уровнѣ своего вѣка и истинно сознававшихъ потребности и недостатки своего времени, (какъ нпр. гетманъ Тарновскій (68) и многія другія замѣчательныя личности), но все остальное общество — шляхта — должна была враждебно отнестись къ идеямъ, которыя грозили ей ограниченіемъ ея вольностей: отличаясь радикализмомъ въ отношеніи къ реформѣ церкви и религіи, она была консервативна, если дѣло шло о преобразованіи государственнаго строя. Поэтому, труды Модржевскаго сдѣлались непопулярны между шляхтою и не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ.

Но съ другой стороны, его либеральный взглядъ на современную жизнь, трезвое пониманіе государственныхъ вопросовъ и насущныхъ нуждъ отечества обратили на него вниманіе короля Сигизмунда I и списали ему уваженіе въ кругу образованныхъ мужей. Съ тѣхъ поръ Модржевскій постоянно вращается въ королевскомъ дворѣ среди видныхъ и замѣчательныхъ личностей того времени. Онъ находится безотлучно при Сигизмундѣ Августѣ, какъ его секретарь. Коронованный наслѣдникъ уважаетъ его, любитъ его общество и не только совѣтуется съ нимъ о государственныхъ

---

(68) См. мнѣніе Тарновскаго объ отношеніи шляхты къ крестьянамъ у Модржевскаго. De Rep. emend. 1554. pag. 70 вверху.

пуждахъ, но и въ дѣлахъ, касающихся частной жизни, Модржевскій является надежнымъ его подспорьемъ (69).

Въ это то время около 1546 года завязывается въ Краковѣ кружокъ изъ образованныхъ личностей того времени: извѣстный поэтъ, переводчикъ и богословъ — *Андрей Тржицескій*, типографъ — *Бернардъ Воеводка*, замѣчательный законвѣдъ, ораторъ, поэтъ и философъ — *Яковъ Пржилускій*, духовникъ королевы Боны, знатокъ богословія — итальянецъ *Францискъ Лисманини*, позднѣйшій гнѣзненскій архіепископъ — *Яковъ Уханскій*, краковскій епископъ, ученикъ Эразма Роттердамскаго — *Андрей Зебржидовскій* и многіе другіе извѣстнѣйшіе литературные и государственные дѣятели эпохи Сигизмундовъ состоятъ въ числѣ членовъ этого кружка. Всѣ эти люди — пропитаны идеями гуманизма, всѣ они страстные поклонники классической древности, отлично владѣютъ латинскимъ языкомъ, многіе изъ нихъ пишутъ на немъ свои сочиненія, нѣкоторые даже обладаютъ знаніемъ греческаго и еврейскаго языковъ. Всѣ они относятся сочувственно къ современному реформаціонному движенію, многіе даже, какъ Тржицескій, Лисманини и Пржилускій, открыто становятся на его сторону. Кружокъ этотъ устраиваетъ сходки, на которыхъ члены его бесѣдуютъ и разсуждаютъ обо всѣхъ вопросахъ современной жизни, въ особенности же о вопросахъ церковнорелигіозныхъ, привлекавшихъ къ себѣ въ то время всеобщее вниманіе. Къ этому кружку рационалистовъ примыкаетъ и нашъ Модржевскій (70).

На собраніяхъ и бесѣдахъ кружка очень часто присутствовали и пріѣзжія изъ заграницы выдающіяся личности. Однажды, на одномъ изъ такихъ собраній былъ поднятъ вопросъ о Св. Троицѣ. Кромѣ обыкновенныхъ членовъ кружка

---

(69) См. ссылку 37 и Janosiána p. 84.

(70) Szujski. Odrodzenie i Reformacya w Polsce. Kraków. 1881. pag. 79 et seqq. Szujski. Historyi Polskiej ksiąg XII. Warszawa 1880. pag. 200 и Kondratowicz. Dzieje literatury w Polsce. T. I. pag. 173. Warszawa. 1875 г.

тутъ находился еще нѣкто Спиритусъ-бельгіецъ (71). Собраніе состоялось у Тржицескаго. Поджидая на обѣдѣ, гости собрались въ бібліотекѣ хозяина дома и пользуясь его позволеніемъ, стали пересматривать книги. Спиритусу попался въ руки какой-то молитвенникъ; пересматривая его, онъ напелъ въ немъ молитвы, однѣ въ честь Бога-Отца, другія въ честь Бога-Сына, а инныя въ честь Св. Духа. Удивленный этимъ Спиритусъ обратился къ присутствовавшимъ съ вопросомъ, неужели они почитаютъ трехъ боговъ? Ему было отвѣчено, что поляки, какъ христьяне, вѣрятъ въ единого Бога, который „in unitate essentiae tres personas habet“. „Извините, возразилъ тотъ, Бога, содержащаго въ себѣ трехъ боговъ, слѣдуетъ различать отъ этихъ трехъ боговъ, содержащихся въ немъ“. Присутствующіе отвѣтили, что его мнѣніе не болѣе какъ софизмъ: „вѣра въ Св. Троицу у христьянъ проста: „unus Deus est essentiae, trinus personis“. Но такой отвѣтъ вовсе не удовлетворилъ антитринитарія: „значитъ, заключилъ Спиритусъ, Богъ у васъ выходитъ и единый и тройной; если онъ одинъ, но въ трехъ лицахъ, такъ зачѣмъ же вы обращаетесь къ этимъ тремъ лицамъ съ различными просьбами и каждое изъ нихъ просите объ отдѣльныхъ благодѣяніяхъ?“ На этотъ вопросъ, передаетъ Модржевскій, мы что то, не помню, отвѣтили, но такъ какъ мы полагали, что догматъ о троицѣ—дѣло понятное для всѣхъ, да притомъ религиозное чувство не позволяло намъ заводить спора объ основномъ догматѣ вѣры, то мы поспѣшили прекратить его и заговорили о чемъ то другомъ.

Легко однако было на собраніи у Тржицескаго прекратить разсужденія по столь щекотливому вопросу, по несправ-

---

(71) Это былъ Рудольфъ Мартини, который принадлежалъ къ сектѣ анабаптистовъ. Нѣкоторые же писатели полагаютъ, что подъ именемъ Спиритуса скрывался Эберхардъ Гейстеранъ, одинъ изъ пророковъ, которые, во время распространенія реформаци въ Нидерландахъ, учили, что Св. Духъ это не что иное, какъ человѣческій разумъ. Ossoliński. Wiadomości hist.-kryt. T. IV. Lwów. 1852. pag. 125. Ляутербахъ замѣчаетъ о Спиритусѣ (по латыни—духъ): „oder ein schwarzer oder weiser Geist war nicht nöthig zu fragen weil er seiner Handlung nach allzuschwarz.“ Polnischer Socinismus art. Modrevius.

ненно труднѣе было для Модржевскаго заставить замолчать свой умъ, который не могъ успокоиться, коль скоро разъ запало въ него сомнѣніе относительно какого бы ни было предмета. Религіозное чувство христьянина заставляло его прервѣть разсужденіями Спиритуса, но разумъ, бунтуясь противъ слѣпой вѣры, совѣтовалъ ему разобрать дѣло хорошо, не былъ-ли до нѣкоторой степени правъ еретикъ? Но чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ предметѣ, чѣмъ глубже пытался онъ вникнуть въ него, тѣмъ непонятнѣе и неразрѣшимѣе становился для него вопросъ о Св. Троицѣ. Молржевскій сталъ недоволенъ собою, онъ не желалъ бы вовсе затрогивать этого вопроса, но сей предметъ такъ и навязывался его пытливому уму самъ собою, а между тѣмъ всѣ размышленія о троичности Божества не приводили его ни къ какому положительному результату (72). Въ немъ происходитъ борьба двухъ началъ: слѣпой вѣры и раціонализма.

Начало этой борьбы, какъ мы видѣли выше, относится уже ко временамъ его студенчества въ академіи. Долгое пребываніе Модржевскаго въ Германіи среди видныхъ гуманистовъ и реформаторовъ повліяло на усиленіе въ немъ сей душевной борьбы: онъ не могъ не перенять отъ своихъ германскихъ наставниковъ хоть извѣстной доли того критицизма, который способствовалъ разложенію въ немъ прежнихъ религіозныхъ убѣжденій и заставилъ его относиться ко всему съ точки зрѣнія раціонализма. Въ 1536 году Модржевскій пишетъ къ Яну Ласкому письмо и, донося ему о религіозныхъ распряхъ въ западной Европѣ, прямо заявляетъ, что онъ не врагъ лютеранизма (73). Возвратившись въ отечество и попавъ въ кружокъ краковскихъ раціоналистовъ, на собраніяхъ котораго велись подобные выше приведенному диспуты, Модржевскій тѣмъ болѣе долженъ былъ пропитаться началами раціонализма; новыя идеи должны были завоевать себѣ мѣсто въ его духѣ; прежнія убѣжденія не могли также уступить безъ внутренней борьбы: онъ всосалъ ихъ

(72) A. F. Modrevii Silvae quatuor 1590 sine loco pag. 81.

(73) Bayle T. III. art. Modrevius.

въ себя, какъ онъ самъ сознается, вмѣстѣ съ молокомъ матери, они запали глубоко въ его сердце, борьба слѣдовательно ихъ съ новыми идеями должна была быть упорной и продолжительной. Раціонализмъ однако замѣтно одолеваетъ.

Точнымъ показателемъ такого настроенія его духа и является изданная въ 1546 году брошюра подъ заглавіемъ:

Ad Regem, Pontifices, Presbyteros et Populos Poloniae ac reliquae Sarmatiae oratio Andreae Fricii Modrevii de legatis ad Concilium Christianum mittendis. Addita est gratulatio ad Leonardum Altipolitam, Theologum et Ecclesiasten Cracoviensem et Episcopum Camenecensem designatum. Cracoviae apud Mathiam Scharfenbergium. Idibus Augusti. An. 1546 (74).

Поводомъ къ написанію этой брошюры послужилъ созванный Павломъ III въ 1545 г. Тридентскій соборъ. По требованію папы на соборъ должны были явиться представители отъ всѣхъ государствъ, въ Польшѣ же никто и не думалъ высылать пословъ въ Тридентъ. Архіепископъ Гамратъ мало заботился о дѣлѣ религіи. Наслѣдовавшій ему Держговскій и краковскій епископъ Самуилъ Мацевевскій, также не думали удовлетворить желанію папы. Если же высшіе іерархи такъ небрежно относились къ этому вопросу, то тѣмъ менѣе можно было ожидать почина по этому дѣлу отъ низшаго духовенства, а между тѣмъ папа постоянно ходатайствовалъ посредствомъ своихъ нунціевъ о высылкѣ на соборъ посла отъ Польши (75).

Тогда то выступаетъ Модржевскій съ упомянутою брошюрою: о необходимости высылки пословъ на христьянскій соборъ.

Онъ указываетъ прежде всего на незавидное положеніе церкви и религіи, въ какомъ она находилась въ его время: церковь страдаетъ отъ раскола и разрыва, возстановить въ ней прежнее единство и согласіе можно лишь при друж-

---

(74) In 8-o pag. 32. Бокъ, I. p. 489. Яноцкій I. pag. 87. Второе изданіе сей брошюры послѣдовало при соч. De Rep. emend. Basileae. 1559 pag. 782—797.

(75) Rykaczewski. Relacye nuncyuszów apostolskich o Polsce. Berlin. 1864. Томъ I. pag. 2.

номъ содѣйствіи почтенныхъ и образованныхъ мужей. Для этой цѣли, по Модржевскому, необходимъ соборъ: только онъ можетъ пособить бѣдѣ и излѣчить раны, какія нанесло церкви послѣднее время. Поэтому, слѣдовало бы радоваться, что уже начались совѣщанія на Тридентскомъ соборѣ, но къ величайшему удивленію, Польша и не думаетъ принять участія въ немъ: ни одному архіепископу не пришла въ голову мысль воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ и дать такимъ образомъ религіи надлежащую охрану и защиту. „Но если ваши предшественники, говоритъ Модржевскій, обращаясь съ рѣчью къ высшему духовенству, не заботились о благѣ церкви и религіи, то вы должны возстановить забытое ими. Не только нахальнымъ, но и безнравственнымъ должно считать того, кто обладая столь великою властью, какъ вы, не обращалъ бы вниманія на общественное мнѣніе и, изобилуя богатствами, то и дѣлалъ бы, что проводилъ бы жизнь въ роскоши и блескѣ и занимался бы частными—мірскими, а не религіозными дѣлами. Ваша обязанность употребить иной способъ дѣйствій, когда уже начался соборъ, вы должны вести себя такъ, чтобы мы не чувствовали недостатка въ дѣятельныхъ и заботливыхъ пастыряхъ“ (76).

Единственное средство предотвратить упадокъ церкви и религіи—соборъ, и Польша должна, какъ можно скорѣе, выслать пословъ, которые приняли бы участіе въ его совѣщаніяхъ. Доказавъ, что Рѣчьпосполитая должна участвовать въ дѣлѣ, касающемся всего христьянскаго міра, такъ какъ этого требуютъ папы, установившіяся въ Польшѣ обычай и достоинство Польскаго народа, Модржевскій принимается за рѣшеніе вопроса, какъ и кого слѣдуетъ выбрать въ послы на соборъ.

Посламъ на соборъ предстоитъ совершить дѣло необычайной важности для всего христьянскаго міра—рѣшить всѣ религіозные споры, возбужденные въ послѣднее время реформаторами, и водворить въ церкви согласіе и миръ. Поэтому, выбирать людей, способныхъ исполнить столь труд-

ную задачу, должны все жители страны на созванномъ для этой цѣли синодѣ. Но какъ генеральному сейму предшествуютъ всегда сеймики, такъ и провинціальному синоду должны предшествовать синоды епархіальные. Каждый епископъ созываетъ въ своей епархіи синодъ, въ которомъ должны принять участіе все взрослые члены епархіи: „res enim communis est omnium religio, neminem cura illius non attingit, non licet de iis, quae communia sunt omnium, cuiquam privatim constituere“ (77). На совѣщаніяхъ синода правомъ голоса должны пользоваться все члены или по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые образованы и свѣдущи въ теологіи. Въ первомъ засѣданіи, соучастники синода выбираютъ изъ своей среды въ предсѣдатели съѣзда „viros bonos et doctos, controversias religionis non ignaros,“ а затѣмъ приступаютъ къ выбору представителей отъ епархіи на провинціальный синодъ. Прежде всего, члены синода метаютъ жребій и этимъ путемъ выбираютъ изъ своей среды десять выборщиковъ. Выборщики приводятся къ присягѣ въ томъ, что выбирая представителей отъ епархіи, они озаботятся выбрать людей, достойнѣйшихъ этой почести, послѣ чего они изъ своей среды выбираютъ двоихъ посредствомъ тайной подачи голосовъ.— Въ случаѣ, если окажется удостоенныхъ выбора больше чѣмъ двоихъ,—все избранные удерживаютъ за собой роль представителей епархіи; когда выборщики удостоятъ выбора лишь одного человѣка,—то другой выбирается по жребію изъ ихъ же среды. Когда такимъ образомъ каждая епархіа выберетъ изъ своей среды представителей, тогда созывается провинціальный синодъ. На него съѣзжаются представители отъ всехъ епархіи и выбираютъ изъ своей среды трехъ пословъ на вселенскій соборъ. Производство выборовъ тутъ такое же, какъ и на епархіальныхъ синодахъ: сначала выбираются по жребію выборщики въ количествѣ десяти, а тѣ уже окончательно выбираютъ изъ своей среды трехъ человѣкъ въ послы на вселенскій соборъ. Посламъ вручается неограничен-

---

(77) De Rep. emend. 1559 an. pag. 784. По этому же изданію указаны страницы въ текстѣ.

ное полномочіе дѣйствовать отъ имени всей страны, но чтобы дѣйствія ихъ не были совершенно безконтрольны, къ нимъ приставлены секретари (*notarii*). Послѣдніе обязаны вести подробный протоколъ о совѣщаніяхъ собора и вносить въ него извѣстія о поведеніи пословъ на соборѣ „*ut ne quis postea, non rite aliquid in synodo actum esse, causari possit*“ (pag. 790). Не всѣ однако могутъ быть удостоены выбора въ послы. На соборъ собрались знаменитѣйшіе и ученѣйшіе мужи, и вращаться въ ихъ кружкѣ *cum laude* можетъ лишь тотъ, кто ближе всего подходитъ къ нимъ по своей учености, остротѣ ума и характеру, а потому слѣдуетъ выбирать лишь людей, которые выше всѣхъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Кромѣ того, они должны владѣть языками: латинскимъ, греческимъ и еврейскимъ, быть опыты въ риторикѣ и діалектикѣ и обладать основательнымъ знаніемъ теологій. „*Non enim delectos inter tumales esse volumus, восклицаетъ Модржевскій въ пылу благороднаго патриотизма, sed inter duces; non inter caecos, qui credere auditis cogantur, sed inter eos, qui ipsi oculis videre suis omnia possint.*“ (pag. 791).

Но дѣятельность синодовъ не ограничивается только выборомъ пословъ: синоды должны еще войти въ разсмотрѣніе современныхъ религіозныхъ споровъ и рѣшить всѣ недоумѣнія и сомнѣнія, вызванныя ими.

Епископъ составляетъ списокъ всѣмъ спорнымъ пунктамъ и въ копіяхъ пересылаетъ его въ приходы своей епархіи, дабы прихожане знали напередъ, о чемъ будутъ разсуждать на синодѣ, и могли подготовиться дать отвѣтъ на каждый изъ предложенныхъ вопросовъ. Но нельзя ожидать отъ всѣхъ ясныхъ и точныхъ отвѣтовъ на вопросы, такъ какъ далеко не всѣ понимаютъ надлежащимъ образомъ сущность современнаго религіознаго движенія и его тенденцій. „*Neque enim dissimulandum est, vix in singulis dioecibus singulos esse, qui ad earum causarum cognitionem animum inducere quivissent. Religio enim obstabat et pontificum interdictiones*“ (pag. 788). Для того, чтобы ознакомиться съ основными тенденціями реформаціоннаго движенія и изслѣдовать его *raison d'être*, слѣдовало бы прочесть сочиненія представителей рефор-

маці. Только ознакомившись по источникамъ съ учениемъ реформаторовъ, мы можемъ вѣрно и положительно судить о немъ. „Между тѣмъ, замѣчаетъ Модржевскій, *nos contraria ratione negligenda putamus omnia ab adversariis usurpata, disputandi libertatem odimus, edictis ac religione a libris hereticorum maximam literatorum partem repellimus*“ (pag. 787). Поэтому, слѣдуетъ отмѣнить указы, запрещающіе читать еретическія книги. „*Quos quidem adversariorum libros, si olim per edicta pontificia legere non licebat, nunc hae dies aliud suadere ac postulare videntur*“ (р. 794). Но съ высылкой пословъ и созваніемъ синодовъ слѣдуетъ поспѣшить и для тщательнаго изученія реформаціоннаго движенія недостаеетъ времени, а потому каждый членъ епархіальнаго синода долженъ лишь указать „*omnia ea, quibus vel plebs vel status ecclesiasticus seu more recepto, seu lege antiqua perniciose gravatus esse videatur*“ (р. 788).

Эти указанія членовъ синода, какъ равно и все спорные церковно-религіозные вопросы, возбужденные представителями реформаціи, должны подвергнуться въ засѣданіяхъ синодовъ самому тщательному разбору и критическому обсужденію, — что составляетъ чуть не самую существенную задачу синодовъ: „*hoc enim nisi esset, inutilis mihi prorsus omnis haec synodus videretur, inutiles et delecti in concilium mittendi illis disputationibus, quae illic futurae sunt*“ (pag. 794). Папа могъ учить, что все ученіе церкви непреложно, онъ могъ не созывать собора, если считалъ недозволннымъ разсуждать о дѣлахъ вѣры. „*Aut igitur pontitex accusandus esset, qui concilio indicto occasionem hanc dederit disputandi, aut disputationes de religione licitas esse concedamus necesse est*“ (pag. 786). Но разсуждать о дѣлахъ религіи возможно лишь при полной свободѣ слова, вслѣдствіе чего ее необходимо предоставить членамъ синодовъ. „*Libertatem dicendi ita in synodis requirimus, ut, nisi adsit, prorsus synodos inutiles censeamus*“ (р. 785). Только при соблюденіи этого условія, каждый можетъ откровенно говорить то, что думаетъ, не прибѣгая къ притворству. Собраніе же, на которомъ каждый принужденъ говорить лишь то, что угодно церкви, и даже не осмѣ-

ливается шептать противъ этого, не заслуживаетъ названія синода. Слѣдуетъ помнить, что „*qui mittendi sunt in concilium, ut disputent et discerptent, mittentur, non ut concionentur.*“

Но тутъ возникаетъ новая трудность: по правиламъ религіи церковь считается непогрѣшимою. Это обстоятельство исключаетъ всякую возможность критиковать ея установленія. Поэтому, слѣдуетъ предположить, что церковь можетъ заблуждаться и впадать въ ошибки. „*Ecclesia est coetus hominum Christo credentium, hi vero errare possunt. Sit igitur imprimis positum hoc in nostris synodis, ipsamque ecclesiam errare posse*“ (р. 785—786).

Только установивъ предварительно такое предположеніе и пользуясь правомъ свободнаго разсужденія въ дѣлахъ вѣры, синодъ можетъ приступить къ обсужденію религіозныхъ контроверсовъ и опредѣлить, какія перемѣны желательно было бы произвести въ ученіи церкви и ея установленіяхъ. Состоявшееся по этому вопросу рѣшеніе предсѣдатель синода препровождаетъ на разсмотрѣніе провинціального синода. Провинціальный синодъ подвергаетъ тщательному обсужденію представленныя епархіальными синодами „*desideria*“; подводя имъ итоги, онъ окончательно опредѣляетъ взгляды общества на всѣ спорные церковно-религіозные вопросы и указываетъ нужды церкви. Опредѣленіе провинціального синода должно составлять для пословъ что-то въ родѣ инструкціи, которую они могли бы принять въ руководство при обсужденіи религіозныхъ споровъ на вселенскомъ соборѣ. Отъ нихъ однако не требуется, дабы они упорно отстаивали на соборѣ требованія провинціального синода. Если какое-либо мнѣніе другихъ членовъ собора окажется болѣе согласнымъ съ истиной (!?), послы должны уступить имъ и взять свое мнѣніе назадъ. Вообще же, ко всѣмъ высказаннымъ на соборѣ мнѣніямъ они должны относиться критически, и, принимая участіе въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ, должны быть „*in definiendo lenti, in affirmando circumspecti, in cedendo aliorum sententiae cauti et candidi*“ (р. 793).

Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о высылкѣ на соборъ

пословъ, Модржевскій съ такою рѣчью обращается къ духовенству: „Умершіе недавно епископы, говоритъ онъ, нисколько не заботились объ единствѣ церкви и ея ученіи: *vita eorum in alienissimis rebus versata est*, доказательствомъ чему служить ихъ постоянное молчаніе о дѣлѣ собора. Предшественники ваши то и дѣлали, что устанавливали законы о судебныхныхъ процессахъ и спорахъ, о привилегіяхъ лицъ, занимавшихъ видныя мѣста въ церкви, о стрижкѣ бородъ и тому подобныхъ вещахъ, но вовсе не имѣли попеченія объ ученіи и единствѣ церкви. Примѣру ихъ слѣдовала большая часть низшаго духовенства. *Ecclesiae sub titulo dormitabant omnes, venit interea inimicus, ut Christus dicit, et inter bonum semen lolium superseminavit*. Жнецы однакоже пренебрегли заранѣе уничтожить вредныя сѣмена, они возрасли и уничтожили хорошія. Но нынѣ всё призываютъ васъ къ уничтоженію сего вреднаго сѣмени, призываетъ васъ и самъ папа Павелъ III къ дѣлу исправленія зла. И что-же, о король? что же епископы? неужели мы еще и теперь будемъ спать и не позволимъ пробудить себя? Но мы надѣемся, что вы окажете этому дѣлу должное содѣйствіе, *si vos non langvori ac malo otio, si non epulis ac supellectili splendidae, si non equis ac rebus profanis (ut illi, qui ante vos erant, faciebant) totos dedideritis, sed, ut decet veros pastores, virtuti, doctrinae, officio vestro excolendo*. Постарайтесь же исправить бѣдствія, нанесенныя религіи, и озаботьтесь возвратить церкви прежнее ея достоинство и величіе. Если же вы упустите этотъ удобный случай, что скажетъ о васъ весь народъ, что скажутъ иностранцы, какое наконецъ возмездіе Богъ—воздастъ вамъ за это? Помните, что жизнь ваша коротка и что незадолго на своихъ мѣстахъ вы будете смѣнены другими“ (pag. 794—796).

Обобщая все высказанное въ брошюрѣ, Модржевскій заканчиваетъ ее такими словами: „*Nihil ex omnibus rebus praeclarius, nihil homini Christiano salutarius tanta animorum consensione, religioneque summi Dei pura et integra, ad quam restaurandam et suae unitati restituendam censeo—synodos mox indicendas; libertatem sententiae dicendae unicuique concedendam; viros idoneos, qui ad concilium mittantur,*

eligendos; omnia, quae controversa sunt, quantum per temporis angustiam licet, pertractanda atque alia ex religionis dignitate sunt facienda“ (pag. 797).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе брошюры „de legatis mittendis.“

Она, какъ мы видимъ, отличается богатствомъ содержанія: авторъ не только рѣшаетъ главнымъ образомъ занимавшій его вопросъ о высылкѣ пословъ въ Тридентъ, но и затрогиваетъ многіе другіе не менѣе важные вопросы общественной жизни XVI-го вѣка. Положимъ, въ частности мы не всегда одобрили бы предположенный имъ способъ выбора пословъ: онъ обладаетъ уже тѣмъ важнымъ недостаткомъ, что въ немъ большую роль играетъ жребій, вслѣдствіе чего въ число выборщиковъ, а слѣдовательно и въ число пословъ могутъ попасть люди, недостойные быть представителями страны,—и объясненіе Модржевскаго, что „in tanta varietate ingeniorum ac judiciorum fieri non potest, ut unus aliquis placeat omnibus, qui sit ad rem aliquam idoneus“ (pag. 788), вовсе не можетъ уменьшить силы нашего упрека;—въ общемъ однако, мы должны причислить проектъ Модржевскаго въ ряду проектовъ, замѣчательныхъ по своимъ достоинствамъ. Къ числу свѣтлыхъ сторонъ его мы должны отнести: во первыхъ, приведеніе выборщиковъ къ присягѣ, что до извѣстной степени исключаетъ со стороны ихъ возможность небрежно относиться къ выборамъ; во вторыхъ; требованіе наличности у пословъ высокихъ качествъ ума и характера, что заставляетъ выборщиковъ выбирать въ послы достойнѣйшихъ, и наконецъ, во третьихъ, съ политической точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія обнаружившійся въ брошюрѣ Модржевскаго взглядъ, по которому весь народъ долженъ имѣть рѣшительное вліяніе на дѣла, касающіяся всей страны: по его проекту—все должны участвовать въ выборахъ, и всякій, обладающій необходимыми для этого условіями, можетъ быть избранъ въ послы. Нельзя также не отмѣтить тѣхъ въ высшей степени гуманныхъ общечеловѣческихъ стремленій, какія обнаруживаетъ Модржевскій въ своемъ трудѣ, именно, требованій свободы слова и печати. Положимъ, что такая свобода

во времена Модржевскаго de facto существовала въ Польшѣ, но если принять во вниманіе, что ко времени выхода въ свѣтъ брошюры „de legatis“ повсюду вводится строгая духовная цензура, что въ 1543 году кардиналь Караффа издаетъ указъ, запрещающій печатать книги безъ разрѣшенія церкви, что польское духовенство, повинуваясь папѣ, запрещаетъ издавать и читать книги антикатолическаго содержанія, что даже Сигизмундъ I въ 1520 и 1522 годахъ запретилъ ввозить сочиненія Лютера въ страну подѣ страхомъ конфискаціи имущества и изгнанія изъ предѣловъ государства, то мы должны удивляться смѣлости Модржевскаго, который, не обращая вниманія на могущее постигнуть его преслѣдованіе, такъ явно и открыто порицаетъ эти репрессивныя мѣры, указываетъ на ихъ несостоятельность и настойчиво требуетъ ихъ отмены.

Сей либеральный взглядъ обнаруживается у него и въ возрѣніяхъ на религію, по отношенію къ которой онъ является истиннымъ рационалистомъ.—Правда, горячо ратуя за церковь и религію, побуждая духовенство къ дѣятельности, стремясь уничтожить церковный расколъ, онъ заявляетъ себя въ своей брошюрѣ вѣрнымъ сыномъ церкви, вездѣ сознаетъ себя таковымъ, говоря о реформаторахъ, онъ называетъ ихъ не иначе, какъ „adversarii“, „inimici“ или просто „haeretici“, тѣмъ не менѣе онъ врагъ слѣпой вѣры, и церковь для него не авторитетъ: она, по его мнѣнію, такъ же можетъ заблуждаться, какъ и любой человекъ; для него несостоятельно то, что противорѣчитъ разуму, а потому только тѣ положенія вѣры для него имѣютъ значеніе, которыя въ состояніи выдержать строгую критику разума. Нѣкоторые религіозные догматы, просто заявляетъ онъ, только потому утратили вѣсь для интеллигенціи XVI-го столѣтія, что онѣ установлены церковью „sine disputatione et sine ulla scripturarum collatione“ (pag. 787).

Естественно, что такія тенденціи плохо мирились съ принципами католической церкви, и брошюра Модржевскаго должна была вызвать неудовольствіе въ ревностныхъ католикахъ. Тѣмъ болѣе должно было быть недовольное ею—духовенство, особенно высшее: церковныя злоупотребленія, порча духо-

венства, явно обнаружившаяся во время четырех послѣднихъ примасовъ: Држевецкаго, Кржицкаго, Лятальскаго и Гамрата, ихъ нерадѣніе и индифферентизмъ къ дѣлу религіи — были дѣломъ общеизвѣстнымъ, о которомъ на синодахъ польскаго духовенства твердили во всеуслышаніе (78), но выводить всѣ эти недостатки наружу и хулить ихъ, положимъ, могло бы считаться позволительнымъ духовному лицу. Между тѣмъ противъ всего этого выступаетъ человѣкъ свѣтскій, онъ смѣетъ порицать поведеніе духовенства, первый подаетъ инициативу къ высылкѣ на соборъ пословъ, первый сознаетъ необходимость, что и Поляки должны приложить руку ко всеобщему дѣлу реформы церкви.

Не мудрено поэтому, что высшее духовенство стало съ тѣхъ поръ коситься на него и смотрѣть, какъ на человѣка, стремящагося подорвать авторитетъ церкви. По поводу изданія брошюры „de legatis“ даже завязался диспутъ: образованный варминскій епископъ Станиславъ Гозій, глава польскаго духовенства, старается убѣдить Модржевскаго въ ошибочности его взглядовъ и высказываетъ ему свое негодование особенно за то, что онъ отвергалъ непогрѣшимость церкви. Модржевскій отвѣтилъ на это, что онъ сдѣлалъ лишь предположеніе, что церковь можетъ заблуждаться, и что не будь этого предположенія, соборъ не могъ бы приступить къ обсужденію такихъ вопросовъ, которые давно рѣшены церковью, но въ вѣрности рѣшенія которыхъ стали сомнѣваться въ послѣднее время (79). Разубѣдилъ ли Гозій Модржевскаго въ его тенденціяхъ, мы имѣемъ полное право сомнѣваться: оба они были не дюжинные люди, оба воспитывались и въ Краковской Академіи и въ заграничныхъ университетахъ, оба они обладали слѣдовательно обширными познаніями, и

---

(78) Rykaczewski. Relacyje nuncyuszów. Responsiones DD. Praelatorum etc. ad consultationem Nuntii pag. 51: „De reformatione dicimus, neminem esse, qui non videat, clerum reformatione in vita et moribus ac toto statu suo egere... tam in capite, quam in membris, ut tollantur inde omnes occasiones scandalorum.“

(79) Acta Historica. Tomus IV. Cardinalis Hosii Epistolarum Tomus I. (1525—1550). Kraków 1879. N. письма 243 pag. 228.

трудно предположить, чтобъ одинъ изъ нихъ могъ побѣдить другаго на диспутѣ. Вѣрнѣе всего, они разошлись, не убѣдивъ другъ друга, но диспутъ съ Гозіемъ не обошелся Модржевскому безъ извѣстныхъ вредныхъ послѣдствій: горячій поборникъ католицизма, непримиримый врагъ реформаціоннаго движенія—Гозій составилъ себѣ о Модржевскомъ мнѣніе, что онъ—человѣкъ, зараженный ересью, и съ тѣхъ поръ, по всему вѣроятію, начинается между ними разладъ.

Но какъ ни негодовали на Модржевскаго за его брошюры высшіе духовные іерархи,—главная цѣль ея была достигнута: съ той поры серьезно стали помышлять въ Польшѣ о высылкѣ пословъ въ Тридентъ, и уже чрезъ годъ послѣ ея изданія, Гозій въ письмѣ къ Дантиску заявляетъ, что вопросъ о посольствѣ будетъ вскорѣ поднять на сеймѣ, а въ 1552 г., какъ мы впослѣдствіи увидимъ, выборы пословъ состоялись на сеймѣ въ Піотрковѣ (80).

Брошюра „de legatis mittendis“ нашла себѣ за то радушный пріемъ въ кругу тѣхъ, которые сочувствовали новому умственному и религіозному движенію. Къ нимъ принадлежалъ докторъ богословія, краковскій каноникъ—Леонардъ изъ Вышгорода Слончевскій. Пропитанный либеральными идеями своего времени, нападвшій въ своихъ проповѣдяхъ на церковныя злоупотребленія, считавшій реформу церкви необходимою, онъ пришелъ въ восторгъ отъ брошюры Модржевскаго и даже озаботился ея изданіемъ на собственный счетъ. Предпосылая ей предисловіе, онъ сопоставляетъ въ немъ трактаты Модржевскаго „de lege homicidii“ съ диссертацией „de legatis.“ „Тотъ же Фричъ, говоритъ Слончевскій, обнаружилъ нынѣ передъ нами свой взглядъ на реформу церкви: какъ, написавъ трактаты „de homicidii“, онъ исполнилъ долгъ честнаго гражданина, такъ въ настоящемъ трудѣ заявляетъ себя добрымъ христіяниномъ. Тутъ со свойственнымъ ему величайшимъ благочестіемъ онъ даетъ совѣты, какъ намъ поступать въ виду недавно созваннаго вселенскаго собора. Когда я прочелъ сей трудъ, я счелъ его достойнымъ напеча-

(80) Ibidem. Внизу. <http://rcin.org.pl>

танія: пусть же всё знают о заботливости и усердіи къ религіи сего мужа, любезнѣйшаго моего друга, пусть, прочтя трудъ его, всё духовныя лица воспламятся жаждою добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей!“ (81).

Такова была вступительная дѣятельность Модржевскаго на литературномъ поприщѣ. Характеристическая черта ея — беспощадная критика проявленій современнаго быта, не останавливающаяся ни передъ какими авторитетами. Но это не критика для критики: Модржевскій имѣетъ свои идеалы, достичь которыхъ онъ пытается уже въ началѣ своей дѣятельности. Такъ, въ трактатахъ „de homicidiis“ онъ защищаетъ низшіе классы народа противъ притѣсненій высшихъ, распространяетъ въ обществѣ гуманность и человѣколюбіе, стремясь пробудить въ немъ добрыя чувства: идеаломъ его является тутъ — равенство всѣхъ предъ лицомъ закона. Возставъ въ брошюрахъ „de homicidiis“ противъ притѣсненій въ области физической природы человѣка, въ брошюрѣ „de legatis“ онъ возстаетъ противъ притѣсненій въ области духа, — идеалъ его — полная терпимость въ дѣлѣ вѣры и свобода слова. Проникнутый такими тенденціями, онъ не обращаетъ вниманія на то, что не всё могутъ сочувствовать имъ, что многіе могутъ даже враждебно отнестись къ нимъ, онъ не умѣетъ сообразоваться съ обстоятельствами и скрывать собственныхъ убѣжденій, онъ другъ истины врагъ лжи и лицемерія: „nescio,“ говоритъ онъ въ концѣ диссертациі „de legatis,“ „quomodo animus ab hoc genere orationum abhorret, quae saepe non veritati, sed temporibus tribuantur“ (82).

Таковъ Модржевскій на порогѣ своей литературной дѣятельности.

---

(81) Это предисловіе не находится при II-мъ изд. брошюры „de legatis mittendis.“ Оно приведено у Бока I. 489—490.

(82) De Rep. emend. 1559 pag. 797.

Г Л А В А Ш.

Придворная и дипломатическая служба Модржевскаго.— Брошюры, изданныя имъ въ Прагѣ и Антверпенѣ.—Выходъ въ свѣтъ сочиненія: „De Republica emendanda“ и впечатлѣнїе, произведенное имъ заграницей (1547—1555 г.).

Какъ мы видѣли, Модржевскій уже въ 1536 г. сдѣлался любимцемъ Сигизмунда Августа и состоялъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ нему. Первые его литературныя произведенія высоко поставили Модржевскаго въ глазахъ монарха, умѣвшаго цѣнить дѣйствительныя заслуги,—и Сигизмундъ I-ый, желая оказать ему свою признательность, назначаетъ его на должность королевскаго секретаря (83). Это былъ скорѣе почетный санъ, чѣмъ дѣйствительная должность. Поэтому обязанности королевскихъ секретарей не были точно опредѣлены: они вполнѣ зависѣли отъ короля, должны были исправлять отъ имени его различныя посольства, писали коро-

---

(83) Въ 1543 году въ брошюрѣ „Philaletes“ Модржевскій пишетъ: „...vel omnino de senatu surgerem, nec vellem ibi esse, ubi tam horrenda decreta scriberentur, nec scriba tam impiarum legum esse sustinerem.“ (De Rep. emend. 1559, pag. 780). Сопоставивъ эти слова съ извѣстіемъ Новицкаго (ссылка 37), можно предполагать, что Модржевскій уже въ 1543 г. состоялъ королевскимъ секретаремъ. Титуль „regius secretarius“ въ первый разъ появляется при его фамиліи въ изданіи 1551 года соч: De Rep. emend. въ заглавіи предисловія къ сенату. См. въ началѣ 7-ую страницу неномерованную.

левскія письма и декреты, проводили къ королю и къ сенату иностранныхъ пословъ, излагали въ сенатѣ мнѣнія тѣхъ сенаторовъ, которые по болѣзни не могли присутствовать на засѣданіи, производили слѣдствія по разнымъ спорамъ между людьми королевскаго двора и вообще, какъ передаетъ Кроммеръ, исполняли „omnia honesta et cum dignitate conjuncta ministeria“ (84).

И Модржевскому не разъ приходилось исполнять многія изъ этихъ обязанностей: онъ то пишетъ и составляетъ декреты, выходяшіе изъ королевской канцеляріи, то присутствуетъ въ сенатѣ на засѣданіяхъ (85), то, наконецъ, въ качествѣ самостоятельнаго посланника отправляется къ иностраннымъ дворамъ — или же въ качествѣ секретаря сопровождаетъ другихъ пословъ за границу. Исправляя должность, которая въ его время считалась „pro officio honorificentissimo“ (86), онъ не хвастается этимъ; напротивъ того, онъ чистосердечно сознается въ отвѣтѣ на пасквиль Оржеховскаго, что онъ никогда не исполнялъ въ Рѣчипосполитой значительныхъ должностей. Скромный кабинетный ученый, онъ добросовѣстно исполняетъ обязанности, возлагаемыя на него обоими Сигизмундами, не жалѣя труда и стараній тамъ, гдѣ имѣлось въ виду общее благо (87). Сигизмундъ I особенно охотно пользовался услугами Модржевскаго, когда дѣло шло о высылкѣ посла къ какому нибудь иностранному двору, въ особенности же въ Германію. Пребывая долгое время въ этой странѣ, Модржевскій не только выучился говорить по-нѣмецки, но и ознакомился съ жизнью и обычаями нѣмцевъ, онъ зналъ ихъ общественныя и политическія отношенія, а потому онъ могъ успѣшнѣе другихъ вести переговоры съ германскими госуда-

---

(84) Cromerus. Descriptio Poloniae. De Ministeriis Aulicis. См. Polonicae historiae corpus. Ex bibliotheca PistoriiNidani. Basileae. p. 104.

(85) На это указываютъ цитированныя нами слова Модржевскаго см. ссылку 83.

(86) Яноцкій I. 84.

(87) „Honoris gradus etsi nullos gessi in Republica speciosos quidem et magnificos: verumtamen quae mihi munera a Regibus, Sigismundo utroque patre et filio imperata sunt, ea obivi fide summa, diligentia non mediocri, dexteritate quanta potuit praestari a nostra mediocritate.“ „Orichovius“ pag. 37.

рями по дѣламъ, касавшимся Рѣчи-посполитой. И дѣйстви-
тельно, король сперва высылаетъ Модржевскаго въ качествѣ
самостоятельнаго посланника къ прусскому герцогу Аль-
брехту. Затѣмъ, около 1547 года, по порученію Сигизмунда
I-го, Модржевскій отправляется за границу два раза въ ка-
чествѣ секретаря посольства съ сѣрадзкимъ воеводою Стани-
славомъ Ласкимъ къ императору германскому Карлу V-му и
къ королю Фердинанду и въ третій разъ съ тѣмъ же Ласкимъ
къ герцогамъ Мекленбургскимъ. Во время этихъ поѣздокъ
Модржевскій является, такъ сказать, правою рукою Ласкаго:
онъ всюду сопровождаетъ послѣдняго и оказываетъ ему дѣя-
тельное содѣйствіе перомъ и совѣтомъ (88). Впослѣдствіи,
въ 1549 году Модржевскій, какъ секретарь посольства, вмѣ-
стѣ съ Лукою Подоцкимъ, сопровождаетъ Станислава Го-
зія въ Германію къ Карлу V и Фердинанду. Гозій, какъ ви-
дно изъ его писемъ, относящихся къ этому времени, не очень
былъ доволенъ тѣмъ, что король назначилъ къ нему въ се-
кретари Модржевскаго: правда, онъ принужденъ жить за гра-
ницей вмѣстѣ съ Фричемъ, но онъ не охотно пользуется его
услугами и предпочитаетъ ему Подоцкаго (89).

(88) „Multam et non inertem operam a me navatam esse oratori
(Stanislawo Lascio)“ De Rep. emend. 1559 pag. 543. Объ отношеніяхъ
Модржевскаго къ Ласкому есть краткая замѣтка у Малиновскаго
въ соч. „Stanisława Łaskiego prace naukowe i dyplomatyczne. Wilno.
1864.“ pag. CLII.

Кромѣ того объ участіи Фрича въ посольствѣ съ Ласкимъ нахо-
димъ извѣстіе въ письмахъ Гозія. Когда Гозій ирибылъ, какъ по-
сланникъ въ Германію, то кардиналъ Гранвелла объявилъ ему, что
Ласкій (Станиславъ) обѣщаль быть посредникомъ въ спорѣ Сигиз-
мунда съ Фердинандомъ, въ доказательство чего Гранвелла со-
слался на свидѣтельство бывшаго тутъ же Модржевскаго, „qui tum
cum illo (id est Lascio) fuit et rebus omnibus interfuit.“ Но Модржев-
скій возразилъ на это, что онъ не знаетъ, даль-ли Ласкій подобное
обѣщаніе или нѣтъ, такъ какъ Ласкій съ Гранвеллой разговаривали
на итальянскомъ и французскомъ языкахъ, которыхъ Модржевскій не
понималъ. Acta Historica Tomus IV Epistolarum Hosii T. I N. пись-
ма 377. Hosii relatio legationis ad Regem Romanorum et Imperato-
rem pag. 391.

(89) Объ участіи Модржевскаго въ посольствахъ говорится: 1)
въ „Orichovius“ pag. 37 и 38; 2) въ „Relacyach nuncyuszów“ Рыка-
чевскаго Т. I, pag. 28, и 3) въ цитированныхъ уже нами письмахъ
Гозія. См. NN. писемъ 354, 358 и 377.

Какъ посолъ или секретарь посольства, Модржевскій весьма серьезно относился къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей. „Если мнѣ было поручено принять участіе въ посольствѣ по какому либо дѣлу, говоритъ онъ, я прежде всего старался надлежащимъ образомъ изслѣдовать все дѣло и изучить его и тогда только предлагалъ я свои услуги посламъ, *sic me illis (id est: legatis) consultorem praestabam non ignavum neque indiligentem*“ (90).

Не смотря однако на свою усердную дѣятельность, какъ королевскаго секретаря, Модржевскій не покидаетъ совершенно своихъ литературныхъ занятій. Какъ мы видѣли, онъ все время съ 1547 года по 1550 пробылъ за границей, изрѣдка только заглядывая въ Польшу. Въ 1549 году съ іюня мѣсяца по сентябрь, мы встрѣчаемъ Модржевскаго то въ Антверпенѣ, то въ Прагѣ, то наконецъ въ Брюсселѣ (91). Какъ членъ польскаго посольства, онъ знакомится со многими выдающимися личностями, входитъ съ ними въ дружескія отношенія и очень часто ведетъ съ ними диспуты по разнымъ вопросамъ современной жизни, въ особенности же по вопросамъ религіознымъ, которые въ это время составляли главный предметъ занятій всѣхъ образованныхъ умовъ. Такъ, въ 1547 г. онъ познакомился съ кардиналомъ Сфондератомъ и очень часто посѣщалъ его (92). Въ Прагѣ Модржевскій, вращаясь во дворѣ короля Фердинанда, познакомился съ нѣкимъ Іоанномъ Хасембергомъ—человѣкомъ необыкновенно образованнымъ—который состоялъ при королевскомъ дворѣ наставникомъ и учителемъ великихъ князей. Хасембергъ очень часто посѣщалъ Гозія и Модржевскаго, и они въ троемъ, а иногда и

---

(90) De Rep. emend. 1559, pag. 543.

(91) Acta hist. T. IV. Epistolarum Hosii T. I, NN. писемъ 354, 358 и 377.

(92) Модржевскій пишетъ Павлу IV: „*Possem nominare legatos a latere tuos, qui in aulis tum Caesaris, tum Regis Romanorum versati sunt measque operas viderunt, quas oratoribus praestabam et in primis Sfonderratus cardinalis vir amplissimus, qui anno 1547 Augustano conventui intererat. Hunc ego virum oratoris, cum quo eram, Stanislai Lascii viri illustris nomine saepe, meo etiam nonnunquam conveniebam.*“ De Rep. emend. 1559 anno, pag. 543.

при участіи другихъ лицъ, проводили время въ бесѣдахъ, предметомъ которыхъ служили наиболѣе интересныя въ то время дѣла религіи и церкви (93).

Однажды, во время праздниковъ Пасхи, у Гозія собрались гости; тутъ находились также Хасембергъ и Модржевскій. Какъ разъ въ этотъ день читалась въ церкви проповѣдь „de coena Emantuana,“ и собесѣдники подняли при этомъ вопросъ о причащеніи. Кто-то изъ гостей — „vir clarissimus et in sacris literis exercitacissimus“ — сталъ усердно защищать причащеніе подъ однимъ видомъ, доказывая, что способъ причащенія, практиковавшійся у чешскихъ братьевъ, недѣйствителенъ и нераціоналенъ. Такого же мнѣнія былъ и Хасембергъ. Модржевскій утверждалъ противное: по его мнѣнію причащеніе подъ обоими видами было резоннѣе. Возникъ споръ, но собесѣдники должны были разойтись, и вопросъ остался нерѣшеннымъ (94). Модржевскій пожелалъ точнѣе разсмотрѣть всё дѣло и опредѣлить, на сколько вѣрны доказательства, приводимыя обыкновенно въ пользу того и другаго мнѣнія. Съ этою цѣлью онъ пишетъ разсужденіе въ формѣ діалога о причащеніи, подъ заглавіемъ:

Johanni Hasenbergio illustrissimorum archiducum Austriae magistro, Andreas Erius Modrevius, Polonus Bohemo S. D. mittit Dialogum de utraque specie sacramenti Eucharistiae a laicis sumenda, primum: non affirmandi, sed disputandi et discendi causa conscriptum, Anno Christi 1549 mense Maio Pragae.

Въ этомъ діалогѣ выступаютъ два образованныхъ мужа: Гарпагъ, ревностный католикъ — „acerrimus dogmatum ab ecclesia receptorum defensor,“ и Араторъ, поборникъ преобразованій въ религіи и въ церкви. Они оба ведутъ диспутъ о причащеніи, и побѣда достается Аратору, который требуетъ причащенія подъ обоими видами.

Діалогъ Фрича вызвалъ новый диспутъ: Гозій, какіе-то

(93) „Scis enim, mensas nostras hujusmodi colloquiis tanquam cibis delicatissimis repleri solere.“ De Rep. emend. 1559, pag. 504.

(94) Ibidem.

два епископа и Хасембергъ усердно старались опровергнуть доводы, приведенные Фричемъ въ пользу его мнѣнія. „Nec Hercules contra duos,“ гласитъ пословица, пишетъ Модржевскій къ Хасембергу (95), а мнѣ пришлось защищаться не противъ двоихъ, а — противъ четырехъ, да какихъ еще мужей. Три епископа, а ты былъ четвертый... всѣ мужи образованные и ученые, превосходные богословы, свѣдущіе въ св. Писаніи и въ сочиненіяхъ отцовъ церкви.— Съ такими людьми пришлось вести диспутъ мнѣ, человѣку, стоявшему несравненно ниже ихъ и защищавшему дѣло, несогласное съ католическимъ вѣроученіемъ. Не мудрено поэтому, что я предпочелъ уступить на диспутъ.“

Но Модржевскій не былъ такъ уступчивъ: онъ опять написалъ новый діалогъ, въ которомъ онъ отвѣчаетъ на упрёки, сдѣланныя ему на собраніи у Гозія. Тутъ опять онъ выводитъ на сцену Гарпага и Аратора: первый излагаетъ мнѣнія, высказанныя четырьмя помянутыми лицами, а Араторъ опровергаетъ ихъ. И на этотъ разъ побѣждаетъ послѣдній.

Этотъ діалогъ озаглавленъ:

Andreas Fricius Modrevius, Joanni Hasenbergio Polonus Bohemo S. D. mittit Dialogum, de utraque specie Eucharistiae, a laicis sumenda, secundum: non affirmandi, sed disputandi et discendi causa conscriptum. Anno Christi 1549 mense Junio, Pragae (96).

Находясь въ томъ-же году въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Антверпенѣ, Модржевскій написалъ еще небольшое разсужденіе, въ которомъ онъ опровергаетъ безбрачіе духовенства, подъ заглавіемъ:

Disputatio de verbis divi Pauli (I Corinth. VII): Bonum est

---

(95) Ibidem. pag. 523.

(96) Оба діалога были изданы Модржевскимъ въ 1549 году, на что указываютъ слова его: „editi sunt abhinc fere octenium a me Dialogi duo deque corpore deque sanguine Christi nobiscum communicando“—пишетъ онъ въ началѣ 1558 г. De Rep. emend. 1559. pag. 595. Впослѣдствіи, эти діалоги были изданы еще два раза: 1) при изданіи 1554 года сочиненія de Republica emendanda, гдѣ они находятся: I-ый на стр. 345—377 и II-ой на стр. 377—383; и во 2) при изданіи 1559 того же сочиненія, на стр. 504—525 и 525—533.

homini uxorem non tangere etc., Antverpiae. Anno Christi 1549 mense Septembri (97).

Мы должны тутъ замѣтить, что Модржевскій, хотя и требуетъ причащенія подъ обоими видами и опровергаетъ безбрачїе, но онъ пока высказываетъ свои мнѣнія перѣшительно, какъ вы колеблясь и не зная, на что ему рѣшиться. Онъ радъ бы не отставать ни въ чемъ отъ католическаго вѣроученія, но онъ ищетъ опоры для своихъ вѣрованій не въ церкви, а въ св. Писаніи, текстъ котораго по отношенію къ безбрачію духовенства и причащенію, по его мнѣнію, гласилъ не то, что было возведено въ принципъ католическою церковью. Поэтому, разбирая эти щекотливые вопросы, онъ предупреждаетъ читателя, что дѣлаетъ это „non affirmandi, sed disputandi et discendi causa.“

Тремя упомянутыми брошюрами ограничивается вся его литературная дѣятельность за границей. Къ началу 1550 г. онъ возвращается опять въ отечество ко двору Сигизмунда Августа.

Къ этому времени начинается все болѣе и болѣе обнаруживаться разстройство государственной и общественной жизни въ Польшѣ. Реформаціонное движеніе препятствуетъ надлежащему ходу государственныхъ дѣлъ, замедляетъ политическое развитіе страны, усиливаетъ и безъ того уже непомерное своеволие магнатовъ и способствуетъ разливу страстей въ народѣ. Въ странѣ распространяется анархія, лучшей иллюстраціей которой можетъ служить такъ называемая „wojna kokosza“ 1537 г. Лучшие и дальновидные дѣятели того времени не могли не замѣтить, что Польшѣ недостааетъ сильной правительственной власти, которая, дѣйствуя энергично, ввела бы порядокъ и благоустройство въ государствѣ. Поэтому, уже въ концѣ царствованія Сигизмунда I на сеймахъ раздаются голоса, требующіе внутренняго переустройства государства, а

---

(97) Это разсужденіе было напечатано при II-мъ изданіи соч. De Rep. emend. въ 1554 г. (стр. 383—388) и при III-мъ изданіи его же въ 1559 г. р. 533—540.

когда этотъ король умираетъ, и на престолъ садится Сигизмундъ Августъ, между земскими послами и магнатами завязывается уже настоящая борьба изъ за исправленія Рѣчипосполитой. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи сеймъ 1550 г. Указывая, что многіе законы, даже весьма полезные для государственной жизни, остаются лишь мертвою буквою и до сихъ поръ не проведены на практикѣ вслѣдствіе упорной оппозиціи магнатовъ, земскіе послы требуютъ, дабы королевская власть опредѣлила разъ на всегда, какія изъ этихъ законоположеній имѣютъ обязательную силу, какія нѣтъ, и, рѣшивъ такимъ образомъ все недоумѣнія, постаралась со всею строгостью провести ихъ въ жизнь. Требуя такъ называемой „egzekucyi praw“, земскіе послы представляютъ цѣлую программу внутреннихъ реформъ, какія они считаютъ необходимыми для государства.

Модржевскій, какъ королевскій секретарь, присутствовавшій очень часто на засѣданіяхъ въ сенатѣ при обсужденіи дѣлъ, какъ безотлучный совѣтникъ короля порученія котораго ему не разъ приходилось исполнять, находился такъ сказать у самаго источника власти, въ томъ политическомъ центрѣ, вокругъ котораго вращались все государственные и общественные интересы страны. Такое положеніе доставило ему возможность познакомиться съ потребностями родной страны, точно изслѣдовать политическую борьбу изъ за исправленія Рѣчипосполитой и изучить цѣли и средства обѣихъ борющихся партій. Не принимая притомъ активнаго въ борьбѣ партій участія, стоя на извѣстной высотѣ надъ ними, онъ могъ спокойно и безпристрастно оцѣнить предложенную послами программу государственныхъ реформъ, дать отвѣтъ, на сколько послѣднія удовлетворяли требованіямъ современной жизни, предложить, наконецъ, собственную программу и указать, какія мѣры слѣдуетъ предпринять для преобразованія государства. Какъ горячій патріотъ, Модржевскій едва ли могъ ограничиться ролью равнодушнаго зрителя обнаруживавшагося къ его времени государственнаго разстройства. Онъ и чертитъ цѣлый планъ реформъ, необходимыхъ по его мнѣнію для поддержанія клонившагося къ упадку государ-

ственного строя Польши.—Трудъ, въ которомъ Модржевскій предлагаетъ различные проекты преобразованій, появился въ первый разъ въ печати въ началѣ 1551 г. подъ заглавiемъ:

Commentariorum de Republica emendanda libri quinque: Andreae Fricii Modrevii ad Regem, Senatum, Pontifices, Presbyteros, Equites, Populumque Poloniae ac reliquae Sarmatae: liber primus—de moribus, secundus—de legibus, tertius—de bello, quartus—de ecclesia, quintus—de schola. Cracoviae Lazarus Andreae excudebat mense Aprili 1551. (98).

Этому сочиненiю Модржевскій предпосылаетъ два письма: одно къ Сигизмунду Августу, другое къ сенату, духовенству, шляхтѣ и ко всему Польскому народу (*Cracoviae Calendis Martis 1551 anno*). Въ письмѣ къ королю Модржевскій, указывая государю, какъ трудно хорошо управлять государствомъ, совѣтуетъ ему всѣ свои усилiя, заботы и помышленiя обратить на государство и неусыпно сторожить его внутреннюю и виѣшнюю безопасность. А такъ какъ извнѣ Рѣчи-посполитой нечего опасаться, ибо она находится въ дружескихъ отношенiяхъ съ сосѣдями, то нынѣ слѣдуетъ королю заботиться лишь о внутреннемъ благоустройствѣ государства, тѣмъ болѣе, что въ немъ дѣйствуютъ нѣкоторые такiе законы, которые давно нуждаются въ исправленiи, судебныя учрежденiя бездѣйствуютъ или свисходительно относятся къ преступникамъ, въ жизни же общества замѣчается разстройство и упадокъ нравовъ. Это и побуждаетъ его по мѣрѣ силъ и возможности указать средства для исправленiя недостатковъ Рѣчи-посполитой. Онъ посвящаетъ свой

---

(98) In 16-o fol. 179. Изданiе это составляетъ библиографическую рѣдкость. Въ Варшавѣ оно находится въ одной лишь библиотекѣ Замойскихъ. 14 первыхъ страницъ не номерованы совсѣмъ: на первыхъ шести находится *Epistola ad regem Sigismundum Augustum*; на слѣдующихъ трехъ -- *Epistola ad Senatum*, на десятой неномерованной страницѣ изображенъ гербъ Польши. Затѣмъ на стр. 11—13 находится „*index regum*“ въ алфавитномъ порядкѣ и на стр. 14—*ergata*. Послѣ чего начинается самое сочиненiе: книга *de moribus fol. 1—95, de legibus fol. 96—138* и *de bello fol. 138—179* включительно. Въ концѣ же, хотя и читаемъ слова: „*Nunc ad ecclesiam et coetus sacros transeamus,*“ но книги „*de ecclesia,*“ ни книги „*de schola,*“ которыя поименованы въ заглавiи, нѣтъ.

трудъ Сигизмунду Августу и увѣщаетъ его какъ можно скорѣе взяться за реформу государства (99).

Обращаясь же къ членамъ сената, къ шляхтѣ и ко всему народу, онъ говоритъ: „...Не одинаковыми силами и не одинаковыми способностями обладаютъ все граждане государства: одни принадлежатъ къ классу лицъ, управляющихъ вмѣстѣ съ королемъ страной; другіе, не обладая властью, составляютъ разрядъ частныхъ лицъ; нѣкоторые оказываютъ содѣйствіе государству, давая полезные совѣты, иные содѣйствуютъ его благу и словомъ, и дѣломъ, а есть и такіе, которые принимаютъ лишь пассивное участіе въ общемъ трудѣ въ пользу родины. Поэтому, пусть всякій трудится для блага государства по мѣрѣ возможности, соотвѣтственно своему состоянію, сообразно съ силами своего генія и ума. Тѣ же, которые лишены возможности нести значительную службу государству, пусть содѣйствуютъ ему подачею голосовъ, пусть побуждаютъ другихъ къ добру похвалами, пусть приносятъ благодарность и оказываютъ покровительство тѣмъ, кто трудится въ пользу государства... ради котораго и я составилъ сей трудъ и счелъ нужнымъ предложить его вамъ... Въ немъ я не увлекся ни ненавистью, ни расположеніемъ къ кому-либо, я не обращалъ вниманія на достоинство какихъ бы то ни было личностей: sola veritas quaesita, honestas et utilitas publica. Кто, считая все отечественное вполне правильнымъ и благоустроеннымъ, съ презрѣніемъ относился бы ко всему иностранному... тотъ имѣлъ бы слишкомъ преувеличенное понятіе о нашемъ народѣ и былъ бы несправедливъ по отношенію къ иностранцамъ. Я не желаю для своей книги читателя съ подобными убѣжденіями. Такой человѣкъ пусть сидитъ у себя на дому и превозноситъ похвалами все, что узаконено у насъ нашими обычаями и правами. *Трудъ нашъ предназначенъ для читателя—безпристрастнаго, либеральнаго по своимъ воззрѣніямъ, обсуждающаго все разумно, который не пренебрегаетъ всеиъ иностраннымъ и, взявшиши и оцѣнивая что нибудь, не руководствуется ни любовью къ своему наро-*

ду, ни перасположеніемъ къ чужестранцамъ. Такимъ образомъ я исполняю клятву, которую я далъ, будучи выбранъ въ королевскіе секретари: „если я узнаю, что какая нибудь вещь можетъ принести вредъ или пользу государству, или же необходима для него, то я не скрою этого ни отъ короля, ни отъ лицъ, облеченныхъ властью.“ Нынѣ я и стараюсь исполнить то, что когда-то обѣщаль торжественно. Я указываю недостатки нашихъ нравовъ, законовъ и судовъ, я излагаю злоупотребленія, обнаружившіяся въ дѣятельности разныхъ органовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю способы, какъ возвратиться къ благоустройству и порядку. Многое изъ того, что я предлагаю, быть можетъ, заимствовано мною не изъ опыта, а изъ школы, тѣмъ не менѣе это окажется полезнымъ, если найдетъ себѣ примѣненіе на практикѣ. Достигъ ли я предположенной цѣли, пусть судятъ честные и ученые люди.“ (100).

Модржевскій раздѣляетъ свое сочиненіе на пять частей: первая носитъ заглавіе — о правахъ, вторая — о законахъ, третья—о военномъ дѣлѣ, четвертая—о церкви и пятая—о школахъ. Сообразно этому дѣленію, онъ прежде всего занятъ вопросомъ объ исправленіи нравственнаго состоянія общества: рисуя слишкомъ яркими красками упадокъ нравовъ въ Польшѣ онъ даетъ многочисленные совѣты, какъ возвысить нравственный уровень общества, и предлагаетъ необходимыя для этой цѣли реформы въ государственномъ и общественномъ быту.

Во II-ой части онъ указываетъ недостатки польскаго законодательства, судоустройства и судопроизводства и, предлагая тутъ же извѣстныя преобразованія, стремится водворить болѣе справедливости — въ органахъ законодательной власти и болѣе уваженія къ суду—въ обществѣ.

Въ III-ей части онъ подвергаетъ исправленію организцію военныхъ силъ и подыскиваетъ средства для успѣшнаго веденія военного дѣла.

Въ IV-ой части онъ реформируетъ церковь и нѣкоторыя

религіозныя установленія и задается цѣлью согласить идеи католицизма съ идеями протестантизма.

Наконецъ, въ V-ой части онъ указываетъ на незавидное положеніе публичнаго воспитанія, занятъ вопросомъ объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ на устройство и содержаніе школъ и старается придать школъ болѣе вліянія на общественную жизнь.

Какія реформы предложилъ Модржевскій для исправленія недостатковъ государственнаго и общественнаго строя Польши, могли-ли онъ удовлетворить потребностямъ его времени, отвѣтъ на это мы дадимъ во второй части сего труда, гдѣ равнымъ образомъ мы опредѣлимъ и научное значеніе политическаго трактата „de Republica emendanda,“ здѣсь мы скажемъ лишь, что сочиненіе это было въ свое время явленіемъ sui generis. *Если мы пересмотримъ современную Модржевскому политическую литературу какъ польскую, такъ и западно-европейскую, мы едва найдемъ въ ней подобный капитальный трудъ.* Модржевскій затрогиваетъ или рѣшаетъ почти все вопросы общественнаго и политическаго быта Поляковъ XVI вѣка, трудъ его представляетъ собою цѣльный планъ реформъ, касающихся почти всехъ сторонъ соціально-государственной жизни Польши.

Но не смотря на все достоинство и значеніе труда Модржевскаго, ему не было суждено увидѣть свѣтъ въ полномъ изданіи. Уже брошюра „de legatis mittendis“ въ высшихъ сферахъ духовенства навлекла на Фрича подозрѣніе, что онъ сочувствуетъ реформаціонному движенію. Діалоги о безбрачій и причащеніи подтвердили это подозрѣніе, и, когда Фричъ отдалъ въ печать свои „комментаріи объ исправленіи Рѣчиносполитой,“ они должны были подвергнуться духовной цензурѣ. А между тѣмъ въ четвертой части своего труда „de ecclesia,“ хотя онъ и не нападалъ рѣзко на догматы католическаго вѣроученія, тѣмъ не менѣе онъ отчасти затрогивалъ ихъ, сравнивалъ съ текстомъ св. Писанія, сопоставлялъ мнѣнія реформаторовъ съ мнѣніями отцовъ церкви, хвалилъ Кальвина Меланхтона и Лютера и свободно разсуждалъ объ-

основныхъ пунктахъ католическаго вѣроученія. Въ V-ой же части онъ прр. совѣтоваль отнять у богатыхъ аббатовъ и прелатовъ ихъ бенефиціи и обратить получаемые съ нихъ доходы на содержаніе школъ.

Когда Модржевскій представилъ свое сочиненіе епископамъ, собравшимся на синодъ въ Піотрковѣ 1551 г., то тѣ передали его для пересмотра Гозію. Тотъ же, какъ рьяный приверженецъ католицизма и какъ исконный недругъ Модржевскаго, давно заподозрѣвавшій его въ сочувствіи къ реформаци, въ отчетѣ о сочиненіи „de Republica emendanda“ представилъ его въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ и сталъ ходатайствовать передъ Піотрковскимъ синодомъ о наложеніи запрещенія на выпускъ двухъ послѣднихъ частей комментаріевъ Фрича, чего онъ и достигъ вполне (101). Поэтому то, хотя въ заглавіи изданія 1551 года обозначено все пять книгъ, но на дѣлѣ были напечатаны только три. „Вполнѣ докончить уже начатый трудъ, говоритъ Модржевскій, мнѣ помѣшали „boni quidam et eruditi viri,“ боясь, чтобы сочиненіе мое не нанесло ущерба религіи, между тѣмъ какъ я далеко былъ отъ этой мысли, и цѣль моя была вполне противоположна. Я испытывалъ въ душѣ великую екорбь, когда въ обществѣ стали носиться слухи, что на мое сочиненіе наложено запрещеніе изъ опасенія, будто оно можетъ нанести вредъ религіи.“

По этому поводу стали ходить въ Краковѣ о Модржевскомъ самыя невѣроятныя толки: запрещеніе печатать книгу въ Польшѣ было явленіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, поэтому все разомъ заговорили о случившемся. Положеніе Модржевскаго сдѣлалось невыносимымъ; желая очистить себя въ глазахъ общества, онъ требуетъ у тѣхъ, которые наложили запрещеніе на выпускъ IV-ой и V-ой частей его труда, публичнаго диспута; онъ проситъ ихъ назначить для этой цѣли мѣсто и время и выслушать его защиту, или же доказать несостоятельность его мнѣній. Ему, повятно,

---

(101) Eichorn. Der ermländische Bischof und Cardinal Stanislaus Hosius. Mainz 1854—1855. Tom I. pag. 223—224.

было отказано въ просьбѣ, и онъ долженъ былъ инымъ путемъ оправдать себя: онъ написалъ защитительное письмо, въ которомъ отвѣтилъ на упреки, сдѣланные ему противниками, и разослалъ его ко всѣмъ извѣстнѣйшимъ личностямъ и къ тѣмъ, которые дали поводъ къ этой полемикѣ, причемъ онъ просилъ послѣднихъ, дабы они переговорили съ нимъ по этому дѣлу, хотя частнымъ образомъ. И на эту просьбу Модржевскій не получилъ никакого отвѣта (102).

Такимъ образомъ, первая попытка его — распространять въ своемъ отечествѣ новыя, болѣе согласныя съ духомъ времени тенденціи — не удалась. Но эта неудача не только не произвела въ немъ реакціи, но еще болѣе приохотила его къ дѣятельности на почвѣ богословскихъ вопросовъ: встрѣтивъ при первой же попыткѣ сопротивленіе, онъ пожелалъ во что бы то ни стало сломить его и убѣдить общество въ непреложности своихъ доктринъ. Лишенный возможности распространять ихъ въ своемъ отечествѣ посредствомъ печати, онъ пытается достигъ этого инымъ путемъ: онъ пишетъ диссертациі по отдѣльнымъ богословскимъ вопросамъ и въ рукописяхъ передаетъ ихъ своимъ друзьямъ. Первую такую диссертацию: *De jejuniis christiano* онъ пишетъ два мѣсяца спустя послѣ выпуска въ свѣтъ своихъ комментаріевъ — въ началѣ мая 1551 г., посвящая ее другу своему проповѣднику кафедральнаго краковскаго собора бакалавру богословія Лукѣ Аквилину. Аквилинь въ своихъ проповѣдяхъ очень часто порицалъ короля и его придворныхъ за несоблюденіе разныхъ религіозныхъ предписаній церкви и въ особенности требовалъ строгаго соблюденія постовъ. Модржевскій не разъ присутствовалъ на проповѣдяхъ Аквилы и, такъ какъ ему показалось, что Аквилинъ чрезъ чуръ преувеличиваетъ значеніе постовъ, то и написалъ упомянутую диссертацию, гдѣ онъ проводитъ свой взглядъ на посты и объясняетъ, какъ слѣдуетъ понимать предписаніе церкви о постахъ. „Твой совѣтъ — соблюдать посты, говоритъ Модржевскій, я считаю совѣтомъ умнаго мужа и добраго сына церкви, *sed enim modum in eo adhiben-*

dum esse et res ipsa hortatur et tempora jubent“ (103). Модржевскій сознаеть необходимость постовъ, но понимаетъ ихъ въ смыслѣ воздержанія отъ излишняго кушанія и питья. Постъ, по его мнѣнію, имѣеть въ виду скорѣе физическое, нежели духовное здравіе человѣка, а потому онъ требуетъ, чтобы всякій постился лишь тогда, когда ему будетъ угодно, и чтобы воздерживался отъ тѣхъ блюдъ и кушаній, воздержаніе отъ которыхъ онъ признаеть для себя полезнѣе (104). Такимъ образомъ Модржевскій рѣшаетъ этотъ вопросъ не совсѣмъ согласно съ ученіемъ церкви.

Впрочемъ, такое отношеніе къ церковнымъ установленіямъ мы къ этому времени встрѣчаемъ въ Польшѣ повсемѣстно; идеи реформаціоннаго движенія начинаютъ пользоваться тутъ необыкновенною популярностью не только у свѣтскихъ лицъ, но даже и у нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ церкви. Протестантизмъ начинаетъ одолевать: почти вся шляхта, не исключая и духовенства, проникается религіозными новшествами, послы-католики въ палатѣ депутатовъ составляютъ значительное меньшинство, многіе уплачиваютъ духовенству десятину со своихъ имѣній лишь подъ условіемъ причащать ихъ подъ обоими видами, нѣкоторые даже католическіе священники нападаютъ на безбрачіе клира и открыто вступаютъ въ супружескія связи (105). На сеймахъ поднимается вопросъ о духовной юрисдикціи, и шляхта требуетъ отнятія у духовныхъ права суда о ереси. На сеймѣ

(103) Ibidem. pag. 434—435.

(104) „De jejunio christiano“ составляетъ Tractatus IV in libro de Ecclesia II-do въ De Rep. emend. 1559, pag. 434—441.

(105) Scriptorum Rerum Polonicarum. Kraków, 1872 г. T. I. Dyjarjusze sejmów koronnych z lat 1548, 1553 i 1570 pag. 93: „Ita in Polonia in religione est novatum—пишетъ Герберштейнъ 1551 г.—ut mirum monstrumque adeo sit, tam subito tantam fieri potuisse in sacris mutationem. Plures jam sacerdotes a Samuelis episcopi morte uxores duxere, easque ex nobilium familiis. Ita, ut liquido appareat, nobilitatem omnem, perpaucis senibus exceptis, ad res in religione novas aspirare, non tam fortasse, quod consultum christianae pietati esse velint, quam ut ordini ecclesiastico; cujus summa fuit auctoritas et opes, maxime aegrefaciant... Et quod equites nonnulli sacerdotibus... decimas... alias se pensuros negant, nisi eis illi utriusque speciei eucharistiam praebeant, id parvum quiddam hominibus videtur...”

1552 года происходит сильное столкновение между земскими послами и духовенствомъ: Рафаиль Лещинскій называетъ священниковъ „волками въ овечьей шкурѣ,“ а даже извѣстный католикъ, канцелярь краковскій, великій гетманъ коронный — Янъ Тарновскій, выступаетъ съ рѣчью, направленною противъ духовенства. Свалка оканчивается тѣмъ, что епископы перестали бывать въ королевскомъ совѣтѣ, но духовная юрисдикція перестала существовать. Прекращеніе духовныхъ судовъ по дѣламъ ереси и возникшая по этому поводу неурядница между шляхтою и духовенствомъ, оживили надежды и усилили дѣятельность протестантовъ, многіе бѣглецы возвращаются назадъ, реформація распространяется еще быстрѣе, и разновѣрцы начинаютъ устранивать сѣзды и синоды (106).

Въ виду такого усиленія протестантизма въ Польшѣ, и Модржевскій могъ дѣйствовать свободнѣе, не опасаясь подвергнуться преслѣдованію со стороны духовенства: онъ начинаетъ даже пользоваться у общества извѣтною популярностью, вслѣдствіе своихъ богословскихъ трудовъ, и когда на сеймѣ 1552 года были выбраны въ послы на тридентскій соборъ: куявскій епископъ — Іоаннъ Дрохоевскій, холмскій епископъ — Яковъ Уханьскій и краковскій воевода Станиславъ Тенчиньскій, то къ нимъ въ качествѣ секретаря, былъ назначенъ и авторъ брошюры „delegatis mittendis“ (107). Послы, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Модржевскимъ и полагая, что онъ, какъ ученикъ Меланхтона, ближе знакомый съ религиозными контроверсами, сумѣетъ ясно указать недостатки внутренняго и внѣшняго устройства церкви, обратились къ нему съ просьбой разяснить и разобрать всѣ тѣ спорные пункты, по которымъ имъ придется высказать мнѣніе на вселенскомъ соборѣ. Модржевскій взялся (108) пере-

(106) Zakrzewski. Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce. Kraków. 1870. pag. 67—69.

(107) De Rep. emend. 1554. pag. 192 заглавіе и p. 193 versus 8-ой сверху.

(108) „Erat mihi onus impositum a rege ad concilium proficiscendi cum legatis. Quibus in negotiis hortantur, ut omnia despicerem,

смотрѣть написанныя имъ еще въ 1551 г. IV-ую и V-ю части комментарий: „de ecclesia“ и „de schola“ и, дополнивъ ихъ (109), онъ въ 1553 году посылаетъ всю рукопись сочиненія de Republica emendanda для напечатанія въ Базель къ типографу Иоанну Опорину (110), и въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1554 года выходитъ второе полное изданіе труда Модржевскаго (111). Книгѣ „de ecclesia“ Модржевскій предпосылаетъ два письма: одно къ Сигизмунду Августу, въ которомъ онъ увѣщаетъ его заботиться о благоустройствѣ церкви, водворить въ ней спокойствіе и охранять ее отъ смуть и неудрядницъ того времени (pag. 189—191), и другое къ посламъ, съ которыми онъ долженъ отправиться на соборъ. „Вы знаете, говоритъ онъ къ нимъ, что причиною настоящихъ смуть служатъ: порча нравовъ, отсутствіе строгой дисциплины, мягкость законовъ, извращенность ученія

quae tractanda essent, feci, ut potui, nemini praeripiens munus suum.“ См. Orichovius, pag. 33.

(109) Sed qui (id est — liber de ecclesia) tunc temporibus in lucem prodire vetitus est, idem nunc absolutus et auctus cum faenore prodit.“ De Rep. emend 1554. pag. 186.

(110) Нѣкоторые писатели полагали, что книга „de ecclesia“ и „de schola“ не входятъ въ общую систему сочиненія „De Republica emendanda“, а составляютъ отдѣльные труды. Противъ этого невѣрнаго мнѣнія можно привести слова Модржевскаго изъ III-ей главы книги „de moribus“, гдѣ онъ указываетъ „libri totius partitio: „...quemadmodum alii fecerunt, et nos faciemus, ut de Republica seorsim tractemus: post ad ecclesiarum administrationem descendamus: postremo vero, de scholis dicamus.“ Ibidem p. 13.

(111) Заглавіе сего изданія слѣдующее: „Andreae Fricii Modrevii Commentariorum de Republica emendanda libri quinque: quorum primus—de moribus, secundus—de legibus, tertius—de bello, quartus—de ecclesia, quintus—de schola. Ad Regem, Senatum, Pontifices, Presbyteros, Equites populumque Poloniae ac reliquae Sarmatiae. Cum gratia et privilegio ad quinquennium. Basileae per Joannem Oporinum,“ въ концѣ находимъ: „Basileae. Ex officina Joannis Oporini. Anno Salutis humanae MDLIII (1554) Mense Augusto.“ In folio pag. 388 и 9 неномерованныхъ въ концѣ. Это изданіе наиболѣе извѣстно и находится во всѣхъ трехъ варшавскихъ бібліотекахъ. Три первыя книги дословно перепечатаны съ изданія 1551 г. и занимаютъ pag. 1—188,—далѣе слѣдуетъ книга „de ecclesia“, pag. 189—351 и „de schola“ p. 351—364. Затѣмъ (p. 365—388) помѣщены 2 диссертаціи о причащеніи подъ обоими видами и діалогъ о безбрачій духовенства, изданныя въ три въ 1549 году. Въ концѣ на 9-ти неномерованныхъ страницахъ—, index rerum et verborum.“

церкви и злоупотребленія въ ея обрядахъ. Всѣ эти недостатки должны быть уничтожены. Слѣдуетъ направить все на истинный путь тамъ, гдѣ окажется въ этомъ надобность, возбужденныя смуты должны кончиться, и столь желательный для всѣхъ миръ долженъ водвориться въ церкви. Вы одарены умомъ и сами видите, въ чемъ нуждается церковь; вы и по чинамъ и по личному достоинству первенствующіе мужи въ государствѣ и въ церкви. *Agite igitur, per Deum immortalem, uti decet; prudentes et firmas sententias dicite...* Вы приняли на себя великое и знаменитое дѣло: если вы правильно распорядитесь имъ, многія великія, даже божественныя блага истекутъ отсюда не только для нашей Сарматіи, но и для всего христьянскаго міра. (112).

Книгу „*de ecclesia*“ Модржевскій посвящаетъ членамъ тридентскаго собора (113). Что касается самаго содержанія книги о церкви, то редакція ея во второмъ изданіи подверглась измѣненію. Когда въ 1551 году Гозій пересмотрѣлъ рукопись книги *de ecclesia*, онъ болѣе или менѣе познакомился со взглядами Модржевскаго и въ изданномъ имъ же *Confessio* онъ подвергъ воззрѣнія Фрича строгой критикѣ, не называя однакожъ имени автора. Поэтому, когда Фричу пришлось печатать книгу *de ecclesia*, то онъ къ болѣе важнымъ ея главамъ прибавилъ длинныя апологіи, въ которыхъ онъ отвѣтилъ на критику Гозія (114). Но издавъ въ Базелѣ книгу *de ecclesia*, и распространяя ее въ Польшѣ, помимо запрещенія духовной цензуры, Модржевскій поднялъ противъ себя всѣхъ тѣхъ, которые враждебно были настроены противъ реформаціоннаго движенія. Модржевскаго осыпаютъ упреками, называютъ еретикомъ и издають противъ него анонимныя брошюры. Два мѣсяца спустя, послѣ выхода

---

(112) *De Rep. emend.* 1554, pag. 194.

(113) *Ibidem* p. 189.

(114) „*Librum igitur de ecclesia, multis in locis auctum, typographo dedimus divulgandum. Apologiam etiam, qua nonnulla loca et ea praesertim, de quibus negotium nobis facessebatur, fusius explicata sunt, auximus.*“ *Ibidem* p. 194 и *Eichhorn. T. I.* pag. 223—224.

въ свѣтъ II-го изданія сочиненія de Republica одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ Петръ Канизіусъ въ письмѣ къ извѣстному историографу Мартину Кромеру отъ 4 ноября 1554 года, изъ Вѣны пишетъ слѣдующее о трудѣ Модржевскаго: „Я боюсь, чтобы и для самаго автора, и для короля, и для всего вашего королевства не сочли безчестнымъ, что онъ пишетъ о церкви, такъ твердо защищая свои убѣжденія, во многомъ несогласныя съ католическимъ ученіемъ. Положимъ, я признаю за авторомъ изящность слога и необыкновенную свободу слова при высказываніи своихъ сужденій, но едва-ли онъ отличается въ богословскихъ наукахъ ученостію... Зачѣмъ ему было писать о папѣ, объ епископахъ, о тридентскомъ соборѣ, зачѣмъ ему было доброжелательно относиться къ сектаторамъ, одобрять давно уже осужденныя заблужденія; ему не слѣдовало поступать такимъ образомъ, особенно въ наше столь безпокойное время, отличающееся столь великимъ умственнымъ броженіемъ, когда со всѣхъ сторонъ достаточно у насъ скандаловъ. Люди, подобные ему, не только не дѣйствуютъ успокоительно на массы, но даже подливаютъ масла въ огонь...“ (115).

Но Модржевскій дѣйствовалъ откровеннѣе: разъ онъ возымѣлъ то или другое мнѣніе относительно даннаго предмета, разъ онъ проникся извѣстной идеей, разъ онъ сталъ преслѣдовать извѣстную цѣль, — онъ всегда оставался вѣренъ своимъ тенденціямъ, никогда не измѣнялъ имъ, высказывалъ ихъ открыто, не сообразуясь съ обстоятельствами, не обращая вниманія на то, какое впечатлѣніе произведетъ это на ту или другую партію, можетъ ли такой способъ дѣйствій принести ему вредъ или пользу. Вотъ почему, если тотъ или другой трудъ его вызывалъ противъ него неудовольствіе въ извѣстной средѣ, онъ, не стѣсняясь ничѣмъ, *per fas et nefas* отстаивалъ основательность своихъ сужденій и никогда не оставлялъ безъ отвѣта брошюръ, направленныхъ противъ его трудовъ. Когда, послѣ выпуска (вмѣстѣ со II-мъ изданіемъ главнаго сочиненія) диссертацій о причащеніи и о безбрачій, кто-то

издалъ анонимную брошюру, въ которой оспаривалъ взгляды Модржевскаго на причащеніе, Модржевскій въ отвѣтъ на нее написалъ: *Dialogus III de utraque specie*, гдѣ онъ признаетъ болѣе рациональнымъ причащеніе подѣ обоими видами (116). Этотъ діалогъ онъ издалъ въ рукописяхъ во время засѣданій сейма въ Піотрковѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1551 г. (117).

Но не однѣ религіозныя тенденціи Модржевскаго вызвали къ нему неудовольствіе въ извѣстной средѣ. Большинству шляхетскаго общества не нравились и высказанныя имъ въ сочиненіи *de Republica emendanda* политическія идеи. Безъ сомнѣнія, въ капитальномъ трудѣ Фрича высказывалось много здравыхъ совѣтовъ, весьма пригодныхъ для государственной и общественной жизни, въ немъ предлагался цѣльный планъ политическаго и соціального переустройства Польши, и шляхта не могла этого не замѣтить и не могла не согласиться съ нимъ во многомъ. Она, пожалуй, чтобы досадить духовенству, одобрила бы и тотъ планъ реформы церкви, какой предложилъ Модржевскій въ книгѣ: *de ecclesia*. Но съ другой стороны въ томъ же трактатѣ находились и рѣзкія выходки противъ шляхетства и и шляхетскихъ вольностей: Модржевскій ни во-что ставилъ шляхетское происхожденіе, гербы называлъ прямо закоптѣлыми и утверждалъ, что истинное шляхетство состоитъ не въ знаменитости предковъ и древности гербовъ, а въ личной доблести каждаго. Мало того, онъ осмѣлился строго осуждать разгульную жизнь шляхты, указывалъ на многія безчинства, совершаемая ею, требовалъ противъ шляхты строгихъ законодательныхъ мѣръ, и наконецъ, не различая шляхты отъ мѣщанъ и простаго народа, до извѣстной степени домогался уравненія въ правахъ всѣхъ сословій. Естественно, такія идеи не могли найти себѣ доступа и сдѣлаться популярными въ средѣ большинства шляхты. Правда, это сочиненіе Фрича,

(116) Orichovius pag. 9.

(117) Онъ напечатанъ при *De Rep. emend.* Basileae. 1559, pag. 530—533.

затрогивавшее самые жизненные вопросы современного быта вызвало необычайный интерес къ себѣ въ обществѣ, экземпляры его покупались шляхтою на расхватъ во время сеймовъ въ Люблинѣ, Ленчицѣ и Піотрковѣ (118), даже многія образованныя личности, какъ Уханьскій, Дрохоевскій, Тарновскій (119), Држевецкій, Залого (120), Залевскій (121), Гертеліусъ (122), Розіусъ, Лянгусъ (123) и другіе, понимая истинное достоинство труда Модржевскаго, воздавали ему должныя похвалы. Но большинство общества со всею строгостью отнеслось къ капитальному произведенію Фрича: на него посыпались упреки, что онъ слишкомъ язвительно обрисовалъ современное общество, что онъ желалъ лишь опозорить имя Поляковъ; его обвиняли, что онъ позволилъ себѣ слишкомъ свободно критиковать обладающіе въ-ковою традиціей законы, что онъ опасный радикалистъ, который придумываетъ неслыханныя новшества (124); всеобщій голосъ рѣшилъ, что, нападая на шляхту, онъ хотѣлъ снискать себѣ расположеніе короля; что же касается достоинствъ его труда, многіе видѣли въ немъ лишь стремленіе пощеголять краснорѣчіемъ и обширными научными познаніями (125). Это и побудило его защитить себя противъ несправедливыхъ нападковъ своихъ недруговъ и оправдать себя передъ обще-

(118) Ibidem pag. 592.

(119) Ibidem. pag. 407.

(120) Ibidem. pag. 802 in fine epistolae Modrevii ad Martinum Zalagam.

(121) Orichovius pag. 9.

(122) См. еро „Ad Nicolaum Dlusium de operibus Fricii carmen.“ De Rep. emend. 1559 въ концѣ за „index locorum S. Scripturae.“

(123) Janociana V. I p. 86 и въ De Rep. emend. 1559 pag. 768-ero „In actiones Fricii carmen.“

(124) „Cujus operis (de Rep. emend.) editio summam mihi multorum inflavit invidiam.“ De Rep. emend. 1559, pag. 807.—„Non desse in hac patria, qui nullo emolumento suo mei tantum opprimendi causa, omnes aucupentur occasiones maledictis insectandi studia nostra.“ Ibidem. pag. 806.—Invadi me a nonnullis solere, quod alicubi in libris meis licentius, quemadmodum illi putant, carperim vitia Reipublicae nostrae.“ Ibidem p. 798 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

(125) Ibidem. p. 800.

ствомъ. Когда въ июнѣ мѣсяцѣ 1555 года множество шляхты съѣхалось на сеймъ въ Піотрковъ, Модржевскій пишетъ во время засѣданій сейма защитительное письмо къ другу своему Мартину Залогѣ, въ которомъ онъ такъ отвѣчаетъ нападавшимъ на него врагамъ:

„Нѣкоторые обыкновенно ставятъ мнѣ въ вину, что я въ своемъ сочиненіи слишкомъ безпощадно порицалъ недостатки Рѣчипосполитой. Но какимъ же образомъ тотъ, кто пишетъ о реформѣ государства, можетъ упустить изъ виду и извращенные нравы, которые должны быть исправлены, и не обратить вниманія на пороки, которые должны быть искоренены. Но, можетъ быть, нѣкоторые желали бы, чтобы я умѣреннѣе писалъ о недостаткахъ отечества. Вѣдь по истинѣ, я не переступилъ границъ умѣренности. А можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы ограничиться лишь этими словами: „граждане, киньте ваши пороки; судьи, судите справедливо; начальники провинцій, оберегайте общественное спокойствіе, схватывайте и наказывайте преступниковъ!“ Дѣйствительно, слова эти были бы въполнѣ умѣстны, но по своей краткости едва ли они подействовали бы на умы людей. Поэтому, намъ казалось не обходимымъ представить наглядно все роды и виды пороковъ, доказать ихъ безобразіе, предложить наказанія для преступныхъ людей и призвать всехъ получше вести себя. И что же, неужели пишущій обо всемъ этомъ не долженъ затронуть и многихъ другихъ вопросовъ? Однакожь, порицая пороки людей, мы, какъ это соблюдается лучшими писателями, пощадили ихъ имена. Мнѣ ставятъ въ вину, что я указывалъ, что пороки эти составляютъ принадлежность Поляковъ. Этотъ упрекъ очень удивляетъ меня. Вѣдь нѣтъ же на землѣ народа, среди котораго добрые люди не были бы смѣшаны со злыми, и писатели, происходившіе изъ среды того же народа, не умолчали о послѣднихъ. (Модржевскій приводитъ въ примѣръ многихъ писателей, которые порицали нравы современныхъ имъ обществъ: Саллюстій, Сальвианъ, пророки Іудеевъ и др.) Такъ чѣмъ же я виноватъ, если я порицаю любезнѣйшее мое отечество съ тою цѣлью, чтобы оно свободно могло перевести духъ и старалось избѣгать того, что оно съ не-

годованіемъ переносить у себя. Я не нападаю ни на кого съ упреками, я лишь отмѣчаю нѣкоторыя злоупотребленія. Коегдѣ прибавлено мною порицаніе построже, ибо голыя правила, по моему мнѣнію, мало помогаютъ дѣлу: слыша порицаніе, порочные люди стануть чуждаться пороковъ, добродѣтельные же будутъ радоваться и еще болѣе пріохотятся къ добродѣтели. Я не сомнѣваюсь, что добрые и умѣренные мужи нашего народа согласятся на тотъ способъ дѣйствій, каковой я примѣнилъ къ дѣлу исправленія золь своего отечества... Очень многіе, какъ мнѣ извѣстно, любятъ похвалы, порицаній же не терпятъ и, что негоднѣе всего, они лучше желаютъ ложныхъ похвалъ, чѣмъ правдиваго порицанія; они, по словамъ пророка, видящимъ говорятъ: не смѣйте видѣть, а замѣчающимъ: не смѣйте замѣчать, но говорите лишь то, что намъ нравится. Но честный человѣкъ долженъ имѣть въ виду не то, что желательно кому-нибудь слышать, а что слѣдуетъ говорить согласно съ истиной. Нашъ трудъ, можетъ быть, былъ бы гораздо милѣе многимъ, если бы мы превознесли наше отечество похвалами всякаго рода. Но неужели намъ не стыдно было бы поступать такимъ образомъ? Угрызенія совѣсти потрясли бы нами и отвергли бы незаслуженныя похвалы.. Впрочемъ не видно, чтобы мы достигли чего нибудь своимъ трудомъ. Будущее въ рукахъ Бога, и если онъ не окажетъ своей благосклонности и расположенія къ намъ, то, какъ говорить пословица: „frustra et Paulus plantabit et Apollo rigabit.“ Но все таки намъ не слѣдуетъ уступать съ дороги, хотя бы мы и не достигли своей цѣли, но слѣдуетъ умолять Бога, дабы онъ намъ помогъ и осчастливилъ наши усилія... Если же кто не хочетъ, чтобы о немъ говорилось что-либо худое, пусть же остерегается дѣлать зло. Иначе слѣдуетъ вырвать языки людямъ, чтобы они молчали о томъ, что видятъ и слышатъ. *Qui vero scribi nolunt id, quod factum est, hi historiam tollant ex rebus humanis necesse est: cuius est illa lex, ne quid falsi dicatur, ne quid veri praetermittatur, ne qua suspicio sit gratiae, ne qua simulatio....* Мы легко могли бы угодить такимъ людямъ, если бы мы молчали, жили лишь для самихъ себя, удивлялись имъ,

усердно восхваляли ихъ дѣянiя и ни за что не принимались безъ ихъ согласiя и одобренiя. Но мы съ удовольствiемъ оставимъ такихъ людей, станемъ жертвовать своимъ трудомъ въ пользу тѣхъ, которые не чуждаются насъ. Ибо зачѣмъ намъ заниматься литературой, зачѣмъ по ночамъ въ поту трудиться надъ науками и искусствами, если отсюда не послѣдуетъ никакой пользы для другихъ? Не было еще ни одного мужа, дѣятельность и усердiе котораго, какъ бы онъ ни добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, не порицали бы люди лѣнливые, не презирали бы невѣжды, не преслѣдовали бы злоумышленники, такъ что нечего удивляться, что и мы, которые въ сравненiи съ другими отличаемся меньшею силою ума и краснорѣчiя, меньшими способностями и усердiемъ къ занятiямъ, порицаемы и хулимы многими. Но развѣ изъ-за этого слѣдуетъ перестать служить общему благу и честности, въ особенности же въ наше время... когда болѣе цвѣтетъ честолюбiе, чѣмъ забота о государствѣ: камни должны бы возопить, если бы люди захотѣли быть нѣмы...“ (126).

Но если соотечественники такъ строго отнеслись къ сочиненiю Модржевскаго, за то оно нашло себѣ радушный прiемъ за границей и имя Модржевскаго дѣлается извѣстнымъ между западно-европейскими учеными (127). Падуанскiй ученый Иоаннъ Юстинiанъ переводитъ III-ью книгу его сочиненiя: *de bello на испанскiй языкъ* и отправляетъ переводъ къ чешскому королю Максимилиану (128). Получивъ его, Максимилианъ проситъ Юстинiана перевести весь трудъ Модржевскаго на испанскiй языкъ. Юстинiанъ намѣревается также перевести трактатъ Фрича *на итальянскiй языкъ*. Сочиненiе „*de Republica emendanda*“ попадаетъ даже въ руки англiйскаго короля Генриха VIII (129). Вскорѣ (?) затѣмъ

(126) Ibidem. p. 798—802.

(127) „Fricii opus magno applausu a piis atque doctis hominibus exceptum.“ Opporinus пишетъ изъ Базеля in Epistola ad Schillingium. De Rep. emend. 1559 въ концѣ.

(128) Онъ носитъ заглавiе: „De bello contra infideles consilia prudentia e Latino in Hispanicum translata.“ Sandius p. 38. По словамъ Бока (I. 494) экземпляръ этотъ находится въ Императорской библiотекѣ въ Вѣнѣ.

(129) De Rep. emend. 1559, pag. 804—805.

ученый нѣмецъ Вольфангъ Высфенбургъ переводить трактатъ Модржевскаго *на нѣмецкій языкъ* (130), а какой-то неизвѣстный намъ писатель издаетъ его *на французскомъ языкѣ* (131).

Такимъ образомъ, сочиненіе Фрича читается на всѣхъ болѣе извѣстныхъ европейскихъ языкахъ, имя его дѣлается извѣстнымъ всему тогдашнему образованному міру, Модржевскій достигаетъ за границей кульминаціоннаго пункта своей славы: всюду хвалятъ и прославляюяъ его капитальный трудъ.

„Авторъ сего сочиненія, пишетъ къ типографу Опорину ученый итальянецъ Юстиніанъ, получивъ отъ него экземпляръ изданія 1554 года, должно быть, есть мужъ ученый и краснорѣчивый. Трудъ его очень полезенъ и весьма пригоденъ въ наши злосчастныя времена“ (132). Тотъ же Юстиніанъ при первомъ представившемся удобномъ случаѣ (133) спѣшитъ въ собственноручномъ письмѣ къ Модржевскому заявить свою признательность и уваженіе къ нему — и воздать должныя похвалы его великолѣпному произведенію. „...Я осмѣлился бы утверждать, пишетъ онъ изъ Падуи отъ 6 іюня 1555 г. къ Фричу, что въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія

---

(130) Нѣмецкій переводъ изданъ въ Базелѣ подъ заглавіемъ „Von Verbesserung des gemeinen Nutz V Bücher 1557.“ Bock I. 477.

(131) „Legitur enim non tantum Latine, ut a me scriptus est, sed et Germanice, et Gallice, et Hispanice.“ Silvae. A. F. Modrevii. 1590. pag. 154.

(132) De Rep. emend. 1559, pag. 802.

(133) Упоминаемый нами другъ Модржевскаго—Іоаннъ Маврикій Држевецкій, пребывая въ Падуѣ, познакомился съ Юстиніаномъ. Однажды они завели разговоръ объ ученыхъ людяхъ того времени, и Држевецкій въ доказа- льство того, что и въ Польшѣ есть люди, „qui nomen doctissimorum hominum simulque eloquentium sustinere ac tueri facile possent,“ показалъ Юстиніану сочиненіе Модржевскаго. Тотъ же отвѣтилъ ему, что Опоринъ давно уже прислалъ ему трактатъ Фрича, и сталъ восхвалять его достоинства. Држевецкій, радуясь, что мнѣніе ученаго иностранца согласно въ этомъ отношеніи съ его мнѣніемъ, предложилъ Юстиніану написать письмо къ Модржевскому, которое онъ, Држевецкій, постарается доставить ему. Юстиніанъ охотно принялъ услуги Држевецкаго и далъ ему письмо къ Фричу. Држевецкій же, возвратившись въ Польшу, доставилъ его по принадлежности. Ibidem, p. 802.

не вышло въ свѣтъ ни одно сочиненіе, которое подобно твоему было бы столь пригодно для государства и читалось бы съ большею пользою и съ большимъ наслажденіемъ..., такъ что я полагаю, что самъ Богъ, будучи уже милостивѣе къ человѣческому роду, помогаль тебѣ, когда ты писалъ свое сочиненіе... Слѣдуетъ восхвалять твой трудъ, слѣдуетъ восхвалять твой геній, слѣдуетъ восхвалять цѣль, какую ты себѣ поставилъ, слѣдуетъ восхвалять твой духъ, который, не страшась ничьей обиды, счелъ необходимымъ принести все въ жертву общему благу и славѣ отчизны... Ты исполнилъ обязанность честнаго мужа и добраго гражданина, ты оказалъ своему королю свои вѣрноподданныческія чувства, какія ты обязанъ ему нести какъ его подданный и какъ управляющій должность его секретаря; въ отношеніи къ своимъ согражданамъ и ко всему своему отечеству ты обнаружилъ заботливость и почти отцовскую любовь; всякому же благородному и ученому мужу ты доказалъ, на сколько ты отличаешься геніемъ, ученостью и краснорѣчіемъ... Твой трудъ, по моему мнѣнію, столь высокъ по своимъ достоинствамъ, что я желалъ бы его перевести на всея языки и распространить повсюду..." (134).

Понятно, какое удовольствіе причинило Модржевскому письмо, полученное отъ итальянскаго ученаго. Юстиніанъ, какъ человѣкъ незнакомый лично съ Модржевскимъ, могъ вполне безпристрастно оцѣнить достоинство его труда. Но скромный авторъ не возгордился похвалами, чуждый всякаго хвастовства, отвѣчая Юстиніану изъ Вольборжа отъ 7 августа 1556 года, онъ пишетъ слѣдующее:

„Письмо твое, Юстиніанъ, исполненное добротою словъ и мыслей, отзывающееся вѣжливою обходительностью и любовью, доставило мнѣ необычайное удовольствіе. Но ты приписываешь мнѣ больше, чѣмъ я могъ бы совершить при невзыскательности моего ума (генія), я вижу, что эти похвалы происходятъ скорѣе изъ твоей любезности и благосклонности ко мнѣ... Все таки твое мнѣніе, какъ человѣка ученаго и

добродѣтельнаго, я осмѣливаюсь противуставить порицанію нѣкоторыхъ людей, которые, при узости своихъ взглядовъ и безсодержательности ума, не иначе желаютъ прославиться, какъ хуля чужія творенія. Но твое сужденіе относится ко мнѣ лишь на столько, на сколько оно важно и необходимо для меня, какъ защита противъ недоброжелательства многочисленныхъ, могущественнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ моихъ недруговъ. Что же касается всѣхъ твоихъ похвалъ, гдѣ ты говоришь, что ты хотѣлъ бы перевести мое сочиненіе на всѣ языки, что нѣтъ сочиненія превосходнѣе моего, что въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія не вышелъ ни одинъ трудъ, равный по достоинствамъ моему, то я былъ бы безумецъ, еслибы полагалъ, что я дѣйствительно заслуживаю такихъ похвалъ. Сіе благоволеніе какъ ко мнѣ, такъ вообще и ко всѣмъ труженикамъ науки со стороны человѣка ученаго, не воспламененнаго ненавистью, чрезмѣрно радуется меня. Когда я читалъ твое письмо, мнѣ казалось, будто солнце изъ за Альпъ пролило на меня лучи, при воздѣйствіи которыхъ исчезли зловѣщія тучи недоброжелательства и уничтожена сія тьма ненависти и брани..“ (135).

Необыкновенный успѣхъ сочиненія Модржевскаго за границей, радушный пріемъ и восторгъ, съ какимъ иностранцы встрѣтили его трудъ, озарили его литературную дѣятельность отраднымъ лучомъ свѣта, подкрѣпили его въ борьбѣ съ недугами того времени, и онъ продолжаетъ трудиться на поприщѣ политической и религіозной реформы.

---

(135) Ibidem. p. 805—807.

Г Л А В А IV.

Дѣятельность Модржевскаго, какъ войта.—Отношенія его къ Дрохоевскому и преслѣдованіе нунціемъ Липомано. Полемика по богословскимъ вопросамъ.—Полное изданіе сочиненій Модржевскаго и характеристика его религіозныхъ воззрѣній (1555—1561).

Въ это время, около 1553 г., умираетъ отецъ Модржевскаго, и Фричь долженъ былъ возвратиться въ Вольборжъ.

Городокъ этотъ уже съ 1273 года составлялъ собственность куявскихъ епископовъ и подобно многимъ другимъ городскимъ общинамъ пользовался самоуправленіемъ *ex jure theutonico*. Въ главѣ этой общины стоялъ наследственный войтъ—высшій судья во всемъ городскомъ округѣ. Должность вольборскаго войта исправлялъ отецъ Модржевскаго—Яковъ. Поэтому, когда онъ скончался, должность эта перешла по праву наследства къ Андрею. Тогдашній куявскій епископъ Іоаннъ Дрохоевскій, имѣвшій въ Вольборжѣ свою резиденцію, призналъ за нимъ всѣ права, какими пользовался его отецъ, и утвердилъ его въ должности войта.

Какъ войтъ, Модржевскій подъ страхомъ утраты земельной собственности долженъ былъ постоянно проживать въ Вольборжѣ, поэтому съ 1553 г. онъ пребываетъ въ этомъ городкѣ: здѣсь пишетъ нѣкоторыя свои богословскія брошю-

ры (136), отсюда же онъ отвѣчаетъ Юстиніану на его письмо, и только по временамъ заѣзжаетъ на сеймы въ Піотрковъ, находящійся на разстояніи двухъ миль отъ Вольборжа (137). Какъ войтъ, онъ вмѣстѣ съ семью ратманами судить подчиненныхъ его юрисдикціи горожанъ Вольборжа по уголовнымъ и нѣкоторымъ болѣе важнымъ гражданскимъ дѣламъ и собираетъ съ нихъ подати и налоги въ пользу епископа (138). Исполняя столь скромную роль, онъ и тутъ добросовѣстно относится къ своимъ обязанностямъ. „Utinam, говоритъ онъ Оржеховскому, ex aequo et bono liceat mihi administrare omnia, quae sunt muneris mei“ (139).

Проживая въ Краковѣ на королевскомъ дворѣ, Модржевскій жилъ на тѣ средства, какія доставлялъ ему ко-

---

(136) Въ Вольборжѣ онъ написалъ брошюры: „De sacrificiis,“ „De modo essendi corporis Christi,“ „Animaе beatorum post mortem an cum Christo regnant?“ „De ordinibus ecclesiae,“ письмо къ Юстиніану и многіе другіе труды,—какъ мы укажемъ ниже.

(137) Онъ присутствовалъ въ Піотрковѣ на сеймахъ 1555 и 1562 г. Письмо къ Залогѣ написано имъ—ex conventu Petricoviensi 1555 г., и брошюра „Orichovius“ также издана во время сейма въ Піотрковѣ 1562 г.

(138) „Mea omnis functio vertitur in juredicundo civibus meis.“ Orichovius p. 12. Обязанности вольборскаго войты точно опредѣлены въ привилегіи епископа Голячневскаго, данной войту Вольборжа. См. Rocznik 1872, wydał Antoni Porębski. Piotrków. Монографія Григлевскаго п. з. Wobórz, p. 65.

(139) Orichovius p. 12. Въ „Archivum Capitulae Gnesnensis,“ въ сборникѣ: „Suppliki do kapituły metropolitalnej“ Vol. I. N. 30 находится жалоба какого-то мельника Бѣла на войты Модржевскаго, что онъ лишилъ его владѣнія мельницей и посадилъ его въ тюрьму. Кнапинскій (р. 48) пытается на этой жалобѣ основать свое мнѣніе, что Модржевскій безчеловѣчно поступалъ съ подчиненными ему мѣщанами. Но мнѣніе это невѣрно.—Модржевскій, какъ войтъ, могъ весьма справедливо наказать виновнаго, а изъ сей жалобы мы вовсе не можемъ заключить, что поступокъ Модржевскаго былъ несправедливъ. Жалоба вѣдь—не рѣшеніе, а—бумага, въ которой жалующійся можетъ писать какія угодно вещи. Слѣдуетъ также замѣтить, что Модржевскій всегда и вездѣ является человѣкомъ высоко нравственнымъ, защитникомъ и оберегателемъ низшихъ классовъ общества противъ притѣсненій высшихъ. Впрочемъ, въ жалобѣ не указано ни имени Модржевскаго, ни числа, когда она подана. Слѣдовательно, она въ равной мѣрѣ можетъ относиться и къ отцу Модржевскаго—Якову, который до 1552 года состоялъ войтомъ Вольборжа.

роль (140). Кроме того, будучи назначенъ еще въ 1542 г. настоятелемъ приходской церкви въ городкѣ Бржезинахъ, онъ также получалъ съ нея извѣстные доходы (141). Переселившись въ Вольборжъ, онъ обзаводится семьей. Во владѣніе его, какъ войта, переходятъ тогда нѣкоторыя земли и угодья, составлявшія „войтовство вольборское“ (142), а сверхъ того для него открывается еще другой источникъ доходовъ—это пошлины отъ дѣль, третья часть которыхъ должна была поступать въ пользу войта. Но все эти доходы не были достаточны для Модржевскаго, какъ отца-семьянина: какъ человѣкъ, не свѣдущій въ сельскомъ хозяйствѣ, онъ не оставался въ большихъ отъ него барышахъ и едва могъ содержать себя и свою семью на получаемые отсюда доходы (143). Тѣмъ не менѣе онъ не пеняетъ на свою судьбу: „scio enim, говоритъ онъ, quemquam ea conditione contentum esse debere, quam ei natura dedit, hoc est Deus ipse“ (144).

Но предавшись цѣликомъ дѣятельности сельскаго домохозяина, Модржевскій не покинулъ своихъ научныхъ заня-

(140) Въ такъ называемыхъ „Księgach Skarbowych“ Сигизмунда Августа, хранящихся въ здѣшнемъ архивѣ старыхъ дѣль, по словамъ г. директора архива проф. Павинскаго, находится собственно ручное письмо короля, данное Модржевскому на имя государственнаго казначея съ тѣмъ, чтобы тотъ выдалъ Модржевскому изъ казны извѣстную сумму денегъ. Мы три раза пересмотрѣли указанный г. проф. Павинскимъ сборникъ и не могли найти этого письма. Мы подаемъ сіе извѣстіе въ надеждѣ, что кому нибудь посчастливится открыть сказанное письмо.

(141) Въ 1542 году, извѣстный польскій реформаторъ Янъ Ласкій, оправдавъ себя передъ архіепископомъ по обвиненію въ ереси, уполномочилъ четырехъ своихъ друзей—отобрать обратно въ его владѣніе все бенефиціи, которыхъ его лишила духовная власть. Въ числѣ уполномоченныхъ находился и „*Andrzej Frycz, proboszcz brzeziński*.“ Akta Kapit. Krak. Libri archivi IV. 252. Cit. Zakrzewski. Rodzina Łaskich w XVI wieku, Ateneum. Listopad. 1882 г. pag. 267 въ ссылкѣ.—Извѣстіе о томъ, что Модржевскій былъ настоятелемъ бржезинской церкви, находимъ и въ „*Dziennikach sejmów koronnych, z lat 1555 и 1558*.“

(142) Войту въ Вольборжѣ принадлежали пять лановъ (mansos flamingos) пахатной земли, водяная мельница на рѣкѣ Вольборкѣ, близележавшій лѣсъ и лугъ между рѣками Мощанкою и Вольборкою. См. Rocznik 1872 wyd. A. Porębski. Piotrków. „Wolbórz,“ pag. 65.

(143) Orichovius, pag. 63 и 38.

(144) Ibidem. p. 12.

тій: онъ всегда успѣвалъ ежедневно найти себѣ часъ или два, свободные отъ труда, и проводилъ это время, то читая ученыя книги, то пиша новыя богословскія брошюры (145), которыми онъ или желалъ пополнить недостатки, замѣченные имъ въ книгѣ *de ecclesia* или же отвѣчалъ своимъ друзьямъ на возбужденные ими вопросы.

Такъ нпр. случилось, что у Станислава Дрохоіовскаго, вольборскаго старосты, умерла жена. При похоронахъ ея была отслужена торжественная панихида, на которой присутвовалъ также и Модржевскій. Послѣ похоронъ Дрохоіовскій и Модржевскій стали разсуждать о томъ, имѣютъ ли какое нибудь значеніе для умершихъ молитвы, какія приносятся за нихъ живыми. Модржевскій утверждалъ, что нѣтъ, Дрохоіовскій же оспаривалъ это мнѣніе. Споръ этотъ возникъ среди гостей, собравшихся у Дрохоіовскаго на тризну, а потому не былъ конченъ. Это побудило Модржевскаго повнимательнѣе отнестись къ этому вопросу, и онъ 28 февраля 1554 года написалъ объ этомъ цѣлое богословское разсужденіе подъ заглавіемъ:

De sacrificiis, purgatorio et indulgentiis, которое онъ посвятилъ Дрохоіовскому (146). Приводя различные тексты изъ св. Писанія и изъ сочиненій отцовъ церкви и сопоставляя ихъ другъ съ другомъ, Модржевскій приходитъ къ заключенію, что такъ какъ Спаситель своею мученическою смертію искупилъ грѣхи людей, то слѣдовательно всѣ молитвы и богослуженія, совершаемыя въ церквахъ съ цѣлью исходатайствовать у Бога для людей отпущеніе грѣховъ,—безполезны и излишни: всѣ *sacrificia*—это лишь *externa testificatio gratitudinis nostrae in Deum*. На томъ же основаніи онъ отвергаетъ и чистилище и не придаетъ никакого значенія отпущенію грѣховъ. Каждый человекъ долженъ стараться вести

---

(145) „Ego autem discessi ad agrum meum, ubi totam aestatem rei rusticae incubebam omni studio, sed tamen ne totum id tempus a literis vacuum mihi abiret, subinde unam atque alteram horam tribuebam tum lectioni, tum scriptioni.“ *De Rep. emend.* 1559, p. 443.

(146) Оно составляетъ *Tractatus IX in libro de Ecclesia II-do* въ изданіи *De Rep. emend.* 1559, p. 491—500.

добродѣтельную жизнь, рассуждаетъ Модржевскій, и не полагать своего спасенія въ церковныхъ обрядахъ, не sacrificia, a vita et actiones будутъ свидѣтельствовать за нами передъ Богомъ.

Отсюда мы видимъ, что Модржевскій въ ученіи своемъ объ отпущеніи грѣховъ и чистилищѣ стоитъ далеко не на католической точкѣ зрѣнія. „Всѣ эти положенія, пишетъ онъ, я заимствовалъ изъ сочиненій тѣхъ, которые въ наше время стали критиковать обряды и ученіе римской церкви. Я не понимаю, продолжаетъ онъ, почему люди, которые должны разобратъ и обсудить всѣ спорные религіозные вопросы, не читаютъ этихъ сочиненій. Мнѣ извѣстно, что это запрещается постановленіями римскихъ папъ, но вѣдь дѣло дошло уже до того, что для блага самой же религіи слѣдуетъ отменить это запрещеніе и поощрить ихъ къ чтенію этихъ книгъ, чтобы они хоть сколько нибудь могли оказать поддержку христьянской церкви“ (147).

И въ этомъ отношеніи слѣдовательно Модржевскій стоитъ на точкѣ зрѣнія—некатолической: его требованіе свободы слова и печати было болѣе согласно съ принципами протестантизма, чѣмъ католицизма, представители котораго въ рѣдкихъ случаяхъ заявляли себя защитниками вѣротерпимости. Тѣ же принципы Модржевскій проповѣдуетъ и въ другихъ брошюрахъ, относящихся къ этому времени. Такъ, когда холмскій епископъ, Яковъ Уханьскій, встрѣтившись съ Модржевскимъ на сеймѣ въ Піотрковѣ 1553 года, сталъ указывать ему на нѣкоторые недостатки его книги de ecclesia, Фричъ, возвратясь въ Вольборжъ, пишетъ новый обширный богословскій трактатъ:

De modo essendi et manducandi Corporis Christi (148) и 25 мая 1556 г. посылаетъ его Уханьскому.

(147) Ibidem. pag. 494.

(148) Онъ раздѣленъ на 2 части: первая носитъ заглавіе: „De modo essendi Corporis Christi in sacramento Coenae Domini“—и составляетъ Tractatus III in libro de ecclesia II-do въ de Rep. emend. 1559, pag. 414—476. II-ая часть п. з. „De modo manducandi Corporis Christi in Eucharistia,“ составляетъ Tractatus IV in lib. de Ecl. II-do въ de Rep. emend. 1559, pag. 477—481. Всей диссертациі пред-

Въ этомъ трактатѣ Модржевскій согласно съ Кальвиномъ утверждаетъ, что въ таинствѣ Евхаристіи въ дѣйствительности нѣтъ тѣла и крови Іисуса Христа; Іисусъ Христосъ присуць Таинству лишь *per operationem*, а не *per congrualem praesentiam*.

Въ томъ же духѣ два мѣсяца спустя, онъ пишетъ къ Андрею Якторовскому, интенданту двора кувяскаго епископа, отвѣтъ на заданный имъ вопросъ:

Animae beatorum a morte an cum Christo regnant? (149). Модржевскій утверждаетъ, что души блаженныхъ сейчасъ же послѣ смерти отправляются въ небо, не проходя чистилища, которое онъ отвергъ уже прежде въ трактатѣ: *de sacrificiis*.

Такимъ образомъ. чѣмъ усерднѣе Модржевскій старался добиться ясныхъ и точно опредѣленныхъ понятій въ религіи, чѣмъ глубже онъ хотѣлъ проникнуть въ сущность религіозныхъ вѣрованій, тѣмъ болѣе онъ удалялся отъ католическаго вѣроученія.

Пребывая въ Вольборжѣ, Модржевскій завязываетъ дружескую связь съ кувяскимъ епископомъ Іоанномъ Дрохоіовскимъ. Они были знакомы другъ съ другомъ еще съ 1552 года, когда оба были назначены въ послы на Тридентскій соборъ. Когда же Модржевскій съ 1554 г. сталъ постоянно проживать въ Вольборжѣ, гдѣ жилъ и Дрохоіовскій, знакомство ихъ перешло въ искреннюю дружбу. Сближеніе между ними могло произойти тѣмъ легче, что Дрохоіовскій былъ чело­вѣкъ, воспитанный въ новыхъ идеяхъ, сочувствовавшій ре­формаціи (150). Модржевскій постоянно обращается во дворѣ епископа, Дрохоіовскій уважаетъ его и любитъ его обще-

---

послано предисловіе (pag. 442—444), въ которомъ Модржевскій посвящаетъ свою брошюру Уханьскому.

(149) Это разсужденіе составляетъ *Tractatus X in libro de Ecclesia II-do* въ концѣ его обозначено: „*Volborii 4 Junio 1556 anno.*“ *De Rep. emend.* 1559, pag. 500—504.

(150) *Acta Polonica litteraria Mizleri a Kolof 1755 an. Vita Nicolai Dzierzowski pag. 257.*

ство (151). Они вдвоемъ даже, по повелѣнію Сигизмунда Августа, 29 января 1556 г. исправляютъ посольство къ Генриху Младшему, герцогу Брауншвейгскому, къ которому они проводятъ сестру короля, вышедшую за герцога за мужъ (152).

Пользуясь дружбой епископа, Модржевскій спокойно проживалъ въ Вольборжѣ, не боясь никакихъ преслѣдованій за свои религіозныя тенденціи. Впрочемъ, эпоха съ 1552 г. по 1555 была временемъ процвѣтанія протестантизма въ Польшѣ, когда всякій могъ высказывать самыя либеральныя идеи, не опасаясь преслѣдованій со стороны духовной власти. Поэтому, за это время духовенство лишь частнымъ образомъ выступало противъ Модржевскаго: его обвиняли въ ереси, помѣщали его сочиненія въ списокъ запрещенныхъ книгъ, издавали противъ него полемическія брошюры, но далѣе этихъ выходокъ преслѣдованія не простирались. Но съ 1555 гда картина перемѣняется: папа Павелъ IV, желая положить предѣлъ быстро распространявшейся реформаціи, высылаетъ въ Польшу въ качествѣ нунція яраго врага реформаціи—Длоизія Липпомано.

Нунцій, прибывъ въ Польшу и не зная, какимъ привилегированнымъ положеніемъ пользовалась польская шляхта, сейчасъ же на первой аудіенціи сталъ совѣтовать королю употребить самыя строгія мѣры для прекращенія реформаціоннаго движенія: самымъ удобнымъ средствомъ для этого онъ считалъ лишить жизни тѣхъ изъ магнатовъ, которые поддерживали протестантизмъ (153). Король отвергъ сей гнусный совѣтъ, но Липпомано все таки сталъ со всею строгостью преслѣдовать зараженныхъ ересью. По закону, еретики въ Польшѣ наказывался смертью, но законъ этотъ почти никогда не имѣлъ фактическаго примѣненія. Нунцій одна-

---

(151) Указанія на дружескія отношенія Дрохоіовскаго къ Модржевскому находятся въ „Orichovius“ pag. 84—86, De Rep. emend. 1559, pag. 540 и въ *Silvae quattuor* 1590, pag. 155 сверху.

(152) *Przeździecki. Jagiellonki Polskie.* Kraków, 1868. Т. II. стр. 222.

(153) *Rydzewski. Relacyje nuncyuszów,* pag. 13. Извѣстія о Липпомано находятся у Гурницкаго въ соч. „*Dzieje w Koronie polskiej*“ подъ соответственными годами.

кожъ задумалъ воспользоваться имъ, и ему удалось хитростью сжечь нѣсколькихъ евреевъ и одну женщину (154).

Естественно, что, преслѣдуя приверженцевъ новаго движенія, Липпомано долженъ былъ обратить вниманіе и на Модржевскаго, который тогда былъ извѣстенъ всѣмъ, какъ сторонникъ реформаціи. Впрочемъ, *нунцій уже въ Италіи познакомился съ его сочиненіемъ: de Republica emendanda* и хотя онъ признавалъ за нимъ ученость, тѣмъ не менѣе ему сильно не нравилось, что Фричъ въ апологіяхъ, прибавленныхъ къ нѣкоторымъ главамъ книги *de ecclesia*, осмѣлился критиковать *Confessio*, составленное Гозіемъ (155). Поэтому, прибывъ въ Польшу, онъ начинаетъ систематически преслѣдовать Модржевскаго, какъ еретика. Прежде всего, онъ потребовалъ у Дрохоіовскаго лишить Фрича войтовства и удалить его изъ Вольборжа, — но епископъ не послушался нунція. Тогда Липпомано шлетъ доносъ въ Римъ, что Дрохоіовскій держитъ у себя и защищаетъ еретиковъ, которые пишутъ и издаютъ безбожныя книги. Получивъ это извѣстіе, Павелъ IV написалъ къ епископу письмо, въ которомъ онъ упрекаетъ его въ недобросовѣстномъ исполненіи имъ обязанностей католическаго пастыря (156). Это письмо однако нисколько не подѣйствовало на Дрохоіовскаго. Тогда, спустя два мѣсяца, 23 декабря 1555 года папа пишетъ къ Липпомано, приказывая ему произвести слѣдствіе относительно Дрохоіовскаго и употребить мѣры для исправленія послѣдняго (157). Липпомано, собравъ всѣ свѣдѣнія о сношеніяхъ Модржевскаго съ Дрохоіовскимъ и влияніи перваго на епископа, шлетъ бумаги къ папѣ (158). Убѣдившись въ вѣрности доноса, Павелъ IV вторично посылаетъ письмо къ Дрохоіовскому, строго порицая его поведеніе и приказывая прекратить дружбу съ ере-

(154) Rykaczewski, pag. 32.

(155) De Rep. emend. 1559, pag. 592.

(156) Theiner. Monumenta Poloniae historica. T. II, стр. 585.

(157) Rykaczewski, p. 25. Copia litterarum Pauli Papae IV etc.

(158) Rykaczewski, pag. 26. Epistola Lippomani ad Paulum IV etc.

рикомъ (159). Письмо это какъ разъ попало къ Дрохоіовскому въ то время, когда онъ съ Модржевскимъ возвратился отъ герцога Брауншвейгскаго. Приказаніе папы было безусловно: папа ясно выражался въ своемъ письмѣ, и Дрохоіовскій не могъ не понять, что дѣло шло о Модржевскомъ. Онъ долженъ былъ наконецъ повиноваться папскому велѣнію, и когда Фричъ вскорѣ послѣ того зашелъ къ нему, Дрохоіовскій не показался ему на глаза и велѣлъ сказать Модржевскому, чтобы онъ никогда не заходилъ къ нему. Пораженный такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, Фричъ сталъ разспрашивать придворныхъ, что заставило епископа поступить такимъ образомъ. Но тѣ не умѣли объяснить ему этотъ поступокъ и отвѣтили лишь, что такова воля епископа. Недоумѣвая, со слезами на глазахъ, ушелъ Модржевскій изъ дворца. Но Дрохоіовскій, хотя и повиновался категорическому приказанію папы, тѣмъ не менѣе не пересталъ быть другомъ Модржевскаго и, желая поскорѣе объясниться передъ нимъ, прислалъ къ нему одного изъ придворныхъ — лицо довѣренное. Тотъ объяснилъ Модржевскому, какіе мотивы побудили епископа прервать съ нимъ связь. Онъ прибавилъ еще, что у Модржевскаго есть сильные враги, которые рѣшились даже посягнуть на его жизнь и имущество, а потому, предостерегалъ посланный, ему слѣдуетъ опасаться явнаго или скрытаго насилія (160). Получивъ такое предостереженіе и зная, что Липпомано готовъ на всякое дѣло и легко можетъ погубить его, Модржевскій покидаетъ Вольборжъ и ищетъ охраны противъ преслѣдованій нунція на дворахъ магнатовъ.

1556 годъ проходитъ для Модржевскаго въ непрерывныхъ странствованіяхъ отъ одного панскаго двора къ другому; онъ ищетъ у магнатовъ покровительства и защиты противъ своихъ злоумышленниковъ: въ это время мы его находимъ то въ неизвѣстномъ намъ селѣ *Fabrilium*, то у гетмана

---

(159) Объ этомъ письмѣ намекаетъ Дрохоіовскій въ своемъ отвѣтѣ папѣ Павлу IV. *Rydzaczewski*, p. 29.

(160) *De Rep. emend.* 1559, pag. 540—541.

Тарновскаго въ деревнѣ Вевюрки, то наконецъ у него же въ деревнѣ Осекъ. Модржевскій горько жалуется на эти преслѣдованія: „многіе обижаютъ меня, кусаютъ, задумываютъ погубить меня; одни называютъ меня еретикомъ, другіе ересіархомъ; многимъ почтеннымъ мужамъ велѣно прекратить дружескія связи со мною; враги посягаютъ на мою жизнь и имущество,—все это изъ за одной книги *de ecclesia* (161).“ Но ни козни враговъ, ни преслѣдованія Липпомано, ни епиталь-ческая жизнь не заставили Модржевскаго отрѣчься отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій: не смотря на то, что на него, какъ на еретика, возведено гоненіе, что на каждомъ шагѣ ему угрожаетъ опасность лишиться жизни, онъ нисколько не думаетъ уступать и твердо защищаетъ свои убѣжденія (162).

Преслѣдуемый нунціемъ Модржевскій пишетъ обширный трактатъ *De ordinibus ecclesiae* (163) и посвящаетъ его папѣ Павлу IV.

Въ этомъ трудѣ онъ главнымъ образомъ занятъ вопросомъ о церковной іерархіи. Въ восьми первыхъ главахъ Модржевскій пространно пишетъ объ обязанностяхъ приходскихъ священниковъ, докторовъ богословія, діаконовъ, епископовъ, митрополитовъ и патріарховъ, причемъ онъ нападаетъ на безнравственную жизнь духовенства и недобросовѣстное исполненіе имъ обязанностей служителей церкви.

Но болѣе всего Фричъ занятъ рѣшеніемъ вопроса о папской власти. Онъ не стѣсняется тѣмъ, что свой трудъ посвящаетъ Павлу IV, и, реформируя институтъ папства, лишаетъ папу власти абсолютно править церковью, оставляя за нимъ лишь право почина во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ; всю же власть надъ церковью онъ передаетъ въ руки собора (Сар. XI). Тѣмъ не менѣе, онъ признаетъ папскую власть

---

(161) Ibidem. pag. 403.

(162) „Quod quidem studium nostrum (id est—scribendi et considerandi res religiosas) etsi peregrinationibus meis crebris, nonnullis etiam perquam longis deinde et curis variis et molestiis multiplicibus interumpebatur: tamen nunquam ita abiectum est, quin, quoties liceret ad illud redirem...“ Ibidem. p. 405.

(163) Tractatus XIII in libro de Ecclesia II въ De Rep. emend. 1559, pag. 540—594.

необходимою для сохраненія идеи единства въ церкви (Сар. IX) и даже опровергаетъ положеніе протестантовъ, что папа—излишенъ (Сар. X). Этому трактату Модржевскій предпосылаетъ письмо къ папѣ, гдѣ онъ защищается передъ Павломъ IV противъ обвиненія въ ереси:

„Когда на меня обрушились преслѣдованія, пишетъ онъ, я съ великою скорбью души моей сталъ возстановлять себѣ въ памяти всю мою жизнь. Первые юношескія лѣта я провелъ въ школахъ, затѣмъ меня отдали ко двору, чтобы я сдѣлалъ карьеру, наконецъ я подобно изгнаннику, возвращающемуся въ свое отечество, уже въ зрѣломъ возрастѣ опять принялся за свои научныя занятія, которыя, трудно даже повѣрить, сколькихъ трудовъ стоили мнѣ. Когда же я замѣтилъ, что религія начинаетъ разпатываться и падать, я принялся читать и разбирать сочиненія католическихъ и протестантскихъ ученыхъ:.. *Быть можетъ, я ошибался кое-гдѣ въ своихъ сужденіяхъ*, что очень часто случается и геніальнымъ умамъ, въ особенности же тамъ, гдѣ взвѣшиваются и обсуждаются противоположныя другъ другу ученія, *однако я всегда старался соблюдать умеренность, ut nihil pro certo pronunciarer, во всей же моей жизни и дѣйствіяхъ я всегда сообразовался съ принятыми у насъ церковными обрядами и ученіемъ*. Когда же король велѣлъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ послами на вселенскій соборъ, я собралъ все свои замѣтки и, издавъ ихъ въ одной книгѣ, предложилъ ее всѣмъ... Этотъ путь я считалъ самымъ удобнымъ для изслѣдованія тѣхъ положеній, которыя должны были быть обсуждаемы на соборѣ, *не слѣдуетъ впасть въ одобреніе образа дѣйствій тѣхъ людей, которые читаютъ сочиненія лишь одной партіи, не касаясь трудовъ другой*. Должно было изслѣдовать дѣло съ обѣихъ сторонъ. Этотъ способъ мнѣ и посламъ на соборъ казался наиболѣе удобнымъ для обсуждения религиозныхъ споровъ... Ибо какъ же я могъ добросовѣстно подготовиться къ исполненію обязанностей посла, если бы я не обдумалъ, не разобралъ всѣхъ спорныхъ пунктовъ и не сообщилъ своего труда тѣмъ, для которыхъ онъ болѣе всего былъ важенъ... Я разсуждалъ обо всѣхъ несообразностяхъ и злоупотребленіяхъ въ церкви

и религiи, считая необходимымъ яснѣе изложить все дѣло посредствомъ сопоставленiя мнѣнiй двухъ противоположныхъ лагерей... Впрочемъ, я не писалъ законовъ, не предписывалъ постановленийъ, я составлялъ лишь комментарий—и вотъ все мое преступленiе, о которомъ тебѣ донесли. Но клянусь Богомъ, не такъ ли долженъ поступить посолъ на соборъ, не о томъ ли развѣ слѣдовало мнѣ позаботиться?... Папа Павелъ III избралъ изъ кардиналовъ нѣсколько личностей и, приведя ихъ къ присягѣ, велѣлъ имъ добросовѣстно раскрыть все то, что имъ казалось бы порочнымъ въ институтѣ папства и въ церкви. Ты же напротивъ считаешь преступленiемъ, если ктонибудь пытается совершить тоже самое... Но я думаю, святѣйшiй отецъ, ты не захочешь подражать тѣмъ судьямъ, которые осудили невиннаго Сократа на смерть, обидѣвшись лишь свободою слова, съ какою онъ высказывалъ свои мнѣнiя. Я полагаю, что ты обсудишь надлежащимъ образомъ мою дѣятельность и примешь во вниманiе справедливость моей просьбы. *Вотъ, чего я добивался: я указывалъ на необходимость созванiя вселенскаго собора, подъ руководствомъ котораго установилось бы въ церкви согласiе; для этой цѣли я считалъ необходимымъ выбрать судей изъ сторонниковъ обѣихъ партiй; я доказывалъ, что дѣло примиренiя должно состояться не при содѣйствiи грубаго насилiя, но слѣдуетъ влiять на умы доводами изъ св. Писанiя. Res controversas ita tracto, ut facile appareat, me concordiae esse studiosissimum.* И что же болѣе справедливаго и лучшаго можно высказать по этому дѣлу? Быть можетъ, я не всегда произношу сужденiя, которыя тебѣ нравятся, но вѣдь я не высказываю и того, что могло бы понравиться людямъ противоположнаго лагеря. Пытаясь согласить обѣ стороны, я не долженъ имѣть въ виду того пути, по которому слѣдуя, я склонялся бы или на твою сторону, или на ихъ, но мнѣ необходимо искать дороги, по которой я вслѣзъ свелъ бы въ одно мѣсто.... Мнѣ кажется, я не поступилъ безразсудно, если я писалъ, не стѣсняясь достоинствомъ и значенiемъ какихъ бы то ни было личностей, я имѣлъ въ виду лишь само дѣло, я указывалъ злоупотребленiя въ церкви и старался подыскать дорогу къ единству. Подобнымъ образомъ писали и до меня, такъ пишутъ

еще и теперь, какъ нпр. Эразмъ Роттердамскій и другіе (Модржевскій исчисляеть современныхъ ученыхъ - католиковъ, писавшихъ о реформѣ церкви). Очень многіе писатели указывали, какія преобразованія необходимы въ церкви. О томъ, что я писалъ о безбрачїи духовенства, и до меня писали папы, кардиналы, епископы, аббаты, монахи, богословы и законовѣды. Я не вижу, какова разница между ними и мною. А сколько писателей писали о причащенїи подъ обоими видами!... Изъ нихъ никто не осужденъ, они находятся даже въ числѣ католиковъ, сочиненія ихъ печатаются, цѣнятся и читаются всѣми явно. Если слѣдовательно этимъ писателямъ все считается позволительнымъ, такъ зачѣмъ же на меня наложено столь тяжкое бремя.. Мужи эти за свои сочиненія пользуются почетомъ у всей церкви, я же за труды, предпринятые мною для ея блага, лишень дружбы почтенныхъ мужей и наказанъ изгнанїемъ. О какъ жалка и несчастна моя судьба!... Люди, вовсе не заботящіеся о благѣ государства и церкви, которые проводятъ жизнь въ праздности и бездѣйствїи, въ роскоши и удовольствїяхъ—живутъ свободные отъ всякихъ опасенїй. Я же за то лишь, что исполняю свою обязанность, подверженъ опасности лишиться жизни и имущества.. *По мнѣнію нѣкоторыхъ, религіозныя распри можно успокоить и уничтожить папскими интердиктами при содѣйствїи грубой физической силы, вовсе не задавая трудомъ искоренить злблужденїя мирнымъ путемъ и подыскать средства для ихъ исправленїя; но въ такомъ случаѣ я не понимаю, съ какою цѣлью сози-ваются соборы.* Люди, разсуждающїе такимъ образомъ, пусть взглянутъ на обширѣйшую и знаменитѣйшую Германскую имперїю, гдѣ впервые возникло религіозное разногласїе. Дѣло реформы началось тутъ по инициативѣ Мартина Лютера—человѣка честнаго, не обладающаго никакою могущественною силою, ни не исправляющаго никакихъ общественныхъ должностей. Противъ него перваго были направлены громы и проклятїя твоего папскаго престола. Затѣмъ, германскїе синоды издали строгое постановленїе, въ силу котораго каждому предоставлялось право безнаказанно умертвить его. Когда же и это рѣшенїе слишкомъ тридцать лѣтъ оставалось безъ вся-

кихъ послѣдствій, подыскали другія средства, построже прежнихъ. Императоръ Карлъ, прославившійся своими подвигами, сталъ вести войну съ цѣлою половиною Германіи, а въ особенности съ тою частью, гдѣ ученіе Лютера было больше всего распространено. Онъ велъ сію войну, какъ возвѣщалось папой, для искорененія ереси. И что же, достигъ ли онъ своей цѣли? Дѣйствительно, мы видѣли, что онъ взялъ въ плѣнъ многихъ враговъ, завоевалъ многіе города и побѣдилъ непріятелей, но идеи, поглощенные умами, не подверглись измѣненію; лютерово ученіе вовсе не было искоренено. И въ Виртембергѣ, и въ Брауншвейгѣ, и во многихъ другихъ городахъ и мѣстностяхъ, которыми даже управляли католическіе епископы, какъ до войны, такъ и послѣ нея, излагали ученіе и исполняли церковные обряды по установленіямъ Лютера. Такимъ образомъ ересь не была искоренена... Видно, вы отчаиваетесь въ словѣ Божьемъ, пуская въ дѣло инія средства для успокоенія религіозныхъ распрей; если же вы полагаете свою надежду на слово Божье; отчего же не пользуетесь имъ въ данномъ случаѣ. Исусъ Христосъ, спрощенный сатаною, далъ ему отвѣтъ, основываясь на свидѣтельствѣ св. Писанія. Отчего же и вы не употребляете этого орудія, чтобы навести людей на путь истины?... Слѣдуетъ тебѣ устранить причины, вызвавшія язву, если ты желаешь, чтобы весь организмъ былъ здоровъ. Этими причинами являются заблужденія и несообразности въ ученіи церкви, которыя, повѣрь мнѣ, иными средствами искореняются, а не желѣзомъ и войною... Но что же? если кто желаетъ дѣйствовать въ этомъ духѣ и превозглашаетъ мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ церкви, то духовенство его порицаетъ, не пытаясь даже узнать, что за идеи онъ высказываетъ, какъ онъ это дѣлаетъ, почему, съ какою цѣлью и съ какимъ намѣреніемъ. Все то, чего они не понимаютъ, осуждаютъ, какъ еретическое... О если бы ты не такъ скоро повѣрилъ словамъ доносчиковъ, если бы ты прочелъ сочиненіе, написанное мною, ты не имѣлъ бы повода налагать на меня интердиктъ, который ты издалъ по внушенію другихъ!... Я надѣюсь, что усилъ оправдать себя предъ тобой, такъ сдѣлай же одолженіе, не

слушай доносовъ, не отлучай меня отъ церкви, не считай меня челоуѣкомъ мятежнымъ, развращающимъ католиковъ, но окажь мнѣ твою отцовскую любовь и причисли къ тѣмъ, которые всѣми силами стараются установить единство въ христіанской церкви...“ (164).

Это письмо и трактатъ *de ordinibus ecclesiae* Модржевскій пишетъ въ какой то мѣстности *Fabrilium* 25 августа 1556 года.

Но ему не долго пришлось оставаться тутъ: преслѣдуемый врагами, онъ къ началу сентября (165) отправляется къ коронному гетману Тарновскому и ищетъ у него покровительства противъ враговъ. Тарновскій благосклонно принялъ его къ себѣ, и Модржевскій до конца 1556 года пребывалъ у него то въ деревнѣ Вевюрки, то въ селѣ Осекѣ (166). Онъ и тутъ не забываетъ о своемъ любимомъ занятіи рѣшать спорные религіозные вопросы.

Пребывая въ Вевюркахъ, онъ пишетъ три богословскія диссертациі:

De Ecclesiae et Verbi Dei autoritate (167).

De fidei et operum iusticia, necessitate et necessaria conjunctione (168) и

De conscientiae certitudine, remissionis peccatorum et vitae aeternae (169),

гдѣ подобно тому, какъ и въ прежнихъ своихъ трудахъ, онъ

---

(164) *De Rep. emend.* 1559 p. 540—549. Письмо это было доставлено папѣ, доказательствомъ чему слова Модржевскаго: *Cui quidem papae (id est Paulo IV) rescripsi ego libro illi dicato de ordinibus Ecclesiae. In quo rationem illi reddidi vitae, et actionum mearum: simulque causas ostendi, quamobrem in me non debuerit esse immitis et adeo ferox. Assensus est ille orationi nostrae non obscurae; nec ullam deinceps perniciem nobis machinatus est.* *Silvae.* 1590 sine loco pag. 154 внизу.

(165) На концѣ предисловія къ „*de Ecclesia liber II,*“ которую онъ посвящаетъ Тарновскому, значится: „*Ex palatiis tuis tuis Vieviurciensibus. Calendis Septembris 1556.*“ *De Rep. emend.* 1559, p. 407.

(166) *Ibidem.* p. 406.

(167) *Tractatus I libri de Ecclesia II-di* *De Rep. emend.* 1559, pag. 408—415.

(168) *Tractatus II ejusdem libri.* *Ibidem* pag. 416—426.

(169) *Tractatus III ejusdem libri.* *Ibidem.* pag. 426—434.

старается согласить идеи католицизма съ идеями протестантизма. Къ этимъ тремъ трактатамъ Модржевскій прибавилъ всѣ свои богословскія диссертациі, которыя не были еще напечатаны, составилъ изъ нихъ одно обширное цѣлое и, давъ ему общее заглавіе: *De Ecclesia—liber secundus*, посвятилъ всю книгу своему покровителю—Яну Тарновскому (170).

„Издавъ (въ 1554 г.) книгу *de ecclesia*, говоритъ онъ, я постановилъ ничего больше не писать въ подобномъ родѣ, и ждать пока не соберется соборъ и не постановитъ законнымъ путемъ, что слѣдуетъ принять и что устранить въ ученіи церкви. Но такъ какъ возлагаемая мною надежда на соборъ со дня на день падаетъ влѣдствіе поступковъ римскаго папы, чуждыхъ мира и религіи, то мнѣ показалось нужнымъ приняться опять за дѣло, чтобы не оставаться въ этомъ продолжительномъ и какъ бы слѣпомъ выжиданіи и недоумѣніи духа“ (171).

Вотъ мотивъ, заставившій его пустить въ свѣтъ вторую книгу о церкви; она должна была, согласно съ его желаніемъ, служить дополненіемъ первой книги, изданной имъ при сочиненіи *de Republica emendanda* (172).

Въ составъ той же книги Модржевскій включилъ написанныя имъ два мѣсяца спустя двѣ диссертациі:

De modo transubstantiandi panis et vini—и

De adoratione Christi in Sacramento (173).

Эти трактаты онъ пишетъ въ имѣніи гетмана Тарновскаго—Осекѣ отъ 1 ноября 1556 г и посвящаетъ ихъ современному оратору и писателю Станиславу Оржеховскому (174).

---

(170) *De Ecclesia liber II-us* впервые напечатанъ при *De Rep. emend.* 1559 pag. 393—594 и состоитъ изъ 13-ти tractatus. Всей книгѣ предпослано предисловіе, въ которомъ авторъ посвящаетъ свой трудъ Тарновскому.

(171) *De Rep. emend.* 1559 p. 395.

(172) „*Quae vero sunt longiora vel prius a me non tractata, ea coniicimus in hunc secundum librum.*“ *De Ecclesia lib. II* pag. 406.

(173) Первая составляетъ *Tractatus VII in libro de Ecclesia II-do*, вторая же—*Tractatus VIII* той же книги. *De Rep. emend.* pag. 481—491.

(174) См. предисловіе къ этимъ трактатамъ *Ibidem* p. 481-483.

Пребывая у Тарновскаго, Модржевскій воздѣйствуетъ на него, и гетманъ устраиваетъ у себя сѣздъ шляхты, чтобы выработать и нормировать требованія извѣстныхъ реформъ въ церкви. Тутъ то шляхта постановила требовать на имѣвшемъ состояться сеймѣ въ Варшавѣ причащенія подѣ обоими видами, брака для священниковъ, богослуженія на польскомъ языкѣ и прекращенія высылки въ Римъ ежегодныхъ субсидій (175).

Къ началу 1557 года дѣйствительно собрался сеймъ, и Модржевскій, надѣясь, что на немъ будетъ данъ рѣшительный ходъ дѣлу реформы, отправляется въ Варшаву. Сеймъ состоялся, но результатомъ его былъ извѣстный варшавскій эдиктъ 1557 года, въ силу котораго дѣло откладывалось до слѣдующаго сейма, а до того времени не могли совершаться никакія нововведенія въ церкви (176). Такимъ образомъ надежды Модржевскаго и на этотъ разъ не оправдались. Не сбылось также и другое пламенное желаніе его: ему не удалась попытка, которую онъ обнаружилъ на сеймѣ 1557 г.— достигъ уничтоженія глумщизны. Отправляясь на сеймъ, Модржевскій написалъ къ шляхтѣ воззваніе, въ которомъ, рисуя яркими красками бѣдствія, постигавшія народъ вслѣдствіе несправедливыхъ законовъ *de homicidiis*, требуетъ опять за убійство смертной казни.

Воззваніе это онъ озаглавилъ:

Anereas Fricius Modrevius Equitibus Poloniae ac reliquae Sarmatiae. Dat. Varsaviae in conventu regni Anno Christi 1557 Calendis Januariis.

Онъ прибавилъ къ этому воззванію изданныя имъ еще въ періодъ 1543—1546 г. рѣчи „*de poena homicidii*“ и разослалъ его ко всеѣмъ сенаторамъ и посламъ, собравшимся на сеймъ (177). Но шляхта, занятая всецѣло религіозными спо-

---

(175) О сѣздѣ у Тарновскаго вспоминаетъ Липомано въ письмѣ къ герцогу di-Palliano отъ 23 сентября 1556 г. *Rykczewski. Relacuje*, pag. 39 Т. I.

(176) Карѣевъ. Борьба шляхты съ духовенствомъ въ Польшѣ на сеймахъ середины XVI вѣка. Юридическій вѣстникъ. Москва. 1881 г. за сентябрь мѣсяць N. 9. стр. 59—60.

(177) *De Rep. emend.* 1559, pag. 681—685.

рами на сеймахъ, мало занималась въ то время самыми важными государственными вопросами, а потому новая попытка Модржевскаго возбудить вопросъ объ отмѣнѣ законовъ de homicidiis осталась безъ послѣдствій. Но вліяніе ея не прошло безслѣдно: польскіе протестанты, собравшись на синодъ въ Малой Польшѣ въ городѣ Влодзиславѣ, заявили публично протестъ противъ глувцизны (178).

Выступленіе Модржевскаго въ 1557 г. съ требованіемъ отмѣны законовъ de homicidiis было послѣднимъ проявленіемъ дѣятельности его на поприщѣ политическихъ вопросовъ. Послѣднее воззваніе къ шляхтѣ замыкаетъ собою рядъ политико-литературныхъ его трудовъ. Съ этой поры Модржевскій покидаетъ столь плодovitое поприще политика и всецѣло посвящается разработкѣ спорныхъ богословскихъ вопросовъ.

Къ началу 1558 года какой-то неизвѣстный католическій писатель, пародируя діалоги Модржевскаго de utraque specie Coenae Domini, издалъ подѣ такимъ же заглавіемъ діалогъ, въ которомъ выступаютъ тѣ же лица, что и у Модржевскаго, Гарпагъ и Араторъ и ведутъ диспутъ о причащеніи подѣ обоими видами, о безбрачій духовенства и отправленіи богослуженія на родномъ языкѣ. Побѣда достается ученію католической церкви.

Противъ этого діалога Модржевскій написалъ диссертацию:

Defensio Coenae Domini integre a populo sumendae, et matrimonii a sacerdotibus libere contrahendi, et sermonis vernaculi in publicis Ecclesiae precibus usurpandi contra Diaogum Aratoris et Harpagi, haec omnia impugnantem (179).

Эта полемиическая диссертация заключаетъ въ себѣ лишь дальнѣйшее развитіе уже прежде высказанныхъ Модржевскимъ положеній и замѣчательна лишь тѣмъ, что въ ней Модржевскій въ первый разъ высказываетъ требованіе, чтобы

---

(178) Ossoliński. Wiad. hist.-kryt. Lwów. T. IV pag. 91.

(179) De Rep. emend. 1559 pag. 595—630. Въ концѣ находимы: „Breziniis Calendis Martis 1558.“

богослуженіе въ церквахъ совершалось на доступномъ для всѣхъ родномъ языкѣ.

Новый сей трактатъ онъ написалъ въ городѣ Бржезины въ началѣ марта 1558 года, пребывая у равскаго каштеляна Яна Лютомірскаго. Желая изъявить благодарность новому своему покровителю, Модржевскій посвящаетъ ему свое *Defensio*. Благодаря защитѣ и покровительству нѣкоторыхъ магнатовъ-протестантовъ, Модржевскій былъ свободенъ отъ преслѣдованій Липпомано, и послѣдній не былъ въ состояніи причинить ему никакого зла (180). Тѣмъ не менѣе, переѣзжая очень часто съ одного мѣста на другое, скитаясь безпрестанно по странѣ отъ одного покровителя къ другому, онъ легко могъ попасть въ руки духовной власти и подвергнуться духовному суду. Поэтому, прибывъ на сеймъ 1557 года въ Варшаву, онъ проситъ у Сигизмунда Августа выдать ему королевскій „мандатъ,“ въ силу котораго онъ освобождался бы отъ юрисдикціи духовенства. Къ просьбѣ Модржевскаго присоединили свое ходатайство послы и члены сената. Королю не трудно пришлось удовлетворить этой просьбѣ: уже по постановленію сейма 1555 года была предоставлена всѣмъ свобода вѣроисповѣданія, и шляхта была изъята изъ юрисдикціи духовныхъ судовъ (181), вслѣдствіе чего просьба Модржевскаго была вполне законна; притомъ Сигизмундъ Августъ былъ личный другъ Модржевскаго, а потому онъ не только велѣлъ выдать ему изъ своей канцеляріи „мандатъ,“ по которому Модржевскій признавался подлежащимъ по всѣмъ дѣламъ единственно королевскому суду, но и получилъ кромѣ того такъ называемый „глейтъ,“ по которому ему было предоставлено право свободно проѣзжать по странѣ безъ всякаго препятствія со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей. Но вскорѣ Фричу пришлось испытать, какъ ненадежны были даже акты короля.

---

(180) „*Mihi vero, qui Dei beneficio et virorum principum ope statum adhuc meum retineam, manum Dei potentem et benignam recognoscendi...*“ *De Rep. emend.* 1559, pag. 665.

(181) *Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta 1555 i 1558 r. Wydanie braci Lubomirskich. Kraków. 1869 pag. 225.*

Какъ мы уже указывали, онъ былъ настоятелемъ приходской церкви въ Бржезинахъ и пользовался всеми доходами съ нея. На это обратилъ вниманіе гнѣзненскій архіепископъ Николай Держговскій, и, желая наказать Модржевскаго за его антикатолическія тенденціи, призвалъ его къ своему суду и, какъ еретика, лишилъ его права получать доходы съ бржезинской церкви. Модржевскій, не считая себя заслуживающимъ такого наказанія, заявилъ на это рѣшеніе отводъ, что онъ не подлежитъ духовному суду, въ доказательство чего онъ представилъ акты, выданные ему королемъ, но архіепископъ отобралъ у него глѣйтъ и мандатъ и отказалъ возвратить ихъ. Узнавъ объ этомъ, друзья Модржевскаго цѣлою толпою отправились къ архіепископу и, протестуя противъ незаконнаго его поступка, требовали выдачи актовъ. Но архіепископъ приказалъ имъ отвѣтить, что онъ не выдастъ ихъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что король не имѣетъ права освобождать никого отъ его юрисдикціи (?), а впрочемъ, ему неизвѣстно, выданы ли сии акты изъ королевской канцеляріи по волѣ короля или же безъ его вѣдома (182).

Вслѣдствіе того Модржевскій былъ принужденъ оставить Бржезины; онъ уѣзжаетъ въ Краковъ принести королю жалобу на незаконный поступокъ Держговскаго.

Въ Краковѣ уже наканунѣ сейма 1558 года онъ издаетъ полемическую брошюру п. з.:

Andreae Fricii Modrevii Secretarii Regii Defensio eorum, quae antea scripsit de concilio universorum, de justitia christiana, de meritis operum nostrorum deque scortatione magis vitanda sacerdoti, quam matrimonio (183).

Посвящая сей трудъ своему другу и бывшему товарищу по академіи, познанскому архидіакону Павлу Глоговскому, Фричъ рассказываетъ, какъ онъ впервые сталъ проникаться тенденціями реформаціоннаго движенія (184) и затѣмъ говоритъ слѣдующее:

(182) *Ibidem* pag. 226.

(183) *De Rep. emend.* 1559, pag. 631—666. Въ концѣ обозначено: „Cracoviae. Calendis Maii anno 1558.“

(184) См. главу I сего труда.

„Помимо того, что я проникся новыми идеями, я велъ жизнь, сообразуясь съ установившимися у насъ обычаями. И подобно тому, какъ я живу въ Ръчипосполитой, хотя я не одобряю всѣхъ ея законовъ, такъ тоже я не отлучался отъ католической церкви, обряды и ученіе которой я считаю не безъ извѣстныхъ недостатковъ... Когда между католиками и протестантами возникли споры о вѣрѣ, не знаю даже, какъ это случилось, я очутился вдругъ среди спорящихъ сторонъ и сталъ сочинять труды, въ которыхъ я или старался привести обѣ стороны въ согласіе или писалъ то, что было согласно съ истиной... Но мои мнѣнія рѣдко нравятся всѣмъ; это даже почти невозможно при столь великомъ разногласіи всѣхъ партій. Нѣкоторые высказанныя мною мнѣнія хулятъ протестанты, другіе не нравятся католикамъ, стчего ни тѣ, ни другіе не считаютъ меня своимъ сторонникомъ. Нѣкоторые же католики являются даже злѣйшими врагами моими... Сами они пишутъ и говорятъ, что угодно; если же я пытаюсь, что-либо возразить на это, они уже не считаютъ меня достойнымъ имени правовѣрнаго католика. Они не желаютъ, чтобы другіе произносили сужденія объ ихъ трудахъ, но требуютъ, чтобы каждый слѣпо вѣрилъ тому, что они пишутъ... Если же кто не соглашается съ ихъ взглядами, тотъ уже не католикъ. Они пишутъ на меня доносы къ лицамъ, которые могутъ мнѣ вредить, и даже доносить на меня папѣ... Но сохранивъ до сихъ поръ свою жизнь и имущество при помощи Божьей и при содѣйствіи могущественныхъ мужей, я вижу во всемъ этомъ несомнѣнный признакъ присутствія могучей и милосердной руки Господа, а потому мнѣ необходимо вести дѣло дальше и не покидать занимаемаго мною дотолѣ поста...“ (185).

Такимъ образомъ, не смотря на свои тенденціи, Модржевскій всё еще считаетъ себя католикомъ, сознаетъ, что его дѣло правое, и что его требованія когда нибудь должны осуществиться на практикѣ. Поэтому то, преслѣдованія со стороны католическаго духовенства не сломили его, не заставили раскаяться въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, но напро-

тивъ того, тѣмъ болѣе воодушевили его; они внушили ему убѣжденіе, что онъ жертва суевѣрія, приохотили его къ борьбѣ и заставили всѣми силами доказывать правоту своихъ положеній.

Защищаясь противъ преслѣдованій духовной власти, на сеймѣ 1558 года устами пословъ Лэнчицкаго воеводства Модржевскій приноситъ жалобу на архіепископа, что онъ несправедливо и противузаконно подвергъ его своему суду и лишилъ доходовъ съ Бржезинскаго прихода за то, какъ говорилось на сеймѣ, „ysz nie wierzil, iako iego koscziol rzym-sku uczy.“ Какія послѣдствія повлекла за собою эта жалоба, мы не знаемъ: ослушаніе королевскому указу и пренебреженіе, оказанное архіепископомъ королевскимъ актамъ, не могли пройти безслѣдно въ то время, когда со всѣхъ сторонъ слышался ропотъ на своеволіе духовенства. Шляхта, ставшая и безъ того уже въ непріязненные отношенія къ духовенству и пользовавшаяся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы досадить ему, не могла пропустить даромъ сего поступка архіепископу, она и поднимаетъ на сеймѣ крикъ противъ него. Лэнчицкіе послы обвиняютъ его, что, лишивъ Модржевскаго должности настоятеля прихода за его религіозныя убѣжденія и призвавъ его къ своему суду, онъ нарушилъ постановленіе сейма 1555 года, по которому до времени созванія національнаго собора была предоставлена всѣмъ свобода вѣроисповѣданія, и духовные суды по дѣламъ ереси были приостановлены; — далѣе послы ставятъ въ вину архіепископу, что онъ оказалъ пренебреженіе и неуваженіе актамъ короля и упрекаютъ его въ нанесеніи Модржевскому несправедливой обиды (186). Современный лѣтописецъ, записывая

---

(186) Рѣчь пословъ по этому поводу слѣдующая:

„Pana Fricza sekretarza krolia iego m. xiącz arczbiskup albo iego urząd odsądzył niesprawiedliwie plebaniey Brzezinskiey, ysz nie wierzil iako iego koscziol rzym-sku uczy. Czo na seymiech przeslich J. K. M. z radami szwemy y s pany posly od riczerstwa tak to postanowicz raczył, yako na seymie walnim piotrzkowskim anno 1555, isz czy ktorziby ynaksze mniemanie rozumieli bicz o kosczielle rzym-skim, a nisz koscziolowi czo prziczitano bicz miało, a zarzuczivssy rzym-skie ustawy, nasliadowali swiathlosci wiekuisthey prawdi, a słowa Kristusa milego,

въ „діаріушѣ“ сейма 1558 г. жалобу Модржевскаго на архіепископа, къ сожалѣнію не указываетъ, чѣмъ кончилось это дѣло. По всему вѣроятію Модржевскому вновь выдали изъ королевской канцеляріи „мандатъ“ и „глейтъ.“ Но фактъ, что шляхта заступилась за Модржевскаго, что обида, причиненная ему, могла даже составлять на сеймѣ предметъ пре-

mieli bicz w pokoju zachowani od iurysdyciey ich m. panow duchownych, asz do iakiego postanowienia w coronie iego K. Mci przez concilium nationale, gdzie xiedza arczbiskupa urząd nie bacząc tego nycz, moczą a uporem bez rossądku słowa bozego, onego yako niegodnego tego urzędu pasterskiego odszadzyl y prowenti wszisthki iemu s tey plebaniey odiał. Temusz panu Friczowi taka sie krzywda od urzędu xiedza arczbiskupa stala, ys xiacz arczbiskup y urząd iego nie chciał nycz dbacz na mandath iego kroliewskiej Mci, ktori krol J. M. dal do xiedza arczbiskupa y iego urzędu, takiesz thesz ynich urzędow xiezey ich m. wymuiącz onego z iurysdyciey ich m. sądow, a sobie J. K. M. iurisdycią szwoie kroliewską nad nym zachowuyącz, y oznaimuiącz wszem w obec, komubylkolwiek byl czo pan Fricz winien, ysz nigdziey yndziey, y nie przed kym ynssym sprawowacz sie miał, w czymi go kto za winnego bicz poczital, ieno przed ossobą J. K. Mci. Za pokornimi thesz prozbami p. Friczowemi, a za przicinami thesz ich m. p. na warsawskim seymie J. K. M. z laski szwey kroliewskiej przeciwko panu Friczowi to uczinicz meziwie raczy, isz nie tilko, abi J. K. M. mandath dal do xiedza arczbiskupa u urzędu iego, aby go nie sądzili bez wiadomosczy y bithnoszczy J. K. Mci, alie ku wiethsemu pokoiowy zachowaniu pana Friczowemu J. K. M. z laszky szwey kroliewskiej onemu gleith dal za przicinami p. rad. Jako then mandath z gleytem J. K. Mci x. arczbiskup y iego urząd uczczil, iesth zywa sliachta y wozny, ktory to przed J. K. Mcią będzie gotow powiedziecz y przed w. m. Apellaciey zadney do J. K. Mci dopuszczic nie chezieli y iesze takowymi slowy nieuczcziwemi przeciwko urzędu J. K. Mci sliachezie y woznemu xiądz cancelierz arczbiskupi Dąbrowsky pusczył sie, dziwuiącz temu, isz ta sliachta z woznim szniely sie tego wazycz przydz thu przed ossobę x. arczbiskupa s takimi protestaciami, ktorich w urzedzie iego m. xiedza arczbiskupa nie zwikly prziiomowacz. Przeciwko tesz mandatowi krolia J. Mci tenze xiądz Dąbrowsky mowyl, ysz takowich mandatow i. m. xiądz arczbiskup nie iesth powinien sluchacz, abowiem J. K. M. z iurisdyciey plebana i. m. x. arczbiskupa weymuiącz, nie moze any sądzicz, iedno i. m. sam, y then mandath, ktori iesth wydan s cancellariey od p. canclerza, nye wiem iesly za wiadomosczia krolia J. Mci iesth widan. Gleith tesz ktori okazal sluzebnik i m. p. cracowskiego y mandath J. K. Mci przed x. arczbisknpem, a do rąk i. m. dal x. arczbiskupowy, onego gleythu y onego mandathu xiacz arczbiskup wrocicz nie chciał, na czo thesz jesth wozny y sliachta, ktorym to oswiathczono, ze i. m. x. arczbiskup onegu gleithu y mandath wrocicz nie chciał, ktory mandath nie tilko do iego urzędu naliezał, alie do wssithkich sądow w coronie nalieżączich.» Dzianniki sejmow z lat 1555 i 1558, pag. 224 — 226.

реканій, фактъ этотъ долженъ былъ поселить въ умахъ лицъ, преслѣдовавшихъ Фрича, убѣжденіе, что дѣйствовать на Модржевскаго насиліемъ нельзя, что преслѣдовать его значить раздражать противъ себя и безъ того уже враждебную къ себѣ пляхту. Если мы примемъ къ тому во вниманіе, что, въ виду сильнаго сопротивленія со стороны магнатовъ-протестантовъ, начинается падать и усердіе Липпмана въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ, что нунцій, отправлявшійся въ Польшу съ твердымъ постановленіемъ искоренить ересь, къ этому времени совершенно отчаивается водворить обратно въ Польшѣ господство католицизма, сознаетъ себя вполнѣ безсильнымъ и выжидаетъ лишь времени, когда папа позволитъ ему оставить сей „Вавилонъ,“ какъ онъ называлъ Польшу (187), то мы не будемъ удивляться, что въ это время и Модржевскій имѣетъ возможность по свободнѣе перевести духъ: преслѣдованія противъ него ослабѣваютъ, его на нѣкоторое время оставляютъ въ покоѣ.

Покинувъ въ половинѣ 1556 года Вольборжъ и скитаясь по разнымъ панскимъ дворамъ, Модржевскій, пользуясь выданнымъ ему „глейтомъ,“ на нѣкоторое время въ 1557 году заѣзжаетъ въ Вольборжъ. Искренній другъ его, куявскій епископъ — Дрохоіовскій находился уже при смерти. Модржевскій безотлучно присутствуетъ при его смертномъ одрѣ, утѣшаетъ умирающаго старика и, разговаривая съ нимъ о загробной жизни, старается убѣдить его, что онъ будетъ спасенъ. Дрохоіовскій испускаетъ духъ на его рукахъ (188).

Послѣ смерти своего покровителя Модржевскій опять покидаетъ Вольборжъ и только тогда возвращается въ него, когда на мѣсто Дрохоіовскаго окончательно назначенъ въ куявскіе епископы—Яковъ Уханьскій. Уханьскій подобно тому, какъ и Дрохоіовскій, былъ человѣкъ, сочувствовавшій реформации. Первоначально юристъ, управлявшій имѣніями королевы Боны, референдаржъ въ царствованіе Сигизмунда I,

(187) Rykaczewski. Relacyje. T. I, pag. 32—40. Письмо Липпмана къ князю di-Palliano.

(188) Orichovius, pag. 84—85.

позднѣ варшавскій архидіаконъ, въ 1551 году получилъ отъ Сигизмунда Августа холмскую епархію. Но такъ какъ къ этому времени онъ сдѣлался извѣстенъ всѣмъ, какъ сторонникъ новаго религіознаго движенія, то папа Юлій III отказалъ назначить его епископомъ. Помимо того Уханьскій не захотѣлъ оставить занятой имъ уже епархіи, и папа волей-неволей долженъ былъ согласиться на это. Когда же Дрохоіовскій умеръ, Сигизмундъ Августъ даровалъ ему куявскую епархію. Это опять вызвало пререканія съ Римомъ. Папа Павелъ IV бросилъ даже на Уханьскаго проклятіе, но тотъ съ своей стороны проклялъ папу. Наконецъ, во избѣжаніе скандала, Гозій выхлопоталъ у папы согласіе, и Уханьскій былъ утвержденъ въ санѣ куявскаго епископа. Завѣтною идеей Уханьскаго было образовать въ Польшѣ національную церковь, независимую отъ Рима, причемъ онъ думалъ реформировать церковь по новому образцу. А такъ какъ тѣми же тенденціями задавался и Модржевскій, то имъ не трудно было сблизиться другъ съ другомъ. Они уже раньше, какъ мы видѣли выше, были знакомы другъ другу. Сдѣлавшись же куявскимъ епископомъ и проживая постоянно въ Вольборжѣ, гдѣ Модржевскій состоялъ войтомъ, Уханьскій полюбилъ его, защищалъ отъ всякихъ преслѣдованій и даже сдѣлалъ его управляющимъ своими имѣніями (189). Къ тому же времени умираетъ папа Павелъ IV, въ Польшѣ же на мѣсто умершаго архіепископа Держговскаго, враждебно относившагося къ Модржевскому, назначается Іоаннъ Пржерембскій — человекъ умѣренный, отличавшійся вѣротерпимостью по отношенію къ протестантамъ. Модржевскій поэтому могъ спокойно и безъ всякихъ опасеній проживать въ Вольборжѣ.

Пользуясь досугомъ и спокойствіемъ, онъ приводитъ въ порядокъ всѣ свои труды, пополняетъ свое сочиненіе de Republica emendanda и, прибавивъ къ нему всѣ свои позд-

---

(189) Извѣстія объ Уханьскомъ и его отношеніяхъ къ Модржевскому мы находимъ въ сочиненіяхъ: Rykaczewski. Relacyje, p. 74—75. Lubieniecuis. Historia Refor. Pol. lib. I. cap. V. pag. 20. Acta Polonica litteraria Mizleri a Kolof 1756 an. pag. 306 и 1755 an. pag. 257, а также въ брошюрѣ „Orichovius“ pag. 10 и 14.

нѣйшіе труды, онъ посылаетъ ихъ въ Базель къ типографу Опорину. Въ слѣдующемъ же году 1559 въ августѣ мѣсяцѣ выходитъ въ свѣтъ полное изданіе всѣхъ сочиненій Модржевскаго подъ заглавіемъ:

Andreae Fricii Modrevii de Republica emendanda commentariorum libri quinque, recogniti et aucti, quorum primus de moribus, secundus — de legibus, tertius—de bello, quartus—de ecclesia, quintus—de schola. Ad Regem, Senatum, Pontifices, Presbyteros, Equites Populumque Poloniae ac reliquae Sarmatiae. Quibus hac editione secunda accesserunt praeter alia: De Ecclesia liber secundus — lectu dignissimus, Orationes item et Epistolae. Cum locuplete rerum et verborum memorabilium indice. Basileae per Joannem Oporinum 1559 an. (190).

---

(190) In folio pag. 807 и fol. 31. Въ составъ сего изданія вошли: измѣненное и дополненное сочиненіе de Republica emendanda (pag. 1—392), 13 мелкихъ богословскихъ диссертаций, составлявшихъ de Ecclesia liber II (pag. 393—594), „Defensio,” посвященное Лютомірскому (pag. 595—630), „Defensio,” посвященное Глоговекому (pag. 631—666), написанный Модржевскимъ еще въ 1553 г. въ Вольборжѣ „Appendix librorum de Republica emendanda” (pag. 666—680), брошюры: „de poena homicidii” (681—768), „de decreto conventus etc.” (769—781) и „de legatis mittendis” (782—797), письма Фрича къ Залогѣ (798—801), Юстиніяна къ Фричу (802—805), Фрича къ Юстиніяну (805—807) и на 807 стр. внизу—„errata.” Затѣмъ на 48-ми неномерованныхъ стр. находится „Index rerum et verborum,” на слѣдующихъ восьми „Index locorum Sap. Scripturae.” Далѣе на 2-хъ стр. стихъ Якова Гартелиа въ похвалу сочиненій Модржевскаго и наконецъ, на 4-хъ послѣднихъ стр. письмо Опорина къ Шиллингу. Въ концѣ обозначено: „Basileae. Ex officina Joannis Oporini Anno Salutis Humanae 1559 mense Augusto.”

Сочиненіе „de Republica emendanda” въ этомъ изданіи значительно дополнено. Изъ главнѣйшихъ дополненій слѣдуетъ указать на прибавленіе къ книгѣ „de moribus” 2-хъ новыхъ главъ: Cap. XIV pag. 55—„De censoribus matrimonium” и Cap. XXVII pag. 104: „Gladios et instrumenta alia ad laedendum comparata non esse ferenda in Republica quieta.” Къ книгѣ „de legibus” прибавлена важная глава „De incendiis vitandis et opprimendis” (Cap. XIII pag. 134). Въ книгѣ „de bello” главы IX и X изданія 1554 г.—въ изданіи 1559 г. составляютъ одну IX главу.

Кромѣ указанныхъ перемѣнъ, Модржевскій значительно расширилъ нѣкоторыя главы изданія 1554 г.

Изданія 1559 года въ университетской библіотекѣ не имѣется, за то оно находится въ библіотекахъ Замойскихъ и Красинскихъ. Экземпляръ послѣдней библіотеки принадлежалъ нѣкогда польскому поэту Симону Симоиду Вейдонскому, какъ доказываетъ собствен-

Сочиненіе de Republica emendanda было болѣе или менѣе извѣстно читающей публикѣ по двумъ предшествовавшимъ изданіямъ (1551 и 1554 годовъ) и не могло уже сильно заинтересовать общество. За то гораздо интереснѣе для послѣдняго были изданные при немъ богословскіе труды Фрича, которые доселѣ были извѣстны въ рукописяхъ лишь незначительному кружку его друзей.

Въ этихъ трудахъ онъ вполне безразлично относится ко всѣмъ современнымъ сектамъ. Проникнутый идеей единства христіанской церкви, онъ стремится привести всѣ вѣроученія къ одному знаменателю, водворить единогласіе и спокойствіе въ христіанскомъ мірѣ. Для этой цѣли необходима, по его мнѣнію, реформа современнаго порядка вещей въ католической церкви. Но изъ-за этого требованія переустройства церкви мы не можемъ ставить его на ряду съ реформаторами XVI-го вѣка и считать отпавшимъ отъ католической церкви. Исторія доказываетъ, что и самые католическіе духовные сознавали необходимость реформы церкви. Въ Польшѣ уже въ XV вѣкѣ ученый краковскій епископъ—Матвѣй изъ Янова, въ сочиненіи: De squaloribus Curiae Romanae, прямо высказываетъ мысль, что „dei ecclesia nequit ad pristinam suam dignitatem reduci vel reformari, nisi prius omnia fiant nova.“ Въ XVI-мъ вѣкѣ на вопросъ папскаго нунція о нуждахъ духовенства польскіе высшіе духовные іерархи даютъ отвѣтъ, что „solum reformatione in vita et moribus ac toto suo statu egeret... tam in capite, quam in membris...“ (См. ссылку 78). Папы Адріанъ VI, Павелъ III, Юлій III и Маркеллъ II усердно добивались реформы церкви, но потерпѣли неудачу. Поэтому мы не вправѣ бросать анаѳему на Модржевскаго и считать его еретикомъ. Правда, онъ критикуетъ нѣкоторыя установленія католической церкви, нападаетъ на безнравственную жизнь духовенства и злоупотребленія, допускаемая имъ въ церкви, предлагаетъ извѣстныя преобразованія, которыя должны бы по его мнѣнію принести пользу религіи, но онъ не

желаетъ разрыва съ католическою церковью, нигдѣ и никогда не задается мыслью образовать церковь, стдѣльную отъ католической; напротивъ того, онъ самъ de facto остается католикомъ, исполняетъ всѣ церковные обряды, установленные католическою церковью, извиняется передъ папой, открыто и явно обращаясь къ нему, какъ къ главѣ церкви, и церковная реформа, по его плану, не должна влечь за собою раскола, но должна обновить и усилить католицизмъ.

Въ то же время нельзя не замѣтить, что, указывая извѣстныя слабыя стороны религіи и церкви, Модржевскій отсталъ въ нѣкоторомъ смыслѣ отъ ея ученія, его богословскія диссертациі выражали протестъ противъ извѣстныхъ религіозныхъ и церковныхъ установленій, которыя онъ свободно критиковалъ и оцѣнивалъ; въ основѣ его трудовъ лежала не слѣпая вѣра, а идеи раціонализма, которымъ такъ сильно были проникнуты современные гуманисты и реформаторы. Этотъ раціонализмъ и дѣлалъ Модржевскаго родственнымъ по духу съ западно-европейскими представителями реформациі. Поэтому то, протестанты, хотя и не одобряли всѣхъ теорій Модржевскаго, хотя онъ не разъ заявлялъ, что онъ не сторонникъ ихъ, тѣмъ не менѣе причислили его къ своимъ приверженцамъ. Приѣзжающіе секретары-иностранцы отправляются прямо къ Модржевскому, прославившемуся за границей своими трудами; польскій гуманистъ, любящій науки и уважающій всякаго образованнаго человѣка безотносительно къ его религіознымъ убѣжденіямъ, дружится со многими изъ нихъ, что и навлекаетъ на него подозрѣніе высшаго духовенства, будто онъ созываетъ съ Польшу еретиковъ (191).

Къ этому времени польскіе протестанты, раздробившіеся вслѣдствіе свободы вѣроисповѣданія на множество сектъ, изъ которыхъ каждая гласила отличныя отъ другихъ доктрины, обнаруживаютъ стремленіе образовать одну сплоченную пар-

---

(191) Нунцій Коммендонэ пишетъ: „Codzień przybywają do Polski nowi rozsiewacze błędów w wierze, zgromadza ich do Polski Frycz, będący ich głową, poufały domownik ks. arcybiskupa.“ См. Pamiętniki o dawnej Polsce, obejmujące listy Jana Fran. Kommendoniego, zebrał Albertrandi, wydał Malinowski. Wilno. 1851. pag. 109.

тію и установить между собою согласіе относительно главнѣйшихъ пунктовъ церковнаго ученія. Съ этою цѣлью польскіе протестанты созываютъ синоды въ Влодиславлѣ (1557 г.), Липникѣ Моравскомъ (1558 г.), Ксенжѣ, Познани (1560 г.) и въ Буженинѣ. Но усилія эти не достигли своей цѣли.— Считая Модржевскаго своимъ сторонникомъ, протестанты приглашаютъ его принять участіе въ этихъ синодахъ. Но они ошиблись: Модржевскій, правда, пишетъ изъ Вольборжа посланіе то къ членамъ синода въ Влодиславлѣ, то къ соучастникамъ сѣзда въ Ксенжѣ, то наконецъ ведетъ переписку съ крайними поборниками протестантизма въ Польшѣ— Иеронимомъ Оссолинскимъ и Станиславомъ Стадницкимъ, совѣтуя имъ—собравшись сообща—рѣшить всѣ спорные религіозные вопросы и уничтожить такимъ образомъ разногласіе въ церкви (192), но самъ онъ не принимается за дѣло примиренія протестантовъ между собою, стоитъ вдали отъ ихъ совѣщаній, а даже, когда они обращаются къ нему съ просьбой принять участіе въ имѣвшемъ состояться синодѣ и составить программу подведенія подъ одно вѣроисповѣданіе всѣхъ протестантскихъ сектъ, Модржевскій уклоняется отъ исполненія предлагаемой ему роли активнаго дѣятеля и даетъ имъ совѣтъ обратиться по этому дѣлу къ Гозію и къ папскому нунцію и просить у нихъ диспута по религіознымъ вопро-

(192) Модржевскій собралъ эти посланія и письма въ одно цѣлое и издалъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ: *Andreae Fricii Modrevii secretarii regii de mediatore libri tres. Si quid dictum hic contra veritatem, indictum scriptumve esto. Anno 1562 sine loco*” листовъ 10½. Эта брошюра состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ каждая составляетъ одно письмо: I-ое „*Patribus et fratribus synodum christianam Volodislaviae seu ubivis alibi habituris, patronis suis,*” написано въ апрѣлѣ 1560 г. изъ Вольборжа. II-ое „*Hieronymo Ossolinio, amico suo. Volborii 1560 mense Junio.*“ Къ этому письму прибавлено другое: „*Synodo in Xiaz seu alibi congregatae. Volborii 1560 die Jovis 12 Septembris.*“ III-ье „*Stanislao Stadnicio, Zmigrodi domino. Volborii an. 1561 die 9 Septembris.*“ Последнее письмо дѣлится на 5 главъ и въ концѣ его обозначено: „*Volborii 1561 die Lunae 15 Septembris.*“

Второе изданіе сборника „*de mediatore*“ послѣдовало въ 1562 году. См. ссылку 204. Его нѣтъ ни въ одной изъ Варшавскихъ библиотекъ. Свѣдѣнія о немъ почерпнуты изъ Воска. *Historia Antitrinitariorum.* Т. I pag. 472.

самъ (193). Отказываясь отъ роли активнаго реформатора, Модржевскій доказалъ на дѣлѣ, что онъ не желаетъ быть польскимъ Лютеромъ или Кальвиномъ и, если онъ разсуждаетъ о тѣхъ же вопросахъ, что и они, то дѣлаетъ это не въ видахъ одной какой нибудь религіозной партіи, а въ виду общаго блага христіанской церкви, стоя на извѣстной нравственной и умственной высотѣ надъ сектаторами.

---

(193) Listy Komendonego, zebrał Albertrandi, wyd. Malinowski, pag. 80, 81 и 110.

Г Л А В А V.

Упадокъ таланта Модржевскаго.— Столкновеніе съ Сржеховскимъ.— Сильвы.— Отношенія его къ Вольскому, Кариковскому и Цю V.— Преслѣдованіе и кончина Фрича. (1561—1572).

Бросимъ бѣглый взглядъ на личность нашего политика-философа, какова она представляется намъ въ началѣ сего послѣдняго періода его дѣятельности. И что же мы видимъ?... На рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ XVI-го столѣтія передъ нами стоитъ уже не тотъ Фричъ, который пятнадцать лѣтъ тому назадъ являлся столь жаркимъ защитникомъ справедливости, ратовавшимъ во имя правъ челоуѣка; это уже не тотъ глубокомысленный и талантливый политикъ, который, пылая любовью къ своему отечеству, предлагалъ въ 1551 году различныя реформы для его исправленія съ полною увѣренностью, что его голосу внемлютъ;— это не тотъ „minister aulicus,“ который, беззаботно проводя жизнь при королевскомъ дворѣ, могъ свободно предаваться научнымъ занятіямъ, не задаваясь вопросомъ, на какія средства ему придется жить. Передъ нами стоитъ вольборскій войтъ, который погруженъ въ мелкопомѣстныя дѣла своихъ горожанъ; передъ нами семьянинъ-домохозяинъ, которому не разъ приходится з.ботиться о подысканіи средствъ пропитанія для своей семьи, у котораго остается лишь часъ или два свобод-

ныхъ отъ хлопотъ и труда; передъ нами шестидесятилѣтній старикъ, разочарованный въ лучшихъ своихъ надеждахъ, гонимый и преслѣдуемый по временамъ врагами, физическія силы котораго находились далеко не въ цвѣтущемъ состояніи (194). Обставленный такими условіями жизни, Модржевскій не можетъ по прежнему являться гениальнымъ и глубокомысленнымъ писателемъ и, хотя онъ не покидаетъ совсѣмъ научныхъ занятій, но съ 1553 г. занятъ онъ по преимуществу богословскою полемикою по самымъ обыкновеннымъ вопросамъ минуты, а, разъ попавъ въ сей заколдованный кругъ, онъ уже никогда не могъ выйти изъ него. Для серьезныхъ занятій у него уже не доставало ни силъ, ни времени; вотъ, почему всѣ его труды богословскаго характера, которыми онъ такъ часто осыпалъ своихъ друзей за періодъ съ 1552 по 1558 г. отличаются отсутствіемъ всякой самостоятельности, слишкомъ поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу и доказываютъ, что гений Модржевскаго сталъ исчерпываться. Два лишь труда: *Appendix librorum de Republica emendanda*, написанный имъ въ 1553 г. въ Вольборжѣ, и *De ordinibus ecclesiae* можно выдѣлить изъ этой массы, какъ болѣе достойныя вниманія.

За послѣдующій періодъ съ 1559 по 1565 г. въ немъ слабѣетъ даже и то неодолимое рвеніе къ рѣшенію религиозныхъ контroversовъ и къ богословской полемикѣ, которое мы замѣчаемъ у него за предшествовавшіе годы. За это время, кромѣ переписки съ Оссолинскимъ и Стадницкимъ, онъ написалъ лишь двѣ маловажныя брошюры: *De peccato originis et de libero hominum arbitrio*—въ февралѣ мѣсяцѣ 1561 года и посвятилъ ее своему брату Іоанну Христофору Модржевскому (195) и *De providentia et praedestinatione Dei aeterna* въ январѣ мѣсяцѣ 1562 года, которую онъ посвятилъ своему

---

(194) Въ письмѣ къ папѣ Павлу IV Дрохоевскій упоминаетъ, что около 1556 года Модржевскій состоялъ въ пользованіи лѣкарей въ Краковѣ. Rykaczewski. *Relacyje*, pag. 28.

(195) Модржевскій нашъ называетъ его „*aulicus et secretarius regius ac municipii siradiensis actorum magister*.“ Ossoliński p. 109.

другу Станиславу Подканскому (196). Обѣ эти брошюры сильно отзываются схоластическимъ духомъ; вся суть ихъ состоитъ въ приведеніи разнородныхъ мнѣній по разсматриваемымъ предметамъ, высказанныхъ отцами церкви и учеными богословами. Подобно тому, какъ и прежнія богословскія диссертациі, онѣ обнаруживаютъ мало самостоятельности: онѣ скорѣе ссылаются на другихъ, чѣмъ самъ высказываются.

Занятія по службѣ и по домашнимъ дѣламъ цѣликомъ овладѣваютъ имъ: онъ то и дѣлаетъ, что заботится о благосостояніи своей семьи, управляетъ имѣніями Уханьскаго и рѣшаетъ дѣла, подвѣдомственныя ему, какъ войту. Погруженный въ бездну житейскихъ мелочей, онъ теряетъ прежнюю энергію, его талантъ слабѣетъ, имъ овладѣваетъ полная инерція духа, выраженіемъ которой и являются послѣднія его богословскія брошюры.

Только неожиданное обстоятельство заставило его встрепенуться и съ прежнимъ жаромъ и рвеніемъ приняться за перо. Это было столкновение его съ извѣстнымъ польскимъ ораторомъ и ученымъ -- Станиславомъ Оржеховскимъ. Это

(196) Двѣ эти брошюры впервые были изданы вмѣстѣ съ другими трудами Модржевскаго, относящимися къ тому же времени, въ 1562 г. въ Базелѣ (о чемъ см. ссылку 204). Отдѣльно онѣ вышли подъ заглавіемъ:

I-ая „*Andreae Fricii de providentia et praedestinatione Dei aeterna. Basileae apud Ludovicum Koenig 1613 an. in 8-vo.*“ Издатель этой брошюры профессоръ Базельской Академіи Людовикъ Люцій предложилъ ей „*Judicium de thesibus D. Andreae Libavii de haereticis praedestinationibus,*“ item „*notae ad orationem apologeticam D. C. Vorstii.*“

II-ая п. з. „*Andreae Fricii de Peccato originis et libero hominis arbitrio. Libri duo. Nunc denuo in lucem producti a M. Ludovico Lucio, Basileensis Academiae Professore. Adversus eos, qui Pelagianos errores de his Christianae Religionis articulis in Ecclesiam retroducere modis omnibus adnituntur. Basileae. Typis Joannis Schroeteri MDCXVII (1617) in 16-o.*“ Издатель посвятилъ сію брошюру Іоанну Рудольфу Фешію, судѣй базельскаго суда; въ посвященіи оны называетъ ее „*libellum orthodoxae fidei.*“

Бокъ (I. 473) упоминаетъ, что послѣдняя брошюра была издана въ третій разъ 1618 г. in 8-vo apud Joannem Jacobum Genath и наконецъ, въ 4-ый разъ появилась въ сборникѣ: „*Modrevii opuscula theologica 1590 in 4-to,*“ о которомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

былъ человѣкъ, въ которомъ съ высокими качествами литературнаго генія соединились самыя низкія побужденія человеческой природы, — крайне безнравственный, натура сангвиническая, страшно неустойчивая. Отличаясь отсутствіемъ твердыхъ убѣжденій, мѣняя ихъ сообразно обстоятельствамъ, онъ готовъ былъ считать низкимъ и недостойнымъ то, что наканунѣ ему казалось похвальнымъ. Будучи священникомъ и давъ обѣтъ цѣломудрія, онъ женится и заводитъ по этому поводу споръ съ духовною властью. Въ письмѣ къ папѣ Юлію III, ругая папу и грозя возмущеніемъ противъ него всѣхъ католиковъ, онъ требуетъ установленія брака для священниковъ и чаши для мирянъ. Когда же у него впослѣдствіи отнимаются духовенствомъ бенефиціи и доходныя мѣста въ церкви, и даже имя его заносится въ списокъ еретиковъ, онъ унижительно вымаливаетъ прощенія у духовной власти и, какъ прежде являлся горячимъ поборникомъ реформы, такъ впослѣдствіи сдѣлался ради корыстныхъ цѣлей ярлымъ приверженцемъ католической церкви и сталъ убѣждать всѣхъ, что онъ никогда не отставалъ отъ ея ученія (197). Дѣло примиренія его съ церковью состоялось на Варшавскомъ синодѣ 1561 года.

---

(197) Въ послѣднее время Кубаля въ соч. Stanisław Orzechowski i jego wpływ na reformację. Lwów. 1870 и Шуйскій въ соч. Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Kraków. 1881 pag. 111—116, старались оправдать Оржеховскаго по обвиненіямъ, взведеннымъ на него безпристрастными историками. Шуйскій даже старается доказать, что Оржеховскій былъ искренній католикъ, который то и дѣлалъ, что трудился на пользу католицизма. Какое мы ни питаемъ уваженіе къ мнѣніямъ заслуженнаго историка, но мы не можемъ согласиться съ его воззрѣніемъ. По нашему мнѣнію, Оржеховскій былъ лишь, какъ его называли современники „warchoŃ“, стремившійся, во чтобы ни стало, добиться популярности въ обществѣ, въ чемъ онъ руководился правиломъ, что цѣль оправдываетъ средства. Поэтому, мы вполне согласны съ той характеристикой Оржеховскаго, какую представилъ Оссолинскій въ своихъ „Wiadomościach historyczno-krytycznych“ (Том III, Kraków, 1822 г.).

Въ доказательство того, что за нами есть хоть нѣкоторая доля правды, мы ссылаемся на того же профессора Шуйскаго, который въ своемъ сочиненіи „Dzieje Polski“ Том II, изданномъ еще въ 1862 году высказалъ объ Оржеховскомъ мнѣніе вполне противоположное тому, какое мы встрѣчаемъ въ вышесказанной диссертациі его.

Епископъ Уханскій, бывшій на этомъ синодѣ, возвращаясь въ Вольборжъ, просилъ Оржеховскаго заѣхать въ домъ его. Ученый и либеральный епископъ, мечтавшій объ устройствѣ въ Польшѣ національной церкви, окружалъ себя образованными людьми того времени и любилъ вести съ ними диспуты по разнымъ церковнымъ и религіознымъ вопросамъ того времени. У Уханскаго пришлось встрѣтиться Модржевскому съ Оржеховскимъ. Они были уже давно знакомы другъ съ другомъ. Какъ мы видѣли, въ 1556 году Модржевскій посвятилъ Оржеховскому два свои разсужденія о причащеніи. Въ письмѣ, которое приложено къ нимъ (198), Модржевскій хвалитъ Оржеховскаго за то, что онъ, будучи священникомъ, женился, и убѣждаетъ его, что прижитыя съ женою дѣти—законнорожденны, и ему нечего стараться о признаніи ихъ законнорожденными. По этому поводу между ними завязалась дружеская переписка: они оба на перерывѣ заявляли другъ другу свою любовь и братскія чувства (199). Впрочемъ, сильную связь между ними составляла также и ихъ общая участь: они оба вмѣстѣ были намѣчены папой, какъ еретики (200); труды ихъ другъ возлѣ друга были приведены въ списокъ книгъ, запрещенныхъ духовною цензурой (201). Но сей дружбѣ, основанной на единствѣ убѣжденій и тенденцій, не долго суждено было существовать съ тѣхъ поръ, какъ Оржеховскій выступилъ на Варшавскомъ синодѣ, какъ приверженецъ католической церкви, и заявилъ себя ея защитникомъ. Встрѣтившись у Уханскаго съ Модржевскимъ, Оржеховскій сталъ разсуждать съ ними о различныхъ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Диспутъ длился четыре дня съ промежутками. На пятый день они прекратили его, и каждый взялся записывать то, о чемъ они разговаривали, и прочитывать написанное товарищамъ. Эта бесѣда велась въ умѣренномъ тонѣ, даже Оржеховскій, разговаривая съ Модржевскимъ, нѣсколько разъ заявлялъ себя его

(198) См. ссылку 174.

(199) Orichovius, pag. 16.

(200) Rykaczewski. Relacyje p. 79.

(201) Orichovius, pag. 15.

искреннимъ другомъ и сталъ восхвалять его необыкновенный умъ. Гостеприимный хозяинъ дома велѣлъ подать вина и, какъ говоритъ Модржевскій о себѣ: „*frequentiora rosula fecerunt me loquatiorem, Orichovium ferociorem.*“ Тутъ то въ подтвержденіе какого то сужденія Оржеховскій привелъ не совсѣмъ умѣстно мнѣніе арабскаго ученаго Аверроэса. Тогда Модржевскій замѣтилъ ему, что Аверроэсъ можетъ составлять авторитетъ лишь тогда, когда дѣло касается естественныхъ наукъ, ибо онъ писалъ „*de rebus naturalibus,*“ но въ философіи онъ не имѣетъ значенія. Въ добавокъ онъ сталъ доказывать, что у Оржеховскаго построеніе силлогизмовъ неправильно, а доводы слишкомъ слабы и не выдерживаютъ критики. Оржеховскій вспыхнулъ гнѣвомъ. Видя, что дѣло выходитъ изъ границъ приличія, Модржевскій объявилъ, что онъ уже ни слова не скажетъ относительно разбираемаго предмета, и предложилъ Оржеховскому разговаривать о чемъ нибудь другомъ, но это еще болѣе взбѣсило Оржеховскаго. Видя въ этомъ отвѣтѣ неуваженіе къ себѣ со стороны Модржевскаго, онъ закричалъ ему: „не тебѣ учить меня, самъ ты долженъ у меня учиться! Къ тому прими къ свѣдѣнію, что тебѣ слѣдуетъ разговаривать со мною, какъ со шляхтичемъ, человѣкомъ благороднымъ по рожденію!“ Модржевскій ничего не отвѣтилъ на сіи вспыльчивыя слова и, желая избѣгнуть скандала, всталъ отъ стола и ушелъ домой. Оржеховскій же на слѣдующій день прибилъ къ дверямъ вольборской церкви объявленіе, въ которомъ, указавъ свои религіозныя тезисы, требовалъ, чтобы Модржевскій подписалъ ихъ, въ случаѣ же отказа въ подписи грозилъ публично объявить его еретикомъ (202). Модржевскій, будучи занятъ цѣлый день присмотромъ за полевыми работами и не находясь дома, ничего не зналъ о случившемся, и только, когда онъ позднимъ вечеромъ возвращался съ поля, кто-то изъ друзей увѣдомилъ его о поступкѣ Оржеховскаго, вслѣдствіе чего прибитые на церкви тезисы остались въ тотъ же день неподписаны. Оржеховскій того только и ждалъ и, когда до заката солнца Мо-

држевскій не явился, внесъ въ гродзкіе акты описаніе всего случившагося и публично заявилъ, что Фричь добровольно сознался виновнымъ въ ереси (203). Узнавъ объ этомъ, Модржевскій сейчасъ же на другой день явился въ домъ епископа. День былъ воскресный: у Уханьскаго собралось много гостей, и Модржевскій попросилъ епископа призвать на собраніе Оржеховскаго, чтобы онъ могъ съ нимъ вести при всѣхъ диспутъ. Какъ разъ въ это время входилъ въ комнату Оржеховскій, но завидя издали Модржевскаго, онъ бросился въ дверь обратно, а когда посланный за нимъ слуга отъ имени епископа просилъ его возвратиться назадъ и мирно закончить дѣло съ Фричемъ, то Оржеховскій далъ отвѣтъ, что уже сдѣлалъ свое и не думаетъ больше разсуждать съ Модржевскимъ. Обиженный такимъ поступкомъ, Модржевскій судебнымъ порядкомъ заявилъ протестъ противъ обвиненія въ ереси и получилъ официальное свидѣтельство о протестѣ. Съ своей стороны Оржеховскій получилъ отъ духовной власти официальное засвидѣтельствованіе факта, что Модржевскій не отвѣтилъ въ назначенный срокъ на его тезисы. Онъ уѣхалъ затѣмъ въ Краковъ, намѣреваясь принести на него въ духовный судъ обвиненіе въ ереси. Оставаясь въ Краковѣ, онъ сталъ хвастаться, что онъ побѣдилъ на диспутѣ Модржевскаго, что послѣдній струсилъ передъ нимъ и, не явившись по вызову, доказалъ, что онъ явный еретикъ. Это за-живо задѣло Модржевскаго и онъ, желая очистить себя въ глазахъ общества, издалъ брошюру п. з.:

Andreae Fricii Modrevii Narratio simplex rei novae, et ejusdem pessimi exempli, simul et querella de injuriis et expostulatio sum Stanislao Orichovio Roxolano. Pinczoviae in officina Dan. Lancicii 1561 in 8-vo pl. 5¹/₂. (204).

(203) Ibidem. pag. 77, 79.

(204) Второе изданіе сей брошюры послѣдовало въ Базелѣ 1562 г. въ сборникѣ трактатовъ Модржевскаго п. з.: „Andreae Fricii Modrevii libri tres, quorum primus—de peccato originali, secundus—de libero hominis arbitrio, tertius de providentia et praedestinatione Dei aeterna. Ejusdem de mediatore libri tres. Si quid dictum scriptumve contra veritatem, indictum inscriptumve esto. Accessit narratio simplex rei novae et ejusdem pessimi exempli simul et querela de

Книга эта появилась въ печати въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1561 года. Ей предпосылается письмо, въ которомъ кто-то С. В. посвящаетъ ее Якову Уханьскому. Тутъ же идетъ рѣчь о какомъ то письмѣ Якова Гурскаго, который осыпалъ въ немъ Оржеховскаго похвалами. Авторъ же предисловія, не соглашаясь съ Гурскимъ, рисуеъ Оржеховскаго, какъ человѣка легкомысленнаго, дерзкаго и злостнаго, и удивляется, какъ это онъ могъ до сихъ поръ избѣгнуть наказанія за свои продѣлки. Въ самой брошюрѣ Модржевскій спокойно и хладнокровно представляетъ все дѣло; рассказываетъ, какъ произошло столкновеніе его съ Оржеховскимъ и защищается противъ обвиненія въ ереси (205). Онъ заявляетъ, что Оржеховскій, будучи намѣченъ папой, какъ еретикъ, не имѣетъ права обвинять его въ ереси; впрочемъ, по опредѣленію сейма каждому предоставлена свобода вѣроисповѣданія, и Оржеховскій не можетъ рѣшать вопроса, еретикъ ли онъ или нѣтъ, впередъ до имѣющаго собраться сейма, на которомъ предполагается рѣшить всѣ религіозные контroversы.

Модржевскій очистилъ себя этою брошюрой въ глазахъ общества, да и безъ того всѣ причастные ссорѣ его съ Оржеховскимъ и ближе знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла единогласно обвиняли Оржеховскаго, признавая невинность и непристрастіе Модржевскаго (206).

Мстительный Оржеховскій не могъ оставить этой брошюры безъ вниманія. Онъ временно притаился и показавъ видъ, будто забылъ обо всемъ дѣлѣ, но онъ лишь поджидалъ удобнаго времени и заготовлялъ для Модржевскаго горькую пилюлю, которая должна была сильно уязвить его. Улучивъ время, когда со всѣхъ сторонъ съѣхалось множество шляхты на сеймъ въ Піотрковъ, Оржеховскій выпустилъ изъ печати 1562 года язвительный пасквиль противъ Модржевскаго, озаглавивъ его:

injuriis et expostulatio cum Stanislao Orichovio Roxolano, cum rerum et verborum memorabilium indice copioso. Basileae apud Oporinum Anno 1562. in 4-to Alph. I pl. 18½. Цит. Бокъ р. 471.

(205) Бокъ. р. 471-472. Брошюры „Narratio“ нѣтъ ни въ одномъ изданіи въ Варшавѣ.

(206) Orichovius, pag. 79.

„Fricius sive de Majestate sedis Apostolicae.“

Тутъ онъ самымъ гнуснымъ образомъ нападаетъ на Модржевскаго: онъ обвиняетъ его въ ереси, осыпаетъ всякаго рода несправедливыми упреками, приписываетъ ему небывалыя заблужденія, придирается даже къ самой личности Фрича, называетъ его неучемъ, бѣднякомъ, епископскимъ солтысомъ, упрекаетъ въ нешляхецкомъ происхожденіи, издѣвается надъ него сельскими занятіями, угощаетъ его эпитетами, какіе приличны лишь оцьянѣлой толпѣ на ярмаркѣ. Мало того, въ названномъ пасквилѣ онъ пытается рушить его семейное счастье, утверждая, что родившійся (1561 г.) у него сынъ—не его сынъ. „Что это за сынъ, восклицаетъ Оржеховскій, это какой то библейскій Исаакъ!“ Онъ подтруниваетъ надъ Фричемъ, какъ это у него дѣвносталѣтняго старика могъ родиться сынъ (на дѣлѣ Модржевскій имѣлъ 58 лѣтъ отъ роду). Словомъ, Оржеховскій не щадитъ ничего, пускаетъ въ ходъ всѣ средства,—*pergat mundus*,—а врагъ долженъ быть разбитъ окончательно.

Но такая обида не могла пройти Оржеховскому даромъ: затронутый въ самыхъ возвышенныхъ чувствахъ сердца Модржевскій тутъ же на сеймѣ отвѣчаетъ Оржеховскому брошюрой п. з.:

Andreae Fricii Modrevii Orichovius sive depulsio calumniarum Stanislai Orichovii Roxolani.—Anno Christi 1562. Mense Decembri. Ex conventu Petricoviensi. (207).

Модржевскій не разряжается подобно Оржеховскому ругательствами; напротивъ того, онъ чрезвычайно спокойно и умѣренно отвѣчаетъ на сдѣланные ему упреки и съ достоинствомъ опровергаетъ ихъ. Задѣтый за-живо, онъ лишь становится краснорѣчивѣе прежняго, но никогда не выходитъ изъ границъ умѣренности. Хотя онъ имѣетъ дѣло со злѣйшимъ своимъ врагомъ, онъ все таки призываетъ его знаменитымъ ораторомъ и не отказываетъ ему въ образованности.—Если быстролетная рѣчь Оржеховскаго, текущая подобно быстрому потоку, разрушающему все на своемъ пути, поража-

ла читателя и увлекала его, то хладнокровный, но краснорѣчивый отвѣтъ Модржевскаго дѣйствовалъ гораздо убѣдительнѣе: Фричь не жертвуетъ истиной для красоты слога и далеко отъ гнусныхъ выходовъ, какими переполненъ памфлетъ Оржеховскаго.

„Ты кладешь позорное клеймо на мое происхожденіе, пишеть Модржевскій, издѣваешься надъ моимъ умѣреннымъ состояніемъ, осмѣиваешь мое образованіе, подтруниваешь надъ моею должностію. Если бы ты дѣйствительно обладалъ философскимъ мірозерпаніемъ, еслибы ты былъ истиннымъ богословомъ, ты никогда не касался бы сихъ внѣшнихъ сторонъ человѣческой жизни. Но такъ какъ тебѣ угодно было затронуть всё это, то позволь и мнѣ отвѣтить тебѣ на это. Я никогда не исполнялъ въ Рѣчипосполитой грандіозныхъ должностей, но всё тѣ обязанности, какія возложили на меня отецъ и сынъ—оба Сигизмунда, я, на сколько могъ, старался исполнять съ величайшею вѣрностію, честностію и усердіемъ... Что касается моихъ матеріальныхъ средствъ, они, дѣйствительно, невелики и ничтожны. Я вмѣстѣ съ семьей живу лишь на тѣ средства, какія мнѣ доставляетъ мое сельское хозяйство. О если бы и ты пріобрѣталъ для себя содержаніе трудомъ собственныхъ рукъ! Ты былъ гораздо счастливѣе: лѣность и бездѣйствіе не имѣли бы на тебя столь развращающаго вліянія. Бездѣятельность жизни дѣлаеть тебя наглымъ и дерзкимъ, ты и самъ не можешь успокоиться и другимъ не даешь покоя, ты преслѣдуешь и позоришь людей, бѣлое считаешь чернымъ, черное—бѣлымъ... Ученость моя, я сознаюсь невелика и, какъ ты говоришь, въ философіи я мало успѣлъ. Въ сіи престарѣлыя лѣта мои я лишь стараюсь изучать дѣла, касающіяся спасенія, и по мѣрѣ возможности плоды моихъ размышленій передаю другимъ. Происхожденія моего я никогда не считалъ знаменитымъ... Но я не изъ простолюдиновъ. Есть у меня родственники и со стороны отца и со стороны матери — коренные шляхтичи, отъ которыхъ я происхожу. Если тебѣ угодно, они докажутъ, кто были мои предки...“ (208).

Переходя затѣмъ къ упреку о позорномъ происхожденіи своего сына, Модржевскій отвѣчаетъ Оржеховскому:

„Припомни, что ты говорилъ, будучи у меня въ Вольборжѣ? „Я радуюсь, что у тебя хотя подъ старость родился сынъ.“ Увидѣвъ затѣмъ малютку, ты прибавилъ, что дитя лицомъ походить на отца... Нынѣ же изъ ненависти ко мнѣ ты пытаешься опозорить мою жену и мое дитя и лишить ихъ чести, которая дороже всего для человѣка. Ты, вѣрно не боишься Бога, тебѣ не стыдно передъ людьми, если ты распространяешь въ толпѣ столь безчестные слухи о моей семьѣ. Ты мѣняешь свои мнѣнія смотря по временному душевному настроенію, съ каждымъ почти дуновеніемъ вѣтра: иное говоришь, будучи расположенъ ко мнѣ, иное будучи разгнѣванъ. Свойственны ли такіе поступки мужу образованному или варвару, самъ ты разсуди!...“ (109).

Сей отвѣтъ добраго старца убѣдилъ всѣхъ, что Оржеховскій крайне безсовѣстнымъ образомъ поступилъ съ Модржевскимъ. Воздержность и скромность отвѣта Модржевскаго до того ярко выдавалась при памфлетѣ Оржеховскаго, что даже недруги Фрича не могли воздержаться, чтобы не воздать ему похвалъ за это (210). Самъ Оржеховскій также, вѣроятно, почувствовалъ, что онъ не совсѣмъ правъ въ этомъ спорѣ, ибо на послѣднюю брошюру Модржевскаго не далъ никакого отвѣта, что рѣдко случалось у него, ибо, будучи охотникомъ до публичныхъ скандаловъ, онъ обыкновенно до тѣхъ поръ боролся со своимъ врагомъ, пока такъ или иначе не одержалъ верха надъ противникомъ.

Въ это то время (1562 г.) Яковъ Уханьскій, искренній другъ и покровитель Модржевскаго покидаетъ Вольборжъ и дѣлается гнѣзненскимъ архіепископомъ, а на мѣсто его назначается въ куявскіе епископы Николай Вольскій, человѣкъ смотрѣвшій недоброжелательно на современное религиозное движеніе. Онъ, положимъ, не былъ фанатикъ и не дѣйство-

---

(209) Ibidem. p. 50.

(210) Нпр. Старовольскій въ соч. De claris oratoribus Sarmatiae.

валъ въ духѣ совѣтовъ Липомано, но все таки по своимъ тенденціямъ не могъ симпатизировать съ Модржевскимъ, и послѣднему, привыкшему находиться въ болѣе дружескихъ отношеніяхъ къ куявскимъ епископамъ, становится тяжело жить въ Вольборжѣ. Оржеховскій посвятилъ Вольскому свой пасквиль противъ Модржевскаго, что заставило послѣдняго посвятить епископу свою брошюру „Orichovius.“

„Хотя Оржеховскій, говоритъ Фричъ въ посвященіи брошюры Вольскому, употребилъ всевозможныя усилія, чтобы вооружить твой духъ противъ меня, однакожь тебѣ — честному и благородному мужу — слѣдуетъ выслушать и моей защиты. Я старался опровергнуть всё то, въ чемъ Оржеховскій винитъ меня, я защищаюсь противъ сдѣланныхъ мнѣ упрековъ. Нынѣ мнѣ остается лишь посвятить тебѣ мой трудъ. Я поздравляю тебя со вступленіемъ въ санъ епископа и сенатора, умоляя Бога, чтобы ты на этомъ постѣ могъ съ пользою служить церкви и отечеству. Anno Christi 1562 die Jovis 24 Decembris“ (211).

Но брошюра Модржевскаго, если и доказала Вольскому, что Оржеховскій — человѣкъ недостойный, то выстѣ съ тѣмъ ясно обнаруживала его образъ мыслей, не подходящій къ возрѣніямъ правовѣрныхъ католиковъ.

Модржевскій опять указываетъ тутъ на злоупотребленія въ церковныхъ обрядахъ, возстаетъ противъ безбрачія духовенства и причащенія подъ однимъ видомъ (pag. 21), порицаетъ безнравственную жизнь высшаго духовенства, указываетъ на секуляризацію папъ, которые стали задаваться мірскими цѣлями, не заботясь о благѣ церкви и религіи (pag. 30—32), и восхваляетъ протестантовъ, которые „papisticis ritibus neglectis multa revocarunt ad Christi instituta“ (pag. 20). Несмотря на то, Модржевскій нисколько не считаетъ этихъ взглядовъ противными ученію католической церкви: онъ вполне увѣренъ, что тридентскій соборъ произведетъ

---

(211) Orichovius, p. 1—2.

коренную реформу въ церкви и удовлетворить всѣмъ требованіямъ новаго времени (212).

Подобный взглядъ на церковныя и религіозныя отношенія реформаціоннаго періода былъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ Польшѣ XVI вѣка: на сеймахъ второй половины сего столѣтія шляхта громко и открыто разсуждаетъ о необходимости реформъ и преобразованій въ церкви: она домогается брака для священниковъ, чаши для мирянъ, богослуженія на родномъ языкѣ, прекращенія высылки въ Римъ аннать и права созванія національнаго собора. Самъ король Сигизмундъ Августъ чрезъ своего посла требуетъ въ 1556 г. у папы установленія сихъ пяти пунктовъ для польской церкви. Все это однакожъ не мѣшаетъ глашатаямъ сихъ идей считаться правотѣрными католиками: будучи убѣждены въ законности и справедливости своихъ требованій, они полагаали, что соборъ удовлетворитъ имъ; никому и въ мысль не приходило, чтобы представители церкви, собравшіеся въ Тридентѣ, подтвердили существовавшіе дотолѣ въ католической церкви порядки. Но когда дѣло стало заволакиваться, и соборъ длился слишкомъ долго, шляхта стала настаивать на короля, чтобы онъ созвалъ національный соборъ, и чтобы на немъ были рѣшены спорные пункты. Король очутился межъ двухъ огней: съ одной стороны, папа Павелъ IV чрезъ своего нунція Липпомано отказалъ удовлетворить требованіямъ короля относительно вышеуказанныхъ пяти пунктовъ и приказалъ Липпоману всѣми силами сопротивляться созванію національнаго собора въ Польшѣ,—а съ другой—сеймы всё настойчивѣе и настойчивѣе требовали приняться поскорѣе за дѣло реформы церкви. Не зная, на что рѣшиться, Сигизмундъ Августъ откладывалъ окончательное рѣшеніе вопроса отъ одного сейма до другаго. Въ виду такого положенія вещей, всѣ болѣе горячіе и пылкіе умы, отчаявшись въ надеждѣ на созваніе національнаго собора, самовластно

---

(212) „Concilium nunc Tridenti haberi non ignoramus. In quo Concilio si quorum dogmatum mutatio erit, an non videbitur reformata Ecclesia Romana? absteineamus ab hoc verbo quantumvis: res tamē mutationi suberit.“ Orichovius pag. 20.

перемѣнили вѣроисповѣданіе и открыто объявили разрывъ съ католицизмомъ. Этому еще болѣе способствовала нестѣсняемая ничѣмъ свобода вѣроисповѣданія: лютеряне, кальвинисты, анабаптисты, антитринитаріи и другіе сектаторы въ скоромъ времени снискиваютъ себѣ въ Польшѣ значительное число приверженцевъ. Дѣло доходить до того, что самъ папа отчаивается въ побѣдѣ католицизма надъ сектаторами въ Польшѣ. Изъ всѣхъ этихъ сектъ наиболѣе радикальны по своимъ воззрѣніямъ были антитринитаріи. Нападая на основные догматы христьянской религіи,—какъ о св. Троицѣ, о божественности Иисуса Христа и св. Духа и пр., относясь скептически ко всѣмъ религіознымъ установленіямъ, эта секта была наиболѣе опасна для общества: она грозила упадкомъ религіознаго чувства въ массѣ народа. Сами протестанты даже требовали отъ короля — изгнанія антитринитаріевъ изъ предѣловъ Польши. А между тѣмъ они успѣли тутъ укорениться, и многія даже извѣстныя личности, какъ Іоаннъ Немоѣвскій, Іеронимъ Филиповскій, Станиславъ Лютомірскій, Мартинъ Кровицкій, Григорій Паули, Георгъ Шоманъ и другіе, открыто заявляли себя послѣдователями сего ученія и публично проповѣдывали его. Сигизмундъ Августъ, не рѣшаясь примѣнить къ нимъ ту мѣру, какую предлагали для искорененія антитринитаризма въ Польшѣ другіе сектаторы, но желая кой-какъ сладить съ ними, обратился къ Модржевскому съ просьбой—разсмотрѣть доктрины антитринитаріевъ и привести ихъ въ согласіе съ ученіемъ католической церкви (213). Модржевскій обѣщалъ исполнить просьбу короля, но вскорѣ убѣдился, что дѣло это весьма трудно и едва выполнимо для него. У него не было ни времени, ни силъ, ни даже необходимыхъ для этого предмета богословскихъ сочиненій.

---

(213) „...Rex, ita tum me dimisisti, ut moneres, uti in concordiam eos, qui de Trinitate divina apud nos dissentire coeperunt, reducere studerem...“ „Quoniam autem te monitore, Rex, hic a nobis labor susceptus est...“ *Silvae* 1590 sine loco. In primum librum *Silvarum*, Ad Sigismundum Augustum praefatio. I-ая и IV-ая страницы его. Отсюда видно, что Сигизмундъ Августъ обратился къ Модржевскому

„Хотя для меня было бы очень желательно, говорить онъ, прочесть всё научные труды по этому предмету, рассмотреть постановленія вселенскихъ соборовъ и сравнить ихъ со священнымъ писаніемъ, но признаюсь, у меня нѣтъ физической возможности исполнить все это. Мнѣ недостаетъ нужныхъ для сего предмета книгъ, впрочемъ у меня нѣтъ столь высокихъ способностей, какими необходимо обладать при выполнении сей задачи. Домашнія хлопоты и занятія по моей должности отвлекаютъ меня отъ научныхъ занятій и не позволяютъ мнѣ заниматься ничемъ съ усидчивостью и усердіемъ“ (214).

Трудность и запутанность ученія о троичности Божества—съ одной стороны, и указанныя причины—съ другой, заставили Модржевскаго отказаться отъ приведенія въ согласіе всѣхъ ученій о св. Троицѣ и окончательнаго рѣшенія вопроса. Онъ и ограничивается лишь тѣмъ, что собираетъ и указываетъ разнородные взгляды современныхъ ему религиозныхъ сектъ [на св. Троицу и противопоставляетъ ихъ ученіе ученію христьянской церкви.

Трудъ свой, оконченный въ декабрѣ мѣсяцѣ 1565 г. и озаглавленный:

De tribus personis et una essentia Dei, Ad Sigismundum Augustum Regem Poloniae—

онъ назвалъ *silva*, т. е. лѣсъ или сборникъ разнородныхъ мнѣній.

Эта первая „силва“ (впослѣдствіи онъ написалъ еще три) отличается крайнею запутанностью и туманностью мыслей, на что повліяла и самая неопредѣленность разбираемаго вопроса; она страдаетъ также отсутствіемъ всякой системы изложенія.

Впрочемъ, Модржевскій сознавалъ эти недостатки: „Многаго изъ того, что имѣетъ прямое отношеніе къ нашему предмету, говоритъ онъ, я не видѣлъ, многихъ сочиненій даже не имѣлъ въ рукахъ. То же, что я читалъ, быть можетъ, недостаточно

съ просьбой, [которую можно бы выразить словами: „Pogódź ich o Trójce,“ а не „Pogódźcie się o Trójce,“ какъ это совершенно бездоказательно утверждаетъ Шуйскій въ „Odrodzenie i Reformacya“ p. 104. (214) *Silvae. Praefatio in I librum ad Sigismundum VI* стр.

и неясно изложено мною; очень много было прочитано мною лишь вскользь. Среди различных хлопотъ и занятій то по частнымъ, то по общественнымъ дѣламъ, *мнѣ необходимо было не разъ прерывать мой трудъ* и покидать научныя занятія. Поэтому, многое въ семь трудѣ нуждается въ исправленіи, многое слѣдовало бы дополнить. Обставленный многочисленными дѣлами и занятіями, живя въ семь моемъ уединеніи (въ Вольборжѣ), вдали отъ ученыхъ мужей, будучи уже слабымъ старикомъ, я не въ силахъ былъ точно исполнить свою задачу. Вотъ почему, *то, что я для читателю, грубо, только начато, не обработано, исполнено почти опростетью, отчего я и далъ моему труду названіе — Silva* (215).

Диссертация о св. Троицѣ дѣлится на три части (tractatus):

Въ I-ой подъ заглавіемъ: „De tribus personis et una essentia Dei“ Модржевскій излагаетъ ученіе христьянской церкви о св. Троицѣ и приводитъ доводы въ его пользу (Cap. I, II, III, IV и VI), а даже ведетъ полемику противъ изданной антитринитаріями брошюры п. з. „Explicatio verborum Pauli: Unus est Deus pater, ex quo omnia sunt“ (1564 г. въ Пинчовѣ). Съ другой стороны, въ той же части онъ приводитъ доводы антитринитаріевъ противъ догмата о св. Троицѣ (Cap. V и VII), исчисляя 34 аргумента, приводимые ими въ пользу своего ученія (Cap. V).

Во II-ой части п. з. „De tribus personis et tribus essentiis Dei“ онъ опровергаетъ мнѣніе антитринитаріевъ, будто бы вѣрующіе въ св. Троицу почитали трехъ боговъ (Cap. III) и приводитъ мнѣнія различныхъ богослововъ „de coaequalitate filii cum patre et de consubstantialitate eorum“ (Cap. IV).

Наконецъ, въ III-ей части п. з. „Conflictio contrariarum sententiarum et paradoxa tum de logo, tum de Spiritu sancto,“ Модржевскій разсматриваетъ вкратцѣ положенія христьянской церкви и положенія антитринитаріевъ, указываетъ на противорѣчія между ними и, разсуждая о св. Духѣ, приво-

---

(215) Ibidem. II-ая страница предисловія п. з. „Omnibus piis hominibus et ad regnum Dei eruditus etc.“

дить доводы христьянъ, что онъ—Богъ, и доводы антитринитаріевъ противъ божественности св. Духа (Сар. III). Разбирая столь щекотливый вопросъ объ основномъ догматѣ вѣры, Модржевскій становится на точку зрѣнія безпристрастнаго изслѣдователя, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, онъ разсматриваетъ вопросъ о св. Троицѣ, какъ онъ говоритъ—„quasi antea incertum mihi ac plane incompertum quisquam de Trinitate divina“ (216). Онъ равнодушно относится къ обоимъ ученіямъ и одинаково приводитъ доводы въ пользу того и другаго ученія.

Но онъ не дѣлаетъ никакихъ самостоятельныхъ выводовъ, онъ нигдѣ въ своей книгѣ не одобряетъ ученія антитринитаріевъ, онъ не указываетъ, чьи положенія основательнѣе и рациональнѣе. Высказаться въ этомъ отношеніи онъ предоставляетъ другимъ: „мы составили лишь сборникъ различныхъ воззрѣній— говоритъ онъ — и если на нихъ можно строить какіе либо выводы, такъ пусть сдѣлаютъ это люди свѣдущіе“ (217). Еще яснѣе высказывается онъ въ III-ьемъ предисловіи къ своему труду: „всѣ, что только можно было высказать въ пользу той или другой стороны, представлено мною на глаза, — ut, qui de tantis rebus dicturi sunt, habeant in conspectu partis utriusque rationes et auctoritates: quibus dispectis, penderent omnia et examinarent“ (218): „Мы изслѣдуемъ сей вопросъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не для того, чтобы высказать свое мнѣніе, но чтобы показать, что высказывается другими (ut non dicentes, sed ea, quae dicuntur, spectemus)“ (219). Но онъ не сторонникъ той или другой секты, напротивъ того, онъ горячо протестуетъ, не позволяя причислять себя къ поборникамъ какой бы то ни было рели-

---

(216) Ibidem. VI-ая страница предисловія подъ загл.: „Ad Sigismundum etc.“

(217) Ibidem. I-ая страница предисловія п. з.: „Omnibus piis hominibus etc.“

(218) Ibidem. Praefatio in Silvam suam, quae est de Trinitate divina.

(219) Ibidem. Praefatio ad Sigismundum etc. стр. его IV-ая.

гиозной секты: „nolo, ut quisquam me sibi addicat, nam neque ipse mihi satisfacio, nec cuiquam addictus sum“ (220). Заканчивая первую „сильву,“ онъ обращается къ читателю со слѣдующими словами: „Клянусь Богомъ, который будетъ судить человѣческія дѣла и помышленія, клянусь моею совѣстью.... что я не присталъ ни къ одной сектѣ... Я лишь по возможности указалъ возрѣнія обѣихъ сторонъ. Пусть судить церковь, какъ слѣдуетъ вѣрить“ (221)

Въ виду такихъ увѣреній со стороны автора, въ виду того, что онъ предоставляетъ церкви произнести окончательное сужденіе въ спорѣ о троичности Божества, мы не имѣемъ права, какъ это сдѣлали многіе (222), причислять Модржевскаго къ антитринитаріямъ и утверждать, что онъ проникся ихъ идеями.

Модржевскій заключаетъ даже, что одинъ человѣкъ не въ силахъ рѣшить сей спорный вопросъ, себя же самаго онъ сознаетъ вполне неспособнымъ для этой цѣли. Это дѣло всей церкви въ лицѣ своихъ представителей, это дѣло собора (223). Придя къ такому заключенію, Модржевскій вмѣстѣ съ I-ою сильвою пишетъ другую подъ заглавіемъ:

De necessitate conventus habendi ad sedandas religionis controversias. Volborii. 1565 mense Decembri.

Тутъ онъ указываетъ на необходимость созванія національнаго собора, который долженъ рѣшить споръ о св. Троицѣ и многіе другіе контроверсы. Это подаетъ ему поводъ опять указывать и на другіе недостатки церковнаго устройства, которые должны быть исправлены соборомъ (Cap. V).

Модржевскій послалъ двѣ эти „сильвы“ въ Базель къ Опорину для напечатанія. Какъ разъ въ это время находился въ Базелѣ нѣкто Христофоръ Треціусъ (Tretius vel

(220) См. ссылку 217.

(221) *Silvae* 1590 *Silva* I. *Tractatus* III *Cap.* IV. pag. 118.

(222) Сандіусъ, Лаутербахъ, Бокъ и пр. За ними повторяютъ и другіе, какъ нпр. недавно Шуйскій, а даже Оссолинскій, который не видѣлъ „сильвы“ Модржевскаго.

(223) *Silva* II. *Cap.* I, pag. 121.

Tretzy) —ректоръ какой-то польской протестантской школы; онъ попросилъ у Опорина позволенія прочесть трудъ Модржевскаго; когда же Опоринъ далъ ему, тотъ тайкомъ увезъ „силвы“ Модржевскаго въ Краковъ. Опоринъ увѣдомилъ объ этомъ Модржевскаго, и онъ потребовалъ возвращенія силвъ, но Треціусъ отказалъ возвратить рукопись. Тогда Модржевскій подалъ на него жалобу краковскому воеводѣ Станиславу Мышковскому, но жалоба осталась безъ послѣдствій. Дѣло надѣлало много шума и, когда рукопись во многихъ спискахъ сдѣлалась извѣстною публикѣ (224), всѣ разомъ заговорили, что Модржевскій присталъ къ антиринитаріямъ.

Причинъ столь несправедливаго общественнаго мнѣнія слѣдуетъ искать въ современномъ положеніи религіознаго вопроса въ Польшѣ. Къ этому времени кончились засѣданія тридентскаго собора (1563 г.). Соборъ, на который всѣ надѣлись, что онъ произведетъ реформу церкви, не оправдалъ этихъ надеждъ: онъ установилъ лишь новый догматъ и одобрилъ установленія католической церкви. Съ тѣхъ поръ каждый долженъ былъ быть или католикомъ, считавшимъ безотносительно правильными и законными порядки католицизма, или протестантомъ, горячо защищавшимъ доктрины реформаціи; средняя партія не допускалась. Поэтому, если до 1564 года (тогда были объявлены въ Польшѣ постановленія тридентскаго собора), за исключеніемъ нѣсколькихъ ревностныхъ католиковъ и нѣкоторыхъ ярыхъ протестантовъ, всё общество—составляло въ дѣлѣ религіи названную нами среднюю партію, которая хотя и стояла по сторонѣ католицизма, тѣмъ не менѣе требовала реформы церкви, то съ 1564 года эта средняя партія исчезаетъ: передъ нами лишь два враждебныхъ другъ другу лагеря—католиковъ и протестантовъ,—и, если мы примемъ къ тому во вниманіе, что къ этому времени на папскій престолъ садится ревностный католикъ, крайне враждебно относившійся къ протестантизму,

---

(224) Silva IV. Praefatio pag. 221.—Lauterbach, Pol. Socinism, pag. 217.

Пій V, что Гозій, возвратившись изъ Рима кардиналомъ, прилагаетъ все усилія, дабы католицизмъ могъ восторжествовать, что для этой цѣли онъ водворяетъ въ Польшѣ Іезуитовъ, что, наконецъ, дѣло католицизма приходится тогда защищать въ Польшѣ не какому нибудь бездарному Липпомано, а талантливому и способному нунцію Коммендонэ, то мы не будемъ удивляться, что католицизмъ съ 1564 г. беретъ верхъ надъ протестантизмомъ.

Какъ же тогда поступаетъ Модржевскій?

Въ то время, когда все, за исключеніемъ весьма немногихъ, примкнули къ той или другой партіи, онъ остается вѣренъ своимъ принципамъ, не покидаетъ своего поста и по прежнему занимаетъ среднее мѣсто между католиками и диссидентами. Онъ по прежнему указываетъ на злоупотребленія въ церкви и недостатки ея устройства (Сильва II. Сар. V), не обращая вниманія на то, что то, что онъ считаетъ недостаткомъ, вселенскій соборъ призналъ правильнымъ; онъ по прежнему гласитъ необходимость созванія національнаго собора, хотя тридентскій соборъ все національные соборы призналъ излишними (Сильва II. Сар. II и III). Вотъ, почему отъ Модржевскаго въ концѣ отвернулись и тѣ католики, которые вмѣстѣ съ нимъ питали недавно одинаковыя идеи. Протестанты же не захотѣли считать его своимъ, коль скоро онъ рѣло оге заявлялъ, что онъ не ихъ сторонникъ. Поэтому, когда Модржевскій написалъ двѣ первыя сильвы, то никто и не думалъ предполагать, чтобы онъ, признавая христьянское ученіе о св. Троицѣ, могъ такъ хладнокровно представлять доводы антитринитаріевъ противъ нея; все и католики, и протестанты — сіи злѣйшіе враги антитринитаріевъ — руководствуясь принципомъ: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ,“ стали смотрѣть на новый трудъ Модржевскаго, какъ на апологію антитринитаризма. Когда же католическая партія, взявъ верхъ, начинаетъ рѣшительнѣе выступать противъ всехъ „dissidentes in religione“ и стѣснять ихъ свободу дѣйствій, тогда и на долю Модржевскаго должна была выпастъ горькая участь: католическое духовенство начинаетъ опять преслѣдовать его.

Пока кувявскимъ епископомъ былъ Николай Вольскій, человекъ болѣе заботившійся о своихъ доходныхъ имѣніяхъ, чѣмъ о дѣлахъ церкви, до тѣхъ поръ положеніе Фрича въ Вольборжѣ было по крайней мѣрѣ сносно, но когда въ кувявскіе епископы назначается въ 1565 году Станиславъ Карнковскій, поклонникъ и приверженецъ Гозія, положеніе Модржевскаго въ Вольборжѣ сдѣлалось невыносимымъ.

Нунцій Коммендонэ, прибывъ въ Польшу не замедлилъ донести папѣ о Модржевскомъ: въ письмѣ своемъ къ Пію V онъ изображаетъ Модржевскаго, какъ главу диссидентовъ, который даже изъ за границы призываетъ въ Польшу сектаторовъ (225). Въ отвѣтъ на донесеніе нунція папа потребовалъ у Карнковскаго удаленія Модржевскаго изъ Вольборжа и лишенія его должности войта.

„Не безъ тяжелой душевной скорби, пишетъ папа къ кувявскому епископу, мы узнали недавно, что въ твоёмъ городкѣ Вольборжѣ должность судьи исправляетъ какой-то еретикъ Андрей Фричъ. Сообразивъ, что его поведение можетъ быть для другихъ самымъ плохимъ и опаснымъ примѣромъ, что онъ можетъ принести вредъ спасенію душъ твоихъ прихожанъ и испортить всю твою овчарню: мы сочли необходимымъ сейчасъ же написать къ тебѣ на счетъ этого слѣдующее: мы умоляемъ и заклинаемъ тебя во имя Господа, во имя того повиновенія, которое ты намъ обязанъ оказывать,—дабы ты изгналъ прочь изъ своего городка сего еретика и лишилъ его исправляемой имъ должности войта. Ибо мы считаемъ недостойнымъ, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ живутъ католики, исправлялъ должность кто нибудь изъ еретиковъ“ (226).

Получивъ сей приказъ, Карнковскій долженъ былъ привести его немедленно въ исполненіе, но у Модржевскаго было еще довольно много друзей между шляхтою, которые конечно не могли бы допустить, чтобы епископъ своеволько изгонялъ шляхтича изъ его родимаго помѣстья. Поэтому, Карн-

---

(225) См. ссылки 191 и 193.

(226) Dlugossi. Historiarum libri tres. T. II. Epistolae clarorum et illustrium virorum Lib. I. Epist. V, pag. 1638—1639

ковскій обратился за совѣтомъ къ Гозію. „Какой же я дамъ вамъ совѣтъ, почтенный отецъ, относительно Фрича? отвѣчаетъ Гозій Карнковскому отъ 8 января 1568 г.,—если онъ разъ отвергъ божественность Христа (!?) и не желалъ сознаться въ своемъ заблужденіи, такъ вы должны повиноваться велѣнію папы“ (227).

Но Карнковскій поступилъ иначе: оставить Модржевскаго въ Вольборжѣ—значило бы противиться папѣ; изгнать же его самовластно — всё равно было бы, что добровольно вызвать публичный скандалъ и ропотъ со стороны шляхты, и безъ того твердо стоявшей въ оппозиціи противъ духовенства, онъ и выбралъ среднее: предложилъ Модржевскому заключить съ нимъ договоръ, по которому, получивъ извѣстное денежное вознагражденіе, онъ, Модржевскій, долженъ былъ удалиться изъ Вольборжа и отрѣчься отъ своей должности и имѣнія. Донося объ этомъ папѣ, Карнковскій пишетъ: „Что касается Фрича, я рѣшился на слѣдующее: такъ какъ онъ среди еретиковъ—людей могущественныхъ, имѣетъ многихъ покровителей, вслѣдствіе чего не можно было лишить его войтовства безъ публичнаго скандала, ибо его пожизненное право на владѣніе землями, составлявшими войтовство вольборское, признано и подтверждено духовнымъ совѣтомъ епархіи,—то я предпочелъ скорѣе понести извѣстный убытокъ въ деньгахъ и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому онъ за извѣстную денежную плату отказался отъ владѣнія землями, находящимися въ моей епархіи“ (228). Такимъ образомъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ духовной власти, Модржевскій покидаетъ свое родимое пепелище. Съ тѣхъ поръ онъ начинаетъ вести скитальческую жизнь, переезжаетъ съ одного мѣста на другое, ища для себя и своей семьи пріюта (229). Такъ, въ 1568 году мы находимъ его въ какой-то мѣстности, которую онъ называетъ Тржебницей. Тутъ онъ пишетъ III-ью силву подъ заглавіемъ:

(227) Epistolae clar. et illustr. virorum. Epist. XIV p. 1651.

(228) Ibidem. Lib. III Epistola I, pag. 1753.

(229) „Cum enim partim labores domestici, partim cura liberorum, partim negotia civilia, ~~maxime autem frequens cursitatio domicilii~~

De Jesu Christo, Filio Dei et hominis, eodemque deo et domino nostro.

Модржевскій посвящаетъ сей богословскій трактатъ Пію V-му. „Зная лучше всѣхъ ученіе Христа и будучи окруженъ ученѣйшими богословами, пишетъ онъ папѣ, ты лучше и скорѣе, чѣмъ кто нибудь другой, сумѣешь разрѣшить сей спорный пунктъ... Правда, у тебя есть здѣсь у насъ свои легаты — способнѣйшіе мужи, — которые не могутъ не знать обо всѣхъ этихъ религіозныхъ распряхъ, но такъ какъ они или вслѣдствіе различныхъ препятствій, или же вслѣдствіе твоего запрещенія вести диспуты по этому вопросу, не предприняли никакихъ мѣръ для приведенія въ согласіе спорящихъ сторонъ, то мнѣ казалось совершенно кетати — извѣстить тебя объ этихъ контроверсахъ, я и посвящаю тебѣ свой трудъ, который доставитъ тебѣ возможность получше обезудить сіе спорное дѣло“ (230).

Намѣреваясь изложить въ своемъ трудѣ возрѣнія пипчовскихъ антитринитаріевъ, Модржевскій слѣдующимъ образомъ предупреждаетъ читателя:

„Разсматривая сей вопросъ, я не стану руководствоваться какимъ бы то ни было предвзятымъ мнѣніемъ. Я лишь постараюсь просто безъ всякихъ примѣсей изложить взгляды Пипчовянъ и укажу вкратцѣ, что можно возразить противъ нихъ, но вовсе не стану выводить заключеній; все такъ я постараюсь такъ писать, чтобы кто нибудь, читая это, не предпочелъ скорѣе согласиться съ чужими мнѣніями, чѣмъ одобрить мои сужденія, которыя вполне согласны съ ученіемъ католической церкви“ (231).

Подобно тому, какъ въ I силвѣ, Модржевскій и въ III излагаетъ ученіе антитринитаріевъ, изъясняетъ его, исчерпываетъ всѣ доводы, приводимые обыкновенно ими въ защиту своихъ теорій (Тракт. I. Cap. I, II, III и VIII), но онъ не замедляетъ также указать возраженія, дѣлаемыя другою

---

quaerendi causa me sibi vendicarunt, fit, ut his scribendis et tractandis tempora succisiva a me tribuantur.“ Silvae 1590. an. III. pag. 157.

(230) Ibidem. p. 152—153.

(231) Ibidem. p. 151. <http://rcin.org.pl>

стороною, и рассмотреть доводы, опровергающіе сектаторское ученіе (Tract. I, Cap. V, VI, VII. Tract. II, Cap. I).

Единственный упрек, какой могли бы сдѣлать Модржевскому ревнивые христьяне, это тотъ, что онъ принципы антиринитаріевъ разсматриваетъ наравнѣ съ принципами христьянскаго ученія о св. Тройцѣ, не давая послѣднимъ никакого преимущества передъ первыми. Но причина этого, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что онъ постановилъ вполне безпристрастно и безразлично отнестись къ обоимъ ученіямъ.. Всѣ же однако, заявляя солидарность своихъ воззрѣній съ католическимъ вѣроученіемъ, онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть причисленъ къ сторонникамъ антиринитаризма, идеями котораго онъ вовсе не проникался. Положимъ, для него, какъ для всякаго раціоналиста, догматы о св. Тройцѣ могъ казаться непонятнымъ, но онъ не пытался опровергать его лично отъ себя, какъ не старался лично отъ себя разубѣждать антиринитаріевъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не высказалъ ничего положительнаго въ этомъ отношеніи.

Тѣмъ непонятнѣе слѣдовательно было для него преслѣдованіе, постигшее его по повелѣнію папы сейчасъ по выходѣ въ свѣтъ (въ рукописяхъ) первыхъ двухъ сильвъ. „Ты вѣроятно составилъ себѣ ложное мнѣніе о моемъ трудѣ, пишетъ Модржевскій папѣ, и вотъ, почему ты велѣлъ меня изгнать изъ моего имѣнія, отнять у меня имущество, лишить крова, должности и общества людей. Такова-ли награда должна выпасть на долю заслуженныхъ? (sic). Скажи, святѣйшій отецъ, гуманенъ ли твой поступокъ?“ (232). Письмо это вмѣстѣ съ III сильвой пишетъ Модржевскій въ іюнѣ мѣсяцѣ 1568 г. гдѣ то въ Тржебницѣ (236).

Какъ разъ чрезъ годъ мы находимъ его въ Остроленкѣ (*Acutum pratium*) у Подканскаго. Тутъ онъ пишетъ IV-ую и послѣднюю сильву подъ заглавіемъ:

De Homousio et de iis, quae huc pertineant (234).

Въ письмѣ, которое предпосылается этой сильвѣ (1539 а.

(232) *Ibidem*. p. 153.

(233) *Ibidem*. 216.

(234) *Ibidem*. p. 217-220. //rcin.org.pl

menſe Junio ex acuto prato Poticaniorum), Модржевскій посвящаетъ сей трудъ своему другу гнѣзненскому архіепископу Якову Уханьскому.

IV-ая силва не представляетъ собой ничего замѣчательнаго, она составляетъ дополнительную часть 3-хъ первыхъ силвъ. У нея даже недостаетъ конца, и издатель помѣстилъ въ концѣ ея замѣтку (въ изд. 1590 г.), что авторъ по слабости здоровья и по многочисленнымъ постороннимъ занятіямъ не успѣлъ кончить свой трактатъ (235).

Лишась по проискамъ Тречія рукописи первыхъ 2-хъ силвъ, Модржевскій собралъ разбросанныя карточки черновой своего труда и, возстановивъ по нимъ первыя двѣ силвы, прибавилъ къ нимъ третью и выслалъ вторично къ Опорину въ Базель, прося его напечатать ихъ поскорѣе. Но Опоринъ опять встрѣтилъ какія то препятствія, которыя ему помѣшали напечатать силвы. Причиной помѣхи и на этотъ разъ, кажется, былъ тотъ же Тречіусъ, о чемъ у современниковъ сложилось слѣдующее двустишіе:

Rex Augustus jussit, Fricz scripsit, Trecius astu
Sub praelo scripta haec bis niger impediit (236).

Только послѣ смерти Модржевскаго кто-то отыскалъ рукопись силвъ и издалъ ихъ въ 1590 г. (237). Въ этомъ то

(235) Ibidem p. 265 внизу.

(236) Sandius. pag. 37.

(237) Онѣ изданы п. з.: „Andreae Fricii Modrevii Secretarii Regii Silvae quatuor. I. De tribus personis et una essentia Dei, Ad Sigismundum Augustum Regem Poloniae etc. II. De necessitate conventus habendi ad sedandas religionis controversias. Ad eundem Regem. III. De Jesu Christo filio Dei et hominis, eodemque deo et domino nostro. Ad Pium Papam V.—IV. De Homousio, et de iis, quae huc pertineant, Ad Jac. Uchanium Archiepiscopum Gnesnensem. Ex ipsius auctoris autographo expressae. Adiecta est Quaestio theologica non dissimilis argumenti, ab eodem auctore examinata. Omnia primum in lucem edita. Anno 1590 mense Julio,“ in 8-vo majore pag. 273 sine loco и fol. въ началѣ 8 и въ концѣ fol. 1. За заглавнымъ листомъ слѣдуетъ предисловіе издателя (стр. 1—3), затѣмъ предисловіе Модржевскаго къ читателямъ (стр. 4—6), предисловіе его же къ Сигизмунду Августу (стр. 7—15) и наконецъ, послѣ краткаго введенія (стр. 15—16), на первой номерованной страницѣ начинается I-ая силва, которая обнимаетъ собою 120 стр. На дѣлѣ I-ая силва

изданіи за послѣднею сильвой находитея еще маленькое разсужденіе, написанное Модржевскимъ, подъ заглавіемъ:

Quaestio theologica, quomodo unio divinae et humanae naturae Christi facta sit in persona, non in natura?

Издатель нашель его при рукописи сильвъ и напечаталъ вмѣстѣ съ ними (238).

Это былъ послѣдній трудъ Модржевскаго. Для насъ не столь важно сіе незначительное разсужденіе, сколько слова, поставленныя въ концѣ его, которыя являются какъ бы лебединою пѣсней нашего писателя. Вотъ они:

„Когда я взвѣшивалъ и оцѣнивалъ все эти формулы и положенія, установленныя учеными докторами богословія,—пишетъ Модржевскій,—мнѣ показалось чрезмѣрно страннымъ, отчего это мы слѣдуемъ различнымъ изысканнымъ формуламъ, а не предпочтемъ скорѣ исповѣдывать тѣ положенія вѣры, какія согласно съ ученіемъ Христа передали намъ основатели нашей религіи—апостолы. Есть же у насъ въ рукахъ символъ вѣры, называемый апостольскимъ, въ которомъ все положенія высказаны такъ просто, что всякій человѣкъ, будучи одаренъ здравымъ смысломъ, легко можетъ понять ихъ. Поэтому, если въ этомъ символѣ все исповѣданіе вѣры отличается простотою, вѣрностью и доказанною непреложностью, такъ зачѣмъ же мы выдумываемъ столь темныя и запутанныя положенія, которыя на дѣлѣ лишены всякаго основанія: это только излишнія умствованія или уже устарѣ-

---

содержитъ 130 стр., такъ какъ номеранія страницъ ошибочна: за 89 стр. слѣдуетъ не 90, а опять 80, 81 и т. д.

Сильва II-ая продолжается отъ 120—150 стр. На 150-ой стр. начинается III-ья сильва, которой предпосылается предисловіе къ Пію V (150—157) и краткое введеніе (157—158 стр.) и оканчивается на 216 стр. — и наконецъ IV сильва отъ 217 по 267 стр. Къ сильвамъ приложено еще маленькое разсужденіе: „Quaestio theologica etc.“ (266—273 стр.), въ концѣ же находитея одна неномерованная карточка, на которой находимъ „Erratorum quorundam typographicorum et ipsius autographi correctiones et animadversiones.“ Сочиненіе это, какъ увѣряетъ Бокъ (I. 481), есть — „liber rarissimus paucis visus,“ что и побудило насъ изложить о немъ болѣе подробныя библиографическія свѣдѣнія, когда оно у насъ подъ руками. Въ Варшавѣ оно имѣется лишь въ публичной библіотекѣ.

(238) Silvae. 1590, pag. 266. Admonitio ad lectorem.

ल्या расуужденія!... Намъ слѣдуетъ возвратиться къ простотѣ апостольскаго вѣроученія и смиренно положиться на него... и если мы этого не сдѣлаемъ, мы никогда не должны надѣяться установить въ церкви твердый миръ и согласіе“ (239).

Такимъ образомъ, безразлично относясь ко всеѣмъ вѣроученіямъ, ища для нихъ рациональнаго основанія, Модржевскій нашелъ его въ той простотѣ христьянскаго ученія, коею оно отличалось во времена апостоловъ. Онъ видѣлъ, что ученіе Христа легло въ основаніе всеѣхъ вѣроисповѣданій и сектъ въ той формѣ, въ какой оно находилось въ первыя времена христьянства; онъ сознавалъ, что, если современныя вѣроисповѣданія и различались между собой во многомъ, то эти различія возникли съ теченіемъ времени отъ культурнаго развитія церкви и ея принциповъ, отъ накопившейся съ вѣками традиціи, отъ того, что церковь, хотя по принципу консервативна, всё же поддалась вліянію времени, которое оставило на ней свои слѣды въ видѣ различныхъ отступленій отъ первоначальной простоты. Какое же средство можетъ обновить церковь, искоренить злоупотребленія и уничтожить разладъ, существовавшій въ христьянскомъ мірѣ? Отказаться отъ традиціи и возвратиться къ первоначальному состоянію христьянства — вотъ средство, предлагаемое Модржевскимъ для примиренія всеѣхъ сектъ. Дѣйствительно, средство единственно пригодное для этой цѣли, а между тѣмъ самое непрактичное и непримѣнимое къ жизни. Это указываетъ намъ, до какой степени нашъ ученый политикъ въ сферѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій отрѣшился отъ всякой реальной подкладки. Въ этомъ отношеніи онъ вполне сходенъ съ замѣчательнымъ литературнымъ дѣятелемъ XVIII столѣтія Жанъ Жако Руссо'мъ: и тотъ, и другой блуждаютъ въ сферѣ абстракціи; оба они идеалиста: Модржевскій, думая переустроить церковь, предлагаетъ отрѣшиться отъ традиціи и возвратиться къ апостольской простотѣ церковнаго ученія, — Руссо, задаваясь цѣлью переустроить челоѣчество, совѣтуетъ отрѣшиться отъ всеѣхъ приобрѣтеній цивилизаціи и воз-

вратиться къ первоначальной простотѣ жизни первобытныхъ людей. Но оба они забываютъ, что исторія не возвращается назадъ, не дѣлаетъ ретроградныхъ отступленій, но движется съ массами впередъ. Возможно ли нпр., чтобы католическая церковь, обладая вѣковой традиціей, отказалась вдругъ отъ нея? Никакой народъ не откажется вдругъ отъ своихъ религиозныхъ убѣжденій и тѣсно связанныхъ съ ними нравственныхъ и соціальныхъ идей, въ коихъ онъ взлелѣянъ вѣками. Для этого необходимъ былъ бы по крайней мѣрѣ соціальный переворотъ, а врядъ ли мы можемъ предполагать, чтобы Модржевскій сочувствовалъ этой мѣрѣ,

Вообще, мы должны признать, что Модржевскій, принявъ на себя роль посредника всѣхъ вѣроисповѣданій и сектъ того времени, задумалъ исполнить весьма трудное, почти невозможное дѣло—примирить всѣхъ между собою и свести всѣ религиозныя партіи къ одному знаменателю. Всякій религиозный посредникъ можетъ легко снискать себѣ название чловѣка безбожнаго, если онъ захочетъ безпристрастно обсуждать тенденціи обѣихъ партій; — еслибы же онъ захотѣлъ примирять ихъ, хоть нѣсколько склоняясь на сторону одной партіи, онъ былъ бы заподозрѣнъ другою въ нерасположеніи къ ней, сдѣлался бы для нея ненавистенъ и, лишенный ея довѣрія, онъ не достигъ бы своей цѣли: высказанныя имъ по дѣлу примиренія сужденія считались бы сторонниками другой партіи пристрастными и не были бы приняты ею въ уваженіе. Вотъ, почему и труды Модржевскаго въ этомъ отношеніи не могли увѣнчаться желаннымъ успѣхомъ.

Стоя вдали отъ всѣхъ вѣроисповѣданій и сектъ, повторяя въ каждомъ трудѣ своемъ: „*nolo, ut quisquam me sibi addicat,*“ онъ считался у католикомъ крайнимъ еретикомъ и безбожникомъ и не приобрѣлъ расположенія у протестантовъ. Изгнанный изъ родимаго помѣстья, забытый и оставленный всѣми, онъ умираетъ въ 1572 г. (240). Смерть его прохо-

---

(240) Годъ смерти Модржевскаго составлялъ по сіе время спорный вопросъ его біографіи. Мы въ состояніи дать вѣрный и положительный отвѣтъ на него, что Модржевскій умеръ 1572 г. Это доказывается слѣдующимъ: <http://rcin.org.pl>

дить незамѣтно среди современниковъ, и никто изъ нихъ не упоминаетъ о ней.

Знаменитому автору политическаго трактата de Republica emendanda не суждено было увидѣть своего chef d'oeuvre переведеннымъ на родной языкъ. Лишь пять лѣтъ спустя послѣ его смерти въ 1577 году, извѣстный польскій писатель Киприанъ Базиликъ, личный другъ Модржевскаго, проживавшій долгое время вмѣстѣ съ нимъ въ Вольборжѣ, перевелъ на польскій языкъ четыре части капитальнаго труда Модржевскаго: объ обычаяхъ, о законахъ, о военномъ дѣлѣ и о школахъ (241).

а) Въ похвальномъ стихотвореніи, написанномъ поэтомъ Стрийковскимъ въ честь Дорогостайскаго, издавшаго на свой счетъ составленный Базиликомъ переводъ сочиненія de Republica emend. говорится объ издателѣ:

„A dla ozdoby Rzeczypospolitey,
„By i z ksiąg w sławie kwitnęła obfitej,
„Monwid niniejszy kilka set nałożył,
Aby Frycz ożył,
„I wzbudził go nam z grobu....

Стихи эти помѣщены въ изданіи перевода Базилика въ 1577 г., слѣдовательно Модржевскій долженъ былъ умереть раньше 1577 г. Такимъ образомъ, мнѣніе нѣкоторыхъ авторовъ, будто бы Модржевскій скончался 1589 г., становится невѣрнымъ.

б) Когда первыя три сільвы сдѣлались извѣстны читающей публикѣ въ рукописяхъ, нѣмецкій ученый нѣкто—Иеронимъ Захпюсъ въ опроверженіе сільвъ Модржевскаго написалъ трудъ п. з.: „De tribus Elohim, aeterno Patre, Filio et Sp. S.“ и издалъ его во Франкфуртѣ 1572 года (Bock. I. 488). Издатель же сільвъ въ предисловіи къ читателямъ п. з.: „Lectori pio et divinae veritatis studioso“ (III-ья его стр.) говоритъ, что Модржевскій навѣрно отвѣтилъ бы на это, еслибы не умеръ. Значитъ, онъ скончался или раньше 1572 года или въ 1572 году, но раньше изданія труда „de tribus Elohim,“—и

с) Замѣтка современника о Модржевскомъ, въ достовѣрности которой мы не имѣемъ права сомнѣваться (см. ссылку 245) гласитъ, что Модржевскій умеръ 1572 года—осенью. Изъ сказаннаго видно, что послѣднее время есть въ дѣйствительности временемъ кончины Модржевскаго.

(241) Переводъ Базилика носитъ заглавіе: „Andrzeia Fricza Modrzewskiego O poprawie Rzeczypospolitej księgi czwore. Pierwsze o Obyczajoch, Wtore o Statucie, Trzecie o Woynie, Czwarte o Szkole. Do świętej pamięci Monarchy Zygmunta Augusta Króla Polskiego etc. do Senatu, do stanu Rycerskiego, y w obec do wszech ludzi Sarmatskich, ięzykiem Łacińskim napisane. a teraz Nakładem Wielmożnego Pana, ięgo Miłości pana Mikolaia Olechnowicza Moniwida Doroho-

Въ предисловіи къ этому переводу другой польскій писатель Шимонъ Будны говоритъ слѣдующее:

stayskiego, Woiewody Połockiego, Starosty Wołkowyskiego y Lepelskiego etc. etc. Przez Cypriana Bazilika z Łacińskiego na Polskie przetłumaczone, y na wielu mieyscach trudnych przypiskami y notizacyami po kraioch objaśnione. Drukowano w Łosku w Drukarni Wielmożnego Pana, iego miłości pana Jana Kiszki Krayczego w Wielkiem Księstwie Litewskiem. Nakładem tegoż Pana Woiewody Połockiego etc. Przez Jana Karcana z Wieliczki, Miesiąca Października Roku od narodzenia Syna Bożego 1577.“ На обратной страницѣ заглавнаго листа изображенъ гербъ издателя. Затѣмъ на двухъ страницахъ находимъ латинскіе стихи Шимона Будны въ честь Дорогостайскаго. На слѣдующей (III-ей) стран. польскій поэтъ Стрыйковскій помѣстилъ прекрасное стихотвореніе, гдѣ онъ прославляетъ издателя и Модржевскаго за его трудъ „De Rep. emend.“ Далѣе на слѣдующихъ четырехъ страницахъ (IV—VII) находимъ письмо Андрея Воляна на латинскомъ языкѣ п. з. „Illustri ac Magnifico Viro, Domino Nicolao Monvido Dorohostayski, Palatino Plocensi etc.“, гдѣ онъ *разсматриваетъ въ общихъ чертахъ недостатки государственнаго строя Польши, указываетъ въ особенности на отсутствіе справедливости въ странѣ, возстаетъ противъ законовъ „de homicidiis“ и высоко ставитъ Модржевскаго, что онъ требовалъ исправленія всѣхъ этихъ недостатковъ отечества.* Въ концѣ письма находимъ: „In praedio meo Biutiscano, Calendis Augusti Anno 1577.“ За этимъ письмомъ на четырехъ слѣдующихъ страницахъ находимъ предисловіе къ читателямъ Шимона Будны п. з. „Łaskawemu Czytelnikowi zdrowia y wszego dobra Si. Budny uprzejmie winszuie.“ Отрывокъ изъ него мы привели въ текетъ сей диссертациі (стр. 154). Онъ приводитъ тутъ же латинскіе отрывки (вмѣстѣ съ переводомъ на польскій языкъ) изъ писемъ: Юстиніана къ Модржевскому и Опорина къ Шиллингу. Внизу выставлено число: „Pisan w Łosku 6 Sierpnia roku 1577.“ Затѣмъ начинается самый переводъ трактата „de Republica emendanda.“ Изданіе это in folio. 144 листа и 6 въ началѣ безъ номерациі. Переведены все книги, кромѣ IV—, „de ecclesia“ (1—137 лист.). На 137 листѣ начинается „Przydatek do ksiąg o poprawie Rzeczypospolitej“, который продолжается до конца книги (144-листа). Печать — готская, за исключеніемъ латинскихъ стиховъ и писемъ въ началѣ; по краямъ ссылки и указанія мѣстъ изъ различныхъ авторовъ.

Сличивъ сей переводъ съ изданіями подлинника 1551, 1554 и 1559 г., мы видимъ; что онъ (переводъ) составленъ по послѣднему изданію 1559 г. и отличается и по сходству съ подлинникомъ и по языку особенною правильностью. Въ немъ недостаетъ лишь 2-хъ предисловій къ королю и къ сенату, которыя предпосланы подлиннику — и четвертой книги „de ecclesia.“ Второе изданіе сего перевода послѣдовало въ Вильнѣ 1770 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ, съ тою лишь перемѣною въ послѣднемъ, что за словами: „a teraz nakładem“ слѣдуютъ слова: „J. W. J. P. Dominika Alexandrowicza Marszałka Trybunału Głównego W. X. L., Pisarza Ziem. P-tu Lidz., Porucznika

„Почти всѣмъ чужестранцамъ извѣстны сочиненія нашего Фрича, они высоко цѣнятъ его литературные труды, изъ далекихъ странъ пишутъ къ намъ о нихъ похвалы, переводятъ на свои языки и усердно освѣдомляются о нихъ. Мы же едва ли знаемъ имя столь славнаго мужа, который среди насъ провелъ всю свою жизнь, труды же его ставимъ ни во что. Но это такъ уже обыкновенно бываетъ въ семъ неблагоприятномъ свѣтѣ: ни одинъ пророкъ, какъ сказалъ Спаситель, не приобретаетъ расположения и любви въ своемъ отечествѣ.“ (242).

Petyhors., Regimentarza Dywizyi Litewskiej, przedrukowane w Wilnie w Drukarni J. K. Mci u Rzeczypospolitey XX. Scholarum Piarum Roku 1770“ in 16-мо маюге р. 576 и неномерованныхъ въ началѣ 20. Въ семъ изданіи пропущены предисловія Будны, Стрыйковского и Воляна. Въмѣсто нихъ находимъ предисловіе къ издателю Доминику Александровичу, въ которомъ находится весьма лестный отзывъ о сочиненіи Фрича (1—4). На слѣдующихъ 14-ти страницахъ помѣщенъ „Rejestr Ksiąg, Rozdziałów u materji w nich zawierającey się,“ въ концѣ же надпись духовной цензуры, одобрившей изданіе. Орфографія въ семъ изданіи измѣнена согласно происшедшимъ къ этому времени измѣненіямъ въ языкѣ.

Третье изданіе перевода Базилика появилось въ 1857 году въ „Польской Библіотекѣ“ Туровскаго п. з. „O Poprawie Rzeczypospolitej Andrzeja Frycza Modrzewskiego. Wydanie Kazimierza Turrowskiego. Przemyśl. Nakład Michała Dzikowskiego dzierżawcy drukarni gr. k. kapituły,“ in 16-мо маюге; pag. 358. Туровскій просто перепечаталъ изданіе 1770 года, но къ сожалѣнію исключилъ изъ него „rejestr ksiąg, rozdziałów i materji.“ Отъ себя онъ присоединилъ къ своему изданію нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности Модржевскаго, найденныя имъ въ сочиненіяхъ Вишневскаго, Бентковского и другихъ.

Наконецъ, четвертое изданіе перевода послѣдовало въ 1882 г. въ „Bibliotece Mrówki“ т. 156—160“ п. з. „Frycz Modrzewski. O Poprawie Rzeczypospolitej. Lwów. Księgarnia Polska Bartoszewicza i Biernackiego“ in 16-мо minore, pag. 556. Это изданіе перепечатано съ изданія Туровскаго, съ тою разницею, что въ немъ пропущены всѣ цитаты и ссылки, помѣщенныя въ подлинникѣ сочиненія: De Republica emendanda и сохранныя Базиликомъ въ его переводѣ. Вообще, изданіе „Biblioteki Mrówki“ ниже всѣхъ по своимъ достоинствамъ. Оцѣнку его я напечаталъ въ еженедѣльникѣ „Prawda“ за 1883 г. N. 10 въ отдѣлѣ п. з. „Piśmiennictwo polskie.“

(242) Переводъ Базилика изд. 1577 г. Предисловіе Шимона Будны. V листъ сначала.

Вспомнимъ, что слова эти относятся ко времени, когда память о Модржевскомъ могла быть еще свѣжа въ обществѣ.

* * *

Мы въ состояніи сообщить еще нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о Модржевскомъ.

Если краткая замѣтка о Фричѣ, сдѣланная его современникомъ на экземплярѣ сочиненія *De Republica emendanda* изд. 1559 г., хранящемся въ Дзиковской бібліотекѣ въ Галиціи, безотносительно вѣрна, то придется вѣрить, что Модржевскій подъ конецъ своей жизни проживалъ въ Вольборжѣ и умеръ здѣсь же осенью 1572 года, похороненъ же въ находящемся вблизи Вольборжа маленькомъ помѣстьи Мальчъ (243), которое онъ незадолго передъ смертью купилъ себѣ въ собственность. Чувствуя приближающійся конецъ жизни, онъ захотѣлъ принять Св. Таинства и исповѣдываться, но священники, опасаясь заразы, отказали ему въ исповѣди. По извѣстью Сикста Сенненскаго, сообщаемому Брауну, Модржевскій скончался, какъ католикъ. (244)

Вышесказанная замѣтка очевидца (245) сообщаетъ также нѣкоторыя подробности о его наружности: Модржевскій былъ довольно высокаго роста, носилъ не очень длинную, кудрявую, сѣдую бороду, съ виду казался простъ и былъ молчаливъ.

---

(243) Извѣстіе объ этой деревушкѣ находимъ въ трудѣ, изданномъ недавно Академіей наукъ въ Краковѣ, ч. 3 „*Liber beneficiorum Joannis a Lasco.*“

(244) Braun, pag. 31.

(245) Замѣтка эта, найденная проф. Тарновскимъ, гласитъ слѣдующее: „*Obiit Fricius Volboriae anno 1572, vir fuit justae staturae, sana barba, crispanti, non admodum prolixa. Videbatur esse simplex et infacundus, sed scripta ostendunt, qualis fuerit. In Malczo pago, quod emerat, humatus est, prope Volboriam. In extremo actu vitae confiteri voluit, sed sacerdotes metu pestis aberant; sicque quasi desertus finem habuit vitae suae in autumnno. Hujus postea filius unicus dum ex ephebis excessisset, globo sclopeti transverberatus, anno 1587 interiit. Haereditas ad filias devoluta, quae etiam liberalius pudicitiam exponentes ab amatoribus raptae sunt, studio et cupiditate haeredita-*

Въ Коронномъ Архивѣ Царства Польскаго мы нашли извѣстiе, что въ 1557 году Модржевскiй противъ арендной владѣтельницы королевскаго имѣнiя Венгржиновице въ Равскомъ воеводствѣ Розы Венгровской предъявилъ въ гродзкiй судъ г. Варшавы искъ въ томъ, что она неправильно завладѣла лугами, которые перешли къ нему въ наслѣдство отъ отца. Гродзкiй судъ, разсмотрѣвъ искъ Модржевскаго, нашелъ жалобу правильною и возстановилъ ему нарушенное владѣнiе. (246). Двѣнадцать лѣтъ спустя, „instigator fisci regii“ призвалъ Модржевскаго по этому же дѣлу къ королевскому суду. Инстигаторъ утверждалъ, что лежавшiе возлѣ дер. Венгржиновице луга составляютъ принадлежность королевскаго имѣнiя (*tenutae Rzecziczensis*), и Модржевскiй неправильно владѣеть ими, вслѣдствiе чего эти луга должны быть у него отобраны. Сигизмундъ Августъ, разсмотрѣвъ документы обѣихъ сторонъ, нашелъ искъ инстигатора недоказаннымъ и рѣшенiемъ отъ 22 iюля 1569 года на сеймѣ въ Люблинѣ призналъ Модржевскаго собственникомъ спорныхъ земель. (247).

tis potiundae. Mater quoque in viduitate solutius vixit, demum Magnus vivo nupta.“ Пр. Тарновскiй извѣщаетъ, что въ томъ же мѣстѣ и тѣмъ же почеркомъ сдѣланы вполне согласныя съ исторiей замѣтки и о другихъ болѣе извѣстныхъ личностяхъ того времени. Почеркъ письма принадлежитъ XVI вѣку. Отсюда пр. Тарновскiй заключаетъ, что сiю замѣтку о Модржевскомъ можно считать вполне достоверною. *Przegląd Polski*. Kraków. 1867. Томъ IV, стр. 214 въ ссылкѣ.

(246) *Acta Conventionalia Annorum 1556—1557. Akta Ziemi i Grodu Warszawskiego 1556—1557. Księga 44, pag. 754—758.*

(247) Рѣшенiе это слѣдующаго содержания: „*Sigismundus Augustus Dei gratia Rex Poloniae. Significamus tenore... quod cum citatus esset ad nos literis citationis nostrae ad instantiam Majestatis nostrae et Instigatoris fisci nostri et Reipublicae nobilis Andreas Modrzewski eo, quod occupasset violenter et nullo jure possedisset certas sortes bonorum seu agrorum in villa nostra Wegrzynowice tenutae Rzecziczensis, nullis literis et privilegiis, si quas se super easdem sortes habere putasset, coram nobis in conventibus praeteritis ostensis et praesentatis neque cognitioni nostrae et Reipublicae conventionali subjectis, proventus nostros et Reipublicae ex eisdem sortibus supprimendo et sibi usurpando et appropriando in damnum et iacturam mensae nostrae et Reipublicae; quod damnum pensamus contra eundem ad mille*

Кромѣ того въ Метрикѣ Коронной архива находится извѣстіе, касающееся сына Модржевскаго, носившаго то же имя, что и отецъ. Извѣстіе это заключается въ томъ, что Андрей Фричъ Модржевскій (сынъ), родившійся въ 1561 году,—11 февраля 1580 года получилъ отъ короля Степана Баторія актъ т. н. *annorii adjudicatio*, по которому онъ признавался совершеннолѣтнимъ (у него было тогда 19 лѣтъ отъ роду), съ условіемъ не дѣлать никакихъ отчужденій имущества, развѣ въ пользу сестры, если послѣдняя выйдетъ замужъ. (248). Но онъ не долго жилъ, раненный пулей —

---

quingentos florenos in moneta Polonice, uti praemissa latius citatione continentur. In terminoque hujusque continuato citato per se coram nobis comparente et terminum attentante decretumque nostrum in terminis nostris Regalibus Warsaviae inter se tanquam citatum ex una et Instigatorem fisci nostri et Reipublicae actorem ex altera partibus latum exhibente seque circa illud decretum conservari petente, Instigatore vero nostro certis probationibus literatoriis sortem Korytkowska, quam idem citatus asserit. suam esse haereditariam, non haereditariam esse, sed ad mensam nostram et Reipublicae pertinere deducente—Nos vero cum Consiliariis Regni nostri in praesentia Nuntiorum terrestrium, examinata earundem partium controversia et revisis munimentis, per easdem partes utrumque ad causam productis,—comperimus, Instigatorem nostrum et Reipublicae nihil certi et evidentis documenti ostendisse neque exhibuisse, quo constaret, dictam sortem Korytkowska vocatam, in bonis Węgrzynowice consistentem, nostram esse Regalem et non haereditariam. Ideo eundem citatum memoratum nobilem Andream Modrzewski circa praedictum decretum nostrum, pro parte ejus in judiciis nostris Warsaviae latum, conservamus a citatione neque et impetitione instigatoris nostri et Reipublicae absolvimus et liberum pronunciamus eidemque Instigatori perpetuum silentium pro praemissis imponimus,—hoc nostro decreto mediante. In cujus rei testimonium sigillum nostrum praesentibus est subimpressum. Datum Lublini in Conventu Regni nostri Generali die XXII Julii Anno domini MDLXIX Regni vero nostri anno XXXX. Vide: *Metryka koronna księga 128 fol. 141—142.*

(248) Въ книгѣ 125-ой на стр. 111 приводится въ цѣлости актъ т. н. „*annorii adjudicatio*“, данный Андрею Гноенскому, а подъ нимъ находимъ на слѣдующей 112 стр. слѣдующую замѣтку:

„*Similis data est (annorii adjudicatio) nobili Andreae Frycz Modrzewski, olim Andreae Secretarii serenissimi Sigismundi Augusti filio. Ea conditione, ne inscriptiones, exceptis, quae ad elocationem sororis pertinuerint, aut questiones aliquas sanat. Warsaviae die undecima Februarii anno 1580.*“

онъ скончался въ 1587 г. Всё наслѣдство перешло къ дочерямъ. Вдова же вскорѣ вышла вторично замужъ. (249).

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ обзоръ жизни и литературной дѣятельности Модржевскаго.

---

(249) См. ссылку 245.

КОНЕЦЪ I-ой части.

Варшава,
5 февраля 1884 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ANDREÆ FRICII
MODREVII

SECRETARII REGII

LASCIUS ET PHILALETES

ORATIONES DUAE

QUARUM

Prima: de Lege homicidii,

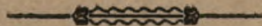
Secunda: de Decreto conventus, quo pagi civibus adimi permittuntur.

Annis 1543 et 1559

EXCUSAE.

Nunc denuo in lucem produxit

EDMUNDUS DYLEWSKI.

VARSAVIÆ.

SUMPTIBUS CESAREAE UNIVERSITATIS VARSAVIENSIS

Ex officina typographica Noskowski

Mazowiecka Nr. II.

MDCCCLXXXIV.

<http://rcin.org.pl>

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Варшавскаго Университета.

Ректоръ Н. Лавровскій.

IN
ACTIONES FRICII

DE HOMICIDIIS LEGITIME PUNIENDIS.

Facundus ore dum rotundo Fricius
Ferri licentiam abrogat,
Impune passim caedibus et sanguine
Grassantis in cives suos,
Poenas revolvens parricidae debitas
Abominandae noxiae,
Laudat tuas, natura, leges, et Dei
Statuta, ius et gentium.
Quibus Polona gens, fidelibus nisi
Adducta suasionibus,
Gravi remittit nuncium vecordiae
Statamque legem suscipit;
An non tuis, natura, sanctionibus
Summique iussis vindicis,

Et viribus semel resistat omnibus,
Non expiando crimine,
Ausis nefandum inferre bellum numini
Atrocior gigantibus?

Ioannes Lanqus Silesius.

**Ad Sigismundum Secundum Augustum, Regem Poloniae, Magnum
Lithuaniae Ducem, Russiae, Prussiae Masoviaeque Dominum et
Haeredem, Sigismundi primi regis filium: Andreae Fricii Modrevii
in Lascium sive orationem de poena homicidii primam Praefatio.**

Petenti aedilitatem P. Cornelio Scipioni admodum adolescenti in urbe Roma (quam olim potitam rerum, non ignoras, *Sigismunde rex*, fere imperasse orbi) impedimento erant tribuni plebis, quod nondum esset legitima aetate magistratibus gerendis et Reipublicae capessendae. Verum adolescens ille, ut erat natura ad omnem excellentiam factus, effecit magno sane et rerum optimarum spei pleno animo, ut ad unam tribus omnes se aedilem esse iuberent. Converterat scilicet oculos universi populi et ora in se Scipio, vel meritis majorum suorum, quae illorum summa in Rempublicam et recentia extabant, — vel sua ipsius indole praeclara peridoneaque ad ea gerenda, quae honore ipso digna essent.

Tibi vero, *Sigismunde Auguste*, duodecim fere annos nato, regni huius amplissimi et harum ditionum fascis summo studio magnoque cunctorum ordinum consensu datae sunt ac tributae. Florebant tunc in hac Republica sapientissimi et clarissimi viri *Joannes Lascius* (qui tum et sacrorum erat antistes summus et primas in hac Republica ferebat), *Christophorus Schidlovicius*, *Andreas Tanavius* et multi praeterea senatores, quorum partim mortui sunt, partim adhuc vivunt. Qui quidem omnes meritorum patris tui in Rempublicam commemoratione verborumque et sententiarum pondere et gravitate de te inaugurando summa et incredibili omnium ordinum voluntate transege-

runt. Putabant omnes, rationem habendam esse patris et tui, et patriae hujus universae. Volebant te, quasi primogenitum, eam cernere haereditatem, quam pater communis omnium nostrum tenebat multos sane annos et vero etiamnum tenet summa cum autoritate. Valebat apud omnes memoria Reipublicae, a patre sapienter administratae, valebant merita, valebant beneficia. Consignavimus haec (loquar enim tanquam una populorum omnium tuorum voce) animis memoribus nostris ad perpetuitatem. Est et ille in nobis validissimus tui respectus, quod in te extant quasi generosi seminarii meliores notae. *Fortes* — inquit poeta — *creantur fortibus*. Spe enim illa minime dubia tenemur omnes, fore, ut te patre tuo dignum administranda Republica praestes: ut te, quemadmodum illum, vere et ex virtute patrem patriae appellare possimus. Non poenitebat olim populum Romanum suffragia invisisse, mandanda aeditate Scipioni: quod ille, quamvis adolescens, res tamen pro Republica tantas gessit, ut expectationem de se omnium non sustineret modo, sed longe superaret. Itaque Romani monumentis omnis generis consecrarunt memoriam illius et post de virtute Africani cognomen illi fecerunt. Quamobrem tibi quoque, Rex, omni cura omnique animi impetu in Rempublicam atque in patrias virtutes est incumbendum, ut te non modo in tantum regnum et tam amplas ditiones successorem videamus, sed etiam in virtutes paternas. Habes domi tuae plurima exempla, tibi proposita ad imitandum: eorum quidem, qui, continuatis regiis honoribus apud nos perfuncti, tibi hunc ipsum honorem soboli suae per manus tradiderunt. Horum tibi et bellicae virtutes, et togatae sunt exprimendae: defigendi oculi atque animus in exemplum hoc paternum, praeclaris virtutibus cumulatum. Qui quidem pater tuus verissime te ad sui imitationem invitare possit iisdem verbis, quibus Ascanium suum invitabat *Aeneas Virgilianus*:

„Disce, puer, virtutem ex me verumque laborem,“

Et postea:

„Tu facito, mox cum matura adoleverit aetas,

Sis memor, et te animo repetentem exempla tuorum

Et pater excitet, et seniorum regius ordo.“

Itaque si exemplum patris cum iis praeceptis philosophiae, quibus a puero operam navasti, conjunxeris (ut certe conjungis) mirabiles profecto in te virtutis amores non dubitem excitari. Unde enim perfectiorem justitiae administrandae rationem petas, unde fortitudinis in rebus arduis et difficilibus, unde moderationis animi, unde patientiae in adversis, unde constantiae in duris et asperis rebus, quam ex patre hoc et tuo et patriae huius cunctae? quem aetas et rerum plurimarum usus erudit, et ad maximas res peragendas verissimis praeceptis et consiliis idoneis instruxit. Itaque et bella eius auspiciis confecta vidimus multa, et quod virtute tanti principis est dignissimum, non pauca ab his ditionibus aversa. Nihil enim huic patri patriae est antiquius, quam tranquillitati populorum suorum, quoties citra sanguinis effusionem licet, consulere: nullamque nec pecuniarum, nec rerum aliarum iacturam tanti facit, quam populorum coelitus fidei suae commissorum ac creditorum. Sed tu haec melius, ut spero, quotidie vides, qui a patris latere fere non discedas.

Tu vero magnum sane, inter caetera, specimen virtutis et indolis tuae dedisti, cum annos fere XVI natus in conventu, abhinc quinquennium Petricoviae habito, *de poena homicidii* id ex tempore dixisti, quod nemo ab illa aetate exspectaret. Narrabat id saepe *Erasmus Creticiovius* senator, summus et spectatus vir, qui vocem illam tuam exceperat, narrabat, inquam, magna audientium cum voluptate. Nihil enim nobis visum est aptius, senatu ac equitibus tanquam fidibus discrepantibus, quam vocem illam quasi mediam orationis tuae apponere toti harmoniae formandae, temperandae et ad mediocritatem traducendae.—Enimvero tuum est hoc, o Rex, ut sententiis distractis, veluti aciebus pugnantibus, te medium inferas, offensiones tollas, discordiarum semina extirpes, quae quamdiu extabunt, nulla firma concordia et diuturna extabit. Dixisti olim sententiam et adolescens, et extra ordinem: nunc vero a te et annorum accessione, et rerum experientia aucto, quid probi omnes et publicae pacis amantes exspectent, vides. Profecto te non decet, ut tu in ultiores conventus tantam rem proferri patiare, quae Reipublicae firmamentum ac robur potissimum

ab omnibus iudicatur. Fac igitur, per Deum immortalem, ut quemadmodum tu patriae debes, cuius gubernationi divinitus sis dilectus, sic illa vicissim tibi debeat, dum salutem tibi suam viderit cordi esse. Nec unquam debes sperare aliquid praecleari foris aut domi te peragere posse, nisi hoc fundamentum in Republica tanquam navi, qua omnes veharum tecum, posueris. Mihi quidem illud, quod plus quam pro aetate homicidii plectendi causa dixisti, de coelo delapsum in animum tuum videtur: vide igitur, ne desis coelesti instinctui.

Sed tu, orationem nostram legens, facile sententiam tuam recognosces. Ego quidem, ea scribenda, non putavi, aliquid eximii ac splendidi a me praestari posse, sed hac re volui observantiam in te meam et in Rempublicam declarare. Plura alii et potiora vel cognitione usuque rerum, vel elegantia verborum majore praediti praestabunt: nos fecimus, quod potuimus. Te vero, Rex, et humanitas tua praestans hortatur, et benignitas regali genere digna, ut boni consulas officium nostrum, nec rem spectes ipsam, quae admodum exilis tibi a me offertur, sed voluntatem dantis egregiam observantiamque in te summam et sempiternam. Det tibi Dominus spiritum suum, Rex inclyte, et populis tuis, ut et tu iuste ac sapienter regere, et illi quod e Republica fideque sua sic recte ac prolixè facere possint. Vale.

Calendis Januariis. Anno a Christo nato MDXLIII.

LASCIUS

SIVE

DE POENA HOMICIDII ORATIO.

Si quis cum animo suo studiosorum morem erit recordatus, licuisse illis de re qualibet honesta in utramvis partem disputare scribereque: hunc, opinor, cum humanitate ac benevolentia lecturum esse haec cogitata nostra, quae de homicidii poena conguessimus in hoc breve scriptum. Neque ego is sum, qui putem me vel natura, vel doctrina, vel facultate dicendi tanta praeditum esse, quantam desideret haec causa: agnosco enim, me ab omni re esse imparatissimum. Sed cum in causa honesta putarem honeste unumquemlibet versari neque conatum eius ob id iure reprehendi posse; sperabam etiam, hoc meum scriptum sine offensione in manus hominum perventurum. Neque despero, fore aliquos maiore doctrina et dicendi elegantia instructos, qui exemplo nostri argumentum hoc vel nostra sententia tutanda, vel contraria asserenda, longe splendidius ac maiore cum felicitate sint tractaturi. Interea iuvabit, nos dedisse aliis scribendi occasionem. Hoc quidem dictum esto bonis et moderatis viris; aliis porro non aliud dicam, quam licere eis prorsus non legere nostra. Ut autem oratio ipsa plus auctoritatis haberet, non eam tribuere visum est alicui e suggestu, more eorum, qui scholas habent, declamanti, sed potius alicui sententiam in senatu suo loco dicenti. Neque id sane alicui vivorum (animadverti enim hoc, non libenter vi-

vos pati, ut in scenam, veluti fabulam acturi, producantur), sed ei, qui ex hac vita discedens, omnibus malevolis atque ob-trectatoribus laudum suarum valedixit, *Hieronymo Lascio*, Si-radiae Palatino, summo et clarissimo viro et in omni dignitate principi. Cuius quidem intempestiva morte quantam fecerit iacturam respublica christiana, omnes intelligunt, qui praesentes calamitates et saevos horum temporum a Turcica immanitate excitatos fluctus oculis atque animo cernunt simulque viri illius magnam sedandis eiusmodi fluctibus atque componendis prudentiam, longo rerum usu collectam. Eum enim illum ego virum fuisse puto, qui omnibus imperatoriis artibus atque disciplinis mirabiliter esset doctus. Nam quid illi laudis aut gloriae defuit artis militaris? quis vel animo, vel consilio, vel usu maiore in bellis administrandis est versatus? quis vidit plures gentium mores et urbes? quis cum tanta nationum varietate tot tantasque maximarum rerum habuit deliberationes? Itaque nemo mihi omnium, quos haec tulit aetas, ad Ulyssem illum *πολύτροπον* propius accessisse visus est, praeter Lascium. Nam et illa consilia Ulyssis capiundae Troiae et arces Iliacae nocte intempesta intratae, et perquam difficillimum rerum consilia inita atque perfecta, et in tot tamque diuturnis erroribus innumera pericula adita instar mehercule mihi habere videntur rerum a Lascio gestarum. Qui cum se rebus turbulentissimis et maxime dubiis regum atque rerumpublicarum dedisset, necesse profecto habuit illis gerendis, varias et incredibiles adhibere cautiones variasque pro locorum et negotiorum varietate induere personas, ut aliquando ad id, quod statutum sibi esset atque decretum, perveniret. Neque vero satis habuit Lascius christianum lustrasse orbem eaque ibi gessisse, quae digna essent fortissimo viro, nisi etiam instituta, mores, leges et consuetudines gentium, a nostra religione amotarum, imprimis vero Turcarum, situsque locorum, in quibus habitant illi, cognovisset et penitus habuisset perspectos. Non est instituti mei, ut in praesenti historiam illius texam; itaque multa prudens praetereo. Illud tantum a summis viris dictitatum commemorabo: Lascium eam habuisse peritiam rerum Turcicarum,

ut inter paucissimos, qui hodie vivunt, hic unus fuerit maxime aptus bello adversus illos administrando, eumque fuisse in re militari veluti summum nautarum gubernatorem, qui non modo tranquillo mari naviculam, sed saevissima tempestate Argonauticam navim potuisset gubernare. Verum ille, superatis his fluctibus et hoc terrarum aestu, portum iam tutissimum tenet in easque oras delatus est, quae cum omnibus rerum humanarum turbinibus curisque laxarunt ac liberarunt. Cuius quidem mortis opportunitatem quis non merito miretur, qui sit illius aetatem in peregrinationibus prope exactam meditatus? Nam ex eo fere tempore, quo Ludovicus, Hungarorum rex generosissimus, Turcica immanitate fato est perfunctus, Hieronymus Lascius perquam magna negotia maximi consilii nec fortunae minoris administrabat. Galliam adiit; Daniam atque Germaniam aliquoties pervagatus est; apud Turcam sedecies legatum egit; domi rarissime nec nisi paucorum dierum hospes; perpetuus vero vel in itineribus, vel in bellico apparatu, vel in ipsis bellis gerendis. Itaque cum totum hoc a fatali illa die Ludovici regis tempus consumpserit negotiis regum peregre procurandis, cum difficillima pericula sponte adierit, cum in giadorum vibratu et hostico tubae sono toties sit versatus; cum nihil habuerit antiquius, quam pulchram per vulnera Reipublicae causa oppetere mortem: tamen divinitus servatus est, ut non alibi quam domi inter suos extremum fati diem sustineret. Nam cum ex Thracia ad nos revertisset ex illa legatione, quae illi ultimum humanorum operum fuit, aeger quidem et admodum valetudinarius, mortem animo forti et perlubenti in manibus amicorum cum vita commutavit. Mihi quidem felix et perbeata visa est haec migratio illius ex hisce turbis, quibus illum maxime implicatum fuisse constat, in quietem illam aeternam: prius, quia animo pacatissimo facta, et res humanas, quod non obscure prae se ferebat, contemnente; deinde, quia rebus omnibus ad sancte migrandum compositis; ad haec, quia conspectis prius et valere jussis iis, quibuscum vixit coniunctissime, uxore, liberis et amicis; tum, quod caput rei est, quia de medio et veluti de sinu et gremio Ecclesiae po-

pulorum Christi. Neque illud est in postremis, quod iudicatum illi erat, vitam a castris et bellicis turbis traducere ad tranquillitatem et ad politicam disciplinam, ubi cum studia et actiones suas ad Christi regulam formaret, tum hominibus fidei suae commissis prodesset. Quamvis enim operam suam negotiis regum exterorum fere dicaverat atque ad bellum hoc Turcicum, in spe vitae quamdiu erat, incumbere, ut in eo praeclarum artis suae facinus, dignum quidem usu rerum a se gestarum ederet; verum in colloquiis familiaribus, quae cum amicis decumbens, sed spe valetudinis recuperandae nonnulla nixus habebat (quibus frequens intereram) miro mihi desiderio quietis et vitae politicae incensus esse videbatur. Et veluti vir ille sapientissimus, exanclatis laboribus infinitis, fumum Ithacae suae plus videre cupiebat, quam foco luculento alieno delectari; ita hic noster Ulysses, et honoribus amplissimis, et bellicis laboribus summis perfunctus, hunc sibi omnium laborum fructum constituebat, ut vitae reliquum domesticis ac politicis rebus administrandis consumeret. Itaque saepe de re familiari, de Reipublicae optima forma, de legibus, quibus illa potissimum contineretur, disputabat. Hanc vero, de qua scribere institui, legem de homicidiis severe puniendis caput et firmamentum Reipublicae potissimum iudicabat neque rerum aliarum recte modum praescribi posse, nisi vita nostra ab importuna sceleratorum manu tecta, neque ad divinam humanamque legem aptiorem homicidii poenam excogitari, quam capitalem. Multa in eam partem (ut erat promptus sententiis vel ex literis sacris, vel ex profanis ferendis) argumenta adferrebat, quae ego quidem meo arbitrato exposui in hac oratione. Audiamus ergo Hieronymum Lascium de poena homicidii in senatu, magna omnium ordinum frequentia, rogatum sententiam suo loco dicentem.

Videri cuique vestrum possem, Rex inelyte et Senatus amplissime vosque nobiles et optimi viri ordinum omnium, male de Republica, hac communi omnium nostrum parente, mereri, si de legibus, quibus illa et ab initio constituta est, et in hunc usque diem prosperis successibus gubernata, parum

pie honesteque sentirem. Ego vero post Dei optimi maximi religionem, cuius primam mentibus hominum natura insevit curam atque opinionem, nihil in rebus publicis sanctius esse iudico legibus ipsis. Frustra enim societates hominum inter ipsos colerentur, frustra hos coetus et domicilia coniuncta moenibus sepiremus, si religione summi Dei contempta nullis institutis nullisque legum vinculis Respublica devincta esset ac communita. Ac in tanto quidem bellorum tumultu, in tot hostium incursionibus perpetuis, nulla mehercule ratione defendi respublica posset ac diu consistere, nisi primum domesticae omnium tranquillitati legibus consultum fuisset. Quamobrem quod respublica haec nostra praeter pacem publicam, quae domi fruitur, quamque (ut in hac hominum perversa cupiditate potest) retinet foris, floreat etiam, et apud alios populos pro eo ac par est audiat: id totum ego secundum Dei beneficentiam tribuo legibus ipsis, quarum iuxta praescripta, qui in magistratu sunt, gubernent omnia. Sentio igitur de legibus patriae, cuius filius sum, honestissime; quibus et conservationem patriae tam diuturnam, et florem acceptum referre par est. Verum enimvero sunt quaedam in iis, quae principio quidem causis gravibus et consilio etiam optimo constituta videri possint, at nunc tempus ipsum et abusus etiam non minimus exposcere et plane exigere videtur, ut illa ipsa corrigantur et mutantur, si florem hunc patriae nostrae constantem retinere sicque integrum posteritati volumus reddere. Et quoniam rogatus sententiam dico meo loco de poena homicidii, quaeso a vobis, ut voluntate vestra fiat, cum poenam usitatam ostendero parum esse sceleri tanto accomodatam. Neque id sane fecero studio vel contradicendi, vel novandarum rerum; sed cum in medium deliberatio consilii capiundi sit introducta, puto, unicuique nostrum libertatem datam esse, quod e Republica ducat fideque sua, dicendi. Quamobrem peto a vobis, ut me cum benevolentia audiat, dum causas propono, cur bonis viris, patriae hujus filiis, ex omnibus quidem ordinibus permultis, poena usitata exacerbanda ac omnino pecuniaria in capitalem commutanda esse videatur. Neque continebitur oratio mea calamitatibus recensendis,

quae innumerae ex poenae facilitate, dum caput hominis pecunia solvere licet, in genus mortalium redundarunt; sed quae vel apud exteros populos, inter quos multum sum versatus, vidi et audivi, vel ex nonnulla lectione cognovi, vel experientia ipsa rerum magistra didici, ea quidem in praesentia, quantum commodius poterò, exponere conabor. Sed antequam ad eam orationem veniam, quae in poenae pecuniariae versabitur reprehensione, videntur causae imprimis exponendae et occasiones, propter quas poena haec sane minuta, si sceleris magnitudinem vere aestimes, fuerit principio constituta, ut deinde, num eam in capitalem vertere, hac hominum malicia, sit necesse, videre possitis. Profecto ita est, Rex inclyte et senatus amplissime, ut homines, quo rerum initio ac veluti mundi incipientis viridi illi aetati erant propiores, hoc facilius vel nulla, vel qualibet exigua poena ab omni genere flagitii arcerentur. Nulla olim in civitate Atheniensium (quam unam satis sit nominasse hic exempli causa), cum iam et rerum potita erat, et legibus optimis constituta, nulla, inquam, in ea civitate poena proposita erat parricidis, quod antea scelus illud a nemine ibi auditum erat. Post vero, malitia hominum nihil non audente, non est dubium, poenam aliquam fuisse constitutam, ac, subinde etiam moribus in peius ruentibus, auctam atque exacerbata. In Republica nostra, quantum ex annalibus investigare licet, non aliud poenae genus in homicidas excogitatum erat, quam pecunia, eaque non maior, quam sexaginta marcarum monetae nostrae. Post vero, licentia hominum crescente, processum est memoria nostra ad marcas centum; deinde, cum hoc non satis esset perversitati reprimendae, decretum est in homicidas, ut praeter poenam pecuniariam spatio unius anni in custodia tenerentur. Sed ne hoc quidem satis visum est submovendo maleficio; itaque tenebris et ima carceris parte custodia illa definita est. Ita mundo degenerante, aut potius hominum audacia in dies magis ac magis omnia sacra ac profana violante, supplicia maiora sunt constituta; quae rerum initio, mundo veluti nascente, leviora multo cum essent, magis tamen homines in officio continebant. Etenim

ita rerum natura comparatum est, ut qui olim homines, ferino victu, gazis agrestibus et antris relictis, loca aliqua frequentare coepissent domusque coniunctas, quae nunc oppida vocamus, aedificare, principio quidem nulli perinde rei studuerint, quam ut rudem terram recte proscinderent eamque fructuosam sibi redderent, nec enim frequentiam illam diu colere possent, nisi quae ad victum forent necessaria, primo curarent. Nullus tum luxus esse poterat in coetu illo recenti victuque arido, nullae divitiae; quisque pro sua parte in id unice incumbibat, ut modum agri, qui forte sibi erat assignatus, quam optime coleret, satis amplum laboris praemium referre se putans, si terra subacta annum ipsi victum suppeditaret. In eo igitur horrido victu tantaque rerum inopia non necesse erat multis legum repagulis, quibus homines a vitiis arcerentur, sed constituebant tamen leges aliquas ad disciplinam et societatem illam retinendam. Quis igitur tum ab homicidio non abstinuisset vel sponte sua in victu illo et vestitu minime delicato, vel poena proposita mediocri in rerum omnium angustia? Ego sane putarim, in eo exordio rerum multam potius addendam fuisse pecuniariam, cum neminem ad id facinus malicia proclivem esse intelligerem, quam capitalem, cuius etiam mentione percussi homines, facile ex novis sedibus dispergerentur. Ac non dubito, maioribus nostris seu inde a primordiis nominis nostri, seu post multa secula gente multiplicata, et in varias distincta urbes, non dubito, inquam, hanc maioribus nostris rationem fuisse poenae pecuniariae constituendae, quod ea deterreri posse quemque a flagitio tanto videbant. Quae enim natio hominum tam rudis unquam fuit tamque rerum omnium imperita, quae vitam humanam exaequari posse ullo precio diceret? Quis nostrum hanc notam maioribus nostris iniustam velit, ut suam ipsorum vitam quam maxima vi nummorum posse persolvi putaret? Sed, ut dixi, cum animadverterent, talia tum hominum ingenia fuisse, ut vel per se etiam ac sponte sua, vel qualibet levi poena ab omni caede abstinerent, poenam tantum pecuniariam constituerunt, quam ii sustinerent, qui casu aut per imprudentiam (sciens enim ac volens qui id faceret, inauditum

erat) hominem occidissent. Hanc et ego poenam, viri amplissimi, existimem iis quoque, *per imprudentiam* qui homicidium commisissent, subeundam. *Nec enim iustum censeo, ut delicta, quae casu adverso et nolentibus nobis fiunt, aequè puniantur, ut illa, quae ex malicia et consilio animi destinato proficiscuntur. Deinde, si quis defendendi sui causa hominem, qui prior illi mortem afferre paratus erat, occidisset, cum quoque aut usitata, aut minore, aut si fortè vi tuendique sui necessitate eo fuisset adactus, nulla omnino poena afficiendum puto.* Id enim nobis natura indicatum est, ut caput, iugulum, latera, vitam denique ipsam ab omni vi tueamur. Itaque et leges porrigunt nobis arma ad vim vi repellendam, et ipsa consuetudo gladiis accingendi latera nostra non aliud commodi affert, quam ut ab insidiatore repentino, quantum possimus, nos tueamur vitamque nostram. Quod si necessitatis grave illud telum tanti putatur, ut Dii quoque paruisse illi tradantur, — quam tandem mortalium generi excusationem putatimus iustiorē vitae alicui ferro ereptae, quam se non potuisse aliam expediendae salutis suae rationem habere, nisi homine, qui forte gladium animo occidendi prior intentavit, necato? Omnino enim hanc nascentes nobiscum attulimus legem, ut vim vi a nobis propulsemus; eam a Deo immortali una cum animis haustam habeamus, ad eam impellimur natura duce, neque aut ratione, aut magistro praeeunte eam didicimus, sed quemadmodum nudi et rerum omnium indigentes in hanc lucem editi instrumentis ad rem quaerendam augemur, ita ea lege imbuimur ad vitam et salutem tuendam. Quod si capite puniendi essent, qui salute defendenda caedem fecissent, ecquid tandem interesset, quo minus latronibus petentibus vitam nostram nos mactandos ultro tradereamus? ecquid referret, perire nos huius iudicio, aut illius manu? siquidem occidendum nobis sit iudicis sententia, quia nos occidendos insidiatori non praebuissemus. Iam cum duo sint genera iniuriae propulsandae: unum per disceptationem forensem, alterum per vim, certe ad hanc necessario est confugiendum, illa desperata, ne dum illam exspectamus, ante nobis poena iniusta reddenda sit, quam iusta ab homine scelerato,

iudicio repeti possit. *Sit igitur hoc imprimis positum in hac sententia nostra, non esse in fraude capitali ponendum, si quis ad vim et caedem faciendam vi coactus impellatur.* Proximum vero huic sit, *ne eum quidem homicidio esse obstrictum, qui casu, nolens, contra mentem et sententiam suam (ut qui forte tegulam ab alto demittat in locum, quem hominibus vacuum putabat) necem alicui attulisset.* Eius sententiae authorem habemus vocem Dei immortalis, qui tale discrimen constituerit homicidiorum (*Exodus 21*), ut qui cogitato scelus hoc ac de industria fecisset per insidiamve, morte poenas daret, usque eo quidem, ut si vel ad aram Dei confugisset, inde tamen raperetur ad mortem; qui vero sine insidiis homicidium improvisum nec opinatum, sed casu admisisset, is non interficeretur (siquidem in manum illius Deus se tradidisse et impulsisse occisum fatetur), sed tantum in locum fugeret, tanquam ad asylum, divinitus constitutum. Sancivit et illud lex divina, ut fur nocturnus impune occidatur, diurnus non impune (*Exodus 22*). Tametsi *leges XII tabularum* diurnum quoque, si telo se defenderit, interfici impune voluerunt. Atque id quidem de caede, vel casu aliquo vel necessitate facta, dictum esto. Ceterum, quis vitam hominum tanto odio habet, ut immanissimum parricidam, ultro sponteque homines occidentem, per summam malitiam genus mortalium extirpare conantem, non excindere velit ac ex omnium aetatum temporumque memoria delere? Saepe de grandioribus natu audivi, illud in more maiorum nostrorum fuisse, ut si quis seu pecuniam mutuam, seu quamlibet rem aliam utendam alii dedisset, non opus ad id ullis inter eos sygraphis fuisse. Tantum abfuit, ut, qui creditor esset, caveret a debitore aut iurisiurandi religione, aut nominibus factis, aut fideiussoribus. Sed aut dabat rem suam, arbitris semotis, praesens praesenti, aut etiam absentem in sacculis numeratam pecuniam ab una in aliam civitatem mittebat; quam pecuniam debitor et accipiebat integram, et cum bona gratia referebat. Tanta et portitorum fides erat, et debitorum gratitudo. Nunc vero, quid in pecuniis mutuandis non stipulamur? quae non exigimus chirographa? quas cautiones non excogitamus? quos non consulimus

formularum cautores? Et tamen sit persaepe, ut, qui abs te mutuum accepit, aut fidem non praestet, aut cum mala referat gratia, aut, quod minime fieri oportuit, non sine hostilitate. Sed hoc nimirum est, quod viri prudentissimi non de nihilo confictis, sed e re ipsa sumptis olim fabulis prodiderunt: dum primam illam, qua homines nullis constricti legibus, sed sponte sua fidem rectumque colebant, auream vocarent aetatem; alteram deinde ut priore deteriorem, sic a metallo ignobiliore argenteam; post vero, paulatim moribus in peius degenerantibus, et aeneam appellarent, et ferream. Volebant homines rerum humanarum peritissimi significare, non minorem in dies a pristina morum puritate in peius mutationem fieri, quam ferrum caedat auro precio atque nobilitate. Tanta igitur rerum mutatione quis, quaeso, non intelligat, subinde et legibus opus esse aliis, et poenis etiam, quibus hominum malitia refrenetur, gravioribus? Deinde, si in rebus caeteris, magnis quidem illis et ad societatem hanc retinendam pernecessariis, tot sunt leges novae sancitae, tot item veteres novis exacerbatae poenis, cur non id ipsum in nostra ipsorum tuenda vita, omnibus profecto rebus longo intervallo praestante, effectum velimus? Eo enim iam in hac Republica multorum malitia processit, ut putes, illos hostes esse humani generis perpetuos; in idque videas unice intentos, ut, in quos libitum est, eis saeviant, eos persequantur, ex aedibus eiiciant, deinde, cum non gravius malum dare possint, miserabiliter trucidant. Quot enim paucis his annis reperti sunt maleficientissimi homines, imo imanissimae beluae, qui, posteaquam alicuius exarserunt odio, non prius illud restinguere potuerint, quam hominem nec accusatum, nec condemnatum, imo nec opinantem, nec id unquam expectantem, praeter ius omne et praeter magistratus edicta, crudelissime manibus suis necarent. Possem multos hic nominatim proferre vel amicos, vel tribules, vel parentes, vel filios vestros vestrorumve hominum, qui, ab importura sceleratorum manu vulneribus acceptis, mortem teterrimam obierunt; possem rabiosas multorum impressiones, in honestissimos homines factas, possem strages, manu collecta utrinque editas, commemorare; sed non est

instituti mei in re omnibus notissima commorari. At vero, quasnam poenas persolverunt pestes illae hominum, flagitii tanti? *Dignum quidem erat, poenam sceleri parem esse, ac carnificinam illam vel exempli causa, vel quia aequum est, merita punire morte, ut et caeteri deterrentur ab hominibus necandis, et ipsis homicidis eadem dies peccandi finem afferret, quae et vivendi.* Verum, posteaquam evaserunt primam, qua in praesenti facinore capi poterant, occasionem, prodeunt paucos post dies impune in publicum, securi iam vitae et rerum suarum. Quid enim facias illis, qui momento patrati homicidii hominum manus effugerunt? Dies eis dicitur apud iudicem, hic vero in eos animadvertit poena usitata. Quotus autem quisque homicidarum est, qui utramque dependat poenam Reipublicae et pecunia persolvenda, et carceris cruciatu anni spatio perferendo? Multi, amicis occisi placatis, utramque evolarunt poenam. Quid enim putatis homunculos facere istos, qui sua tantum retanguntur, alienas et praesertim mortuorum res parum ad se putant pertinere? Vere enim dictum videri potest: nihil citius arescere lacrima, praesertim et in rebus alienis, et lucelli aliquius odore aspirante. Multi etiam a caede in exteros se conferunt populos atque inde cum literis deprecatoriis aut forte meritis cum aliquibus redeuntes vel utriusque vel alterius poenae remissionem obtinuerunt. Rarique sunt seu honoribus atque existimatione praestantes, seu gratia florentes, seu amicorum consanguineorumque potentum studiis stipati, qui legibus et iudicio dederint poenam constitutam. Soli homines vel ab amicis, vel ab honoribus, vel ab existimatione inopes poenae illius sustinent acerbiter. Et tamen, qui poena affecti sunt, nihilo sunt meliores; imo se ipsos etiam scelere deinceps superant audaciaeque. Invenias enim, qui et multis postea parricidiis sese obstrinxerint, et sint deinde ad omnia scelera atque ad impetendum homunculos imbelles longe audaciores. Qui quidem si morte luissent caedem, a se indignissime factam, iisdem finibus audaciam interficiendi alios quibus vitam suam terminassent. Quam igitur ex re sit omnium, qui se hancque Rempublicam salvam cupiant, quamque aequum, si supremo

adficiantur deinceps supplicio, qui primi hominem occiderunt, puto, verbis non opus esse in re clarissima. Sed quoniam ingressus sum hunc dicendi campum iussu vestro atque officio muneris mei, faciendum mihi existimo, ut omnes, quantum in me sit, investigem eius rei causas. A vobis modo peto quaesoque, ut, quod adhuc fecistis, benigne atque attente audiat relinquant orationem; efficiam enim profecto, ut omnes intelligatis, quamobrem, qui prior homini obtulisset mortem, ipsum quoque ad mortem usque necesse sit multari. *Si enim poena, quae iusta sit, respondere debet culpae eamque etiam ut expiet aequare, — nihil mehercule tam aequabit homicidium, quam si homicida morte multetur.* Nulla enim pecunia tanti est, imo etiam si res conferantur totius orbis terrarum in unum, nullo modo tanti sunt, ut contendere possint cum vita hominis unius, qui meliore sui parte sit particeps divinitatis, qui imaginem opificis sui in se mirandum in modum habeat inculptam, qui non, ut caetera, seu animantia, seu inanima, mortalia et caduca sunt, sed qui ex hac vita transferatur ad domicilium beatorum, cuius causa filius Dei optimi maximi, e coelo descendens, cruci se suffigendum voluerit, ut eum reconciliaret patri suo coelesti, denique cuius causa omnia, quae usquam in terris sunt, quaeque in coelis visuntur, condita sint. Iam vero, quamcunque in partem vitae humanae contemplandae te converteris, quot (dii boni) res mirandae in hoc opificio sese ostentabunt! Novem menses maternis claustris septus, huic luci formatur; edito in lucem, lac in uberibus maternis nutriendo suggeritur; labore et anxietate parentum incredibili educatur. Quis enim verbis explicare satis queat, quot et quanti labores fingendo hoc animali suscipiuntur? primum, in infante viribus omnibus destituito quanti? deinde, in adultiore densissimis ignorantiae tenebris circumsepto qui et quanti? post haec, aetatis accessione aucto quis sufficiat unus instituendo, erudiendo, ad humanitatem informando? quot artes usurpandae fingendis moribus illius et refingendis? quoties rogandus, monendus, castigandus nonnunquam adulatione deliniendus? ac post tantos labores, tot curas et aerumnas, vix tandem ad annos viginti natus

rebus gerendis aptus esse videtur. Quo fere tempore maximam solet laetitiam facere natus parentibus amicisque et cunctae patriae, dum et illi sperant, labores suos fructu aetatis nati longioris compensatum iri, et haec in spem cuiusvis rei ab illo bene gerendae ingreditur ampliorem, cupitque videre, ut homo tanto tempore, tot laboribus alienis, aliena cura et industria eductus, ostendat in Rempublicam pro virili parte aliquid, quo declaret, non sibi se natum esse, sed parentibus, amicis et Rempublicae. Sed ecce tibi quasi in medio cursu homo maleficus, qui momento eripiat tantas spes nobis, occidit illum alumnum, privat parentes, amicos et totam Rempublicam sperato fructu, numerat deinde (si forte quis exigat) marcas centum et forte molestias carceris aliquot septimanarum perfert,—*an vero vobis videtur, cum hac poena compensari vita hominis occisi?* in quo consummando tot curae susceptae, tot labores sunt exhausti, qui a Deo filii, a Christo fratris habetur loco, qui tot naturae beneficiis auctus est et ornatus, in quo tot et tantae sint spes collocatae rerum bene gerendarum? Quae igitur cum tanto opificio, non marcarum centum nostratium vinculorumque unius anni, sed rerum totius mundi, si in unum conferantur, contentio fieri possit? Quae vero aptior poena constituatur, quam si rei capitalis damnentur omnes homicidae? Non hic sane hominum gradus constitui necesse est: nobilium plebeiorumque, divitum et tenuium, dominorum ac ministrorum. Ad gentes a Christi religione alienas facessat illud decretum, ut dominis potestas sit necis servorum; aliis in negotiis valeat illud, ut pluris sit paupere opulentus. Satis sit in hac Republica nobilitati: praerogativis gaudere multis, vel in honoribus petendis profanis ecclesiasticisque, vel immunitatibus vectigalium aliorumque onerum obtinendis. Caeterum in vindicanda legibus morte hominum, ad exemplar Dei conditorum, fratrum Christi cohaerendum, ne sit, quaeso, discrimen ullum. Certe nulla humani generis pars, propter discrimina humanitus constituta, est negligenda. Cedat sane diviti pauper, nec contendat cum nobili plebeius ordo, verum serventur illi gradus in vitae huius commoditatibus percipiendis atque in vitae huius

dignitate, mortem vero, per scelus cuilibet oblatam, nemo non iisdem poenis persequendam putabit, qui a Deo opt. max. aequae plebeios ac nobiles, pauperes ac divites, ministros ac dominos esse diligenter reputaverit, nec minus manere illos atque istos hereditatem aeternam. Hoc natura docet, simili omnes homines opere condens; iisdem rebus indignos, in hanc lucem profrens, iisdem quoque illos tum animi, tum corporis dotibus ornans. Hoc vult naturae author ille et conditor Deus, omnes ex aequo in spem salutis vocans et aeternitatis. Hoc iubet magister noster Christus, qui cum suae religionis iugo nos exaequaverit, cum proximorum appellatione nos voluerit omnes censer, non minus profecto nobis voluit pauperum, servorum plebeiorumque vitam cordi esse, quam divitum, dominorum ac nobilitatis. Denique, hoc postulat Respublica ipsa, mater omnium nostrum, quae quantumvis ex re sua constituerit ordinum distinctionem, non aliter tamen salva esse possit ipsa, quam filiorum, quos genuit, eluxit, quos sinu charitatis maternae complexa est, quos uni monarchae subiecit, salute et vita eodem modo tuenda. Quod si in facinoribus aliorum criminum illam sine ullo discrimine personarum constitutam habemus poenam, ut non elui possint nisi capitis supplicio: cur non idem servamus in scelere homicidii immanissimo? Fures, cuiuscunque ordinis sint atque loci, in crucem affiguntur omnes; de adulterio deque peculatu convicti, vel si lateant quam diutissime a flagitio patrato, si quando tamen in manus incidunt iudicum, nulla inde eis datur redimendi facultas, nullae pecuniae tanti sunt, ut pares sint facinori persolvendo. Sit sane, qui furtum fecit, equestri loco plebeiove; nulla tamen via iudicis manus elabi possunt, quin in crucem acti laqueo strangulentur. Detur severitas huius legis, viri amplissimi, hominum societati, detur huic, in qua nati sumus, Reipublicae. Nam quis est, qui dubitet, si ad vivum resecare velit, quin vita hominis pluris sit multo rebus furto sublatis? Verum cum humani hi coetus defendi aliter non possunt, nisi maleficis hominibus e medio sublatis, maneat sane, ut severitatis exempla illa in fures edantur; homicidae vero, qui fures longe supe-

rant facinore ac immanitate, cur non similibus aut peioribus multo exemplis perdantur? Cur furibus omnis vivendi spes legibus in perpetuum adempta, eadem parricidis, patrati homicidii momento manus hominum elapsis, integra manet, ac omnino carcere pecuniaque multatitia persoluta, sarta atque tecta? Non mihi possum temperare, quin, quo oratio ducit, contentionem faciam furum et homicidarum, quo quidem apud nos loco esse utrique putentur. Fur habetur infamis, homicida fortis animosusque; ille multatur morte, hic pecunia; ille vivens moriensque in numerum hominum honestorum venire nunquam potest,—hic et vivens fungitur honoribus, et moriens numerum obtinet honoratorum; ille ita moritur, ut veluti in exemplum omnibus deterrendi causa in altum sublatus terram non tangat,—hic in subsellis virorum honestissimorum nobilissimorumque eum locum obtinet, quem vel, si homicida nunquam esset, obtineret. O ingentem morum perversitatem! Deus iubet, ne maleficos patiamur vivere (*Exodus 22*); nos homicidas non tantum sinimus vivere, sed et honoribus iis frui, qui in aliis rebus publicis soli virtuti debentur. Et quoniam in republica christiana vivimus, videtur mihi cum ea merito expostulandum, cur tandem homicidam potiore habeat loco, quam furem? Quasi vero non uterque in legem Dei peccet. An est quisquam, qui ignoret, eundem nobis homicidio interdixisse, qui furto interdixit? eundem in una tabula scriptum illud relinquisse: „ne occidito“ et „ne furator“? Profecto animi fuerit minime christiani non eadem religione imperia et leges observare omnes, quaecunque ab illo legislatore Deo scriptae sunt et in eadem tabula incisae. Voluit legislator ille non minus consulere vitae nostrae, quam fortunae. Quod si qua vis ordinis sit habenda, certe priore loco legem fixit ad tuendam vitam nostram, quam illam muniendis rebus nostris accommodatam. Ac ne sola legislatoris illius auctoritate niti videamur (quae tamen ipsa talis est, ut per se pulcherrima atque summa cum sit, merito ab omnibus, in primis vero christianis, plurimi debeat aestimari), sed omittamus, inquam, legislatoris huius auctoritatem faciamusque, ab eo nullam mentionem prohibiti

homicidii fuisse factam nedum vel in eadem tabula aliquam, vel priore loco; an vero ratio et omnium populorum consensus non iudicat, vitam corpusque ita servanda esse ac munienda, ut fortunas omnes ac rem familiarem longe posteriora illis ducamus? Etenim res ac opes semel amissae sarciri possunt, vitam vere semel amissam quis unquam recuperavit? Quae igitur causa est, ut, severioribus poenis ac legibus eum, qui res nostras, quam qui vitam abstulisset, teneri, putemus? Enimvero metuendum, ne avaritia atque nimia opum cupiditas causam praebuerit poenae severioris in fures inveniendae, quam in parricidas; nimirum dum in rem faciendam plus iusto intenti sumus lucrique ex unaquaque re odorem pulchriorem, quam proximi vitam iudicamus. Nam quis, per Deum immortalem, suam ipsius vitam non antiquiorem existimet pecunia omni? Quidquid igitur poena homicidii usitata agitur, non de nostra morte ulciscenda agitur, sed aliena; quam quidem alienam mortem dum fructuosam nobis volumus esse, magis pecuniariam poenam studemus retinere, quam ut capitalem (quae commodi nihil nobis afferret) constituamus. Scilicet hoc est, quod divino iussu ferimus prae nobis ipsi, aequae proximos diligere a nobis atque nos ipsos; eorum vitam non aliter nobis cordi esse, quam nostram; mortem vero illorum ita nobis acerbam, ut si nobis ipsis per scelus illata esset. Iam vero si vitam homicidis donarem solam, non etiam vitae commoditates ac ornamenta, ferendum id quidem esse putarem. Etenim ad magnam poenae acerbiteret vivere in hominum coetu sine honore, sine rerum facultatibus, sine potentia, sine amicorum ope ac consuetudine, nec vita haec magnopere videretur expetenda homicidae, cum se et amicis dedecori atque maculae et vulgo contemptui, cum suam crudelitatem omnibus odio esse videret, cum deiectis oculis incederet, tantumque in id animam de coelo ducere videretur, ut sese ad frugem reciperet meliorem Deumque sibi placaret. Nunc vero quid deest homicidae ad vitam feliciter degendam, posteaquam poenam dependit usitam? fundos, quos ante habebat, possidet omnes; amicorum et hominum potentum ac virtute praedictorum consuetudine gaudet;

incedit purpuratus; fruitur honoribus Reipublicae; in senatu locum tenet; in regiis oculis versatur. Quid est iniquitati subdere calcaria ad caedes, si hoc non est? Quid prodest operam virtuti dare, si tantus est honos maleficio? Atqui certe Deus ipse iubet: ne sinamus maleficos vivere, et lege in *Exodo* lata edicit: *qui percusserit hominem ita, ut moriatur, ipse quoque moriatur morte.* Ac ne quis, refellenda hac lege, dicat, eam ad rempublicam Iudaeorum pertinere tantum, audiamus, quid, mundo prope vacuo, hominibus octo duntaxat ab excidio illo universi orbis superstitionibus (qui quidem genus humanum tandem recuperaturi erant) edixerit Deus: *sanguinem, inquit, vestrarum animarum requiram de manu cunctarum bestiarum et de manu hominis requiram animum hominis; quicumque enim effuderit humanum sanguinem, fundetur sanguis illius; siquidem ad imaginem Dei factus est homo.* Audistis edictum divinum mundo renascente, necdum natione iudaica segregata, latum. Quo quidem edicto sanguinem humanum cum de bestiarum, tum vero hominum manu se requisiturum dicit; sanguinem quoque eius, qui prior sanguinem hominis effudisset, effusum iri. Audistis et causam edicti gravissimam et imprimis expendendam, nempe hominem ad imaginem Dei esse effectum. Itaque, vitam eius a nemine violandam, nisi qui bellum suscipere vellet cum principe illo orbis, qui eum imaginem ac similitudinem sui ipsius vivam in terris voluerit referre. Atque, ut edictum hoc ad tempora omnium aetatum pertinere planum fiat, videamus et multis seculis ante illud diluvium universale atque adeo principio rerum, vim illud habuisse suam, et nostris etiam habere oportere. Nam et ad *Caynum*, primum homicidam, sic de Abele occiso expostulando ait Deus: *ubi est frater tuus? Quid fecisti? Vox sanguinis fratris tui clamat ad me de terra* (*Genesis* 4), et Christus ad Petrum, iniussu magistratus gladio utentem: *qui (inquit) gladium acceperit, gladio peribit* (*Matth.* 26). Haec fere in literis divinis ab illo coelum, terras ac hominum vitas tuente et regente Deo prodita extant.

Audiamus iam, quam pulchre consentiant gentium leges.

Et *XII* quidem *tabulis* cum ceteras res, tum vero homicidium capite fuisse sancitum constat (*Lib. 48 ad l. Pomp. de parricidiis*). Romanis quoque legibus in parricidas, hoc est, in eos, qui cognatum affinemve interfecissent, illud supplicium est inventum, ut in culeo cum cane, gallo et vipera insuti in mare abiicerentur; in alios vero homicidas poena capitalis constituta. Hac lege utuntur *Germani*, utuntur *Galli*, utuntur *Hispani*, utuntur et *Hungari*. Sed apud Hungaros illud quoque ad poenae severitatem est comparatum, ut non tantum in caput interfectoris, sed in bona quoque manus a re iniciantur ea quidem, quae castrens, quasicastrens et adventitii (sic enim iurisperiti loquuntur) peculii veniunt appellatione. Sic ad filios etiam poena sceleris paterni redundat, dum solam adire permittuntur hereditatem, quae patri a maioribus relicta erat. Sed nec christiani tantum, verum et *Scythae*, et *Turcae* puniunt capite homicidas. Neque vero supplicium istud de eo tantum sumebatur legibus Romanis, qui hominem occidione occidisset, sed de eo etiam, qui hominis occidendi causa aut cum telo fuisset, aut districto gladio aliquem impetiisset vulnerassetve, aut venenum confecisset, dedisset habuissetve (*Lib. 48 ad l. Corn. de sicariis et veneficis*). O legem populo illo, qui non armis tantum, verum etiam consilio sapientiaque ceteris nationibus praestabat, prorsus dignam. Viderunt prudentissimi homines et rerum humanarum imprimis experientes, non tam rerum eventu peccata hominum metienda esse, quam animorum consiliis sceleratis. Itaque, in maleficiis non tantum exitum, sed voluntatem etiam spectandam duxerunt. Deinde nihil interesse putarunt, occidat quis hominem, an mortis praebeat causam. Quoties igitur tanti maleficii crimen non modo perfectum, sed tentatum etiam argumentis claris signisque comprobabatur, toties rei capitalis damnabantur, qui sceleris erant convicti. Quo magis ea lex instituenda est a nobis in crudelissimum homicidam, qui sanguine humano imbuere manus suas gladiumque non dubitavit.

Etenim, si quis res gestas iam inde a condito orbe diligenter consideret, vix mehercule inveniat unum homicidam,

quem ipsum non ulciscatur scelus suum. *Cayn*, cum esset fratricida, ipse quoque interiit eodem genere mortis. *David* ob imperatam caedem gladii persecutio em in domo sua perpesus est in sempiternum, quae calamitas haud dubie acerbior illi erat sua ipsius morte. Sed quid veteres historias attinet repetere? Memoria nostra ostendite mihi aliquem unum, qui hoc detestabili scelere patrato, ut etiam pecuniam quantumvis magnam numeraverit ac carceris molestias pertulerit, ostendite, inquam, mihi unum talem, qui non simili deinde perierit fato? Id quidem usque eo planum est omnibus, ut iam vulgo celebretur, nullum nec homicidam, nec adulterum naturali perire morte, ad haec etiam passim iactetur, sanguinis innoxii clamorem super astra ferri. Testatur id Deus ipse, dum dicit, sanguinem Abelis occisi clamare ad se de terra. Testatur et *Ioannes*, dum animas sub altari auditas sibi ait clamantes: „quam cito, Domine, vindicabis sanguinem nostrum de iis, qui habitant in terra“ (*Apocalipsis 6*). His verbis clamor describitur sanguinis innoxii, hoc est, eius, qui citra iudicium legitimum ab homine privato sit effusus. Siquidem nemini licere praeter magistratum quenquam interficere ne nocentem quidem, literis divinis proditum extat. Innoxius igitur putandus est sanguis, qui a privato effundatur homine, utcunque praetextatur honesta causa, excepta tamen vi ipsa, quae certe excipienda est et merito discernenda. Narrabat hospes meus Vienne admodum dolenter ac voce, ad luctum et maerorem composita, non ita multos abhinc annos civem quendam suum, nobilem pistorem, cum cenatus cum uxore, liberis ac familia dormitum isset, inventum esse mane in cubiculo interfectum una cum uxore et filiolo prope in cunis iacente, familiam quoque omnem in cubiculis distinctis cubantem et ipsam ad internicionem quoque caesam. Cum ex omni vicinia ad tam foedum spectaculum vulgo concurreretur, nemoque in aedibus universis repertus esset vivus, in quem suspicio conferri posset, simulque animadverteretur abesse ex cuncta familia atque ex domesticis patris familias occisi aliquem unum, qui in eo occisorum numero non reperiretur, captum esse consilium quae-

rendi illius, qui abesset. Inventum tandem esse in plateis oberrantem, captum et ad magistratum criminis investigandi causa adductum. Erat porro homo ille in arte pistoria, quam cum magistro exercebat, industrius et ideo magistro suo imprimis gratus, sed, ut fit, popinis, lustris et ganeis nimio plus addictus. Eum igitur et prius apud apparitores, qui eum comprehendissent, et deinde apud magistratum sponte sua, nullo teste, stimulis conscientiae actum, nec interrogatum, continuo crimen confessum esse; se hortatus magistri, quibus a luxu vocaretur saepe ad frugalitatem, ferre non potuisse. Itaque, nocte profunda, cum vox a vicinis exaudiri non posset, se primum familiam in lectis cubantem, ne illa patrifamilias suppetias veniret; deinde, hostio cubiculi aperto, ipsum patremfamilias cum uxore, altissimum carpentes somnum, interfecisse; postremo, vero in filiolum, qui in cunis prope cubaret ac, morte parentum prius conspecta, suam ore balbutienti deprecaretur, puppasque omnes, si parcitum sibi esset, dono offerret, se ferrum strinxisse. Tot autem caedibus factis, se ad portam civitatis contendisse, ut illinc digressus poenam homicidis impendentem vitaret. Verum porta civitatis se aliquoties egressum, tamen rursus ad civitatem vi et impetu animi impellentis revertisse, tantas sibi tenebras offusas fuisse, ut quasi collo obtorto eo, unde discesserat, reductus esset, tantis denique aculeis, tantis furiis cogitationum se agitari, ut nec se animo consistere posse diceret, nec quicquam magis optare, quam vitam sibi eripi, quam ipse aliis eripisset. In tot vero stimulis conscientiae ac cruciatibus animi summis, illam pueri vocem, qua sibi parci petebat atque puppas vitam redimendo offerebat, esse sibi tanquam facem, sine intermissione adurentem, et poenam longe omnium acerbissimam. Haec quidem parricidam illum ultro et sponte fassum esse ac morti deinde prout dignus erat adiudicatum, hospes meus Viennensis narrabat. Ego sane non abs lacrimis audiebam et tantam immanitatem parricidae, et sanguinis innocentis ultionem divinitus immissam. Neque enim Deus, qui legem tulit: sanguinem eius effusum iri, qui hominis sanguinem effudisset, ad homicidia conuivere pu-

tandus est, ut non poenam repetat ipse ab iis, qui imaginem suam violassent. Itaque parricidae illi et mentem abstulisse, et fugiendi facultatem eripuisse, et eum poenis meritis reser-vasse est existimandus. Hoc igitur veluti praeiudicio tanto, cuius similia multa nobis non animadvertentibus fieri quotidie putemus, an non palam nobis ostendit, quid in puniendis homicidiis sequi debeamus?

Habemus et lege divina constitutam poenam homicidis, et eius voluntatem in eam mentem illos impelli, ut ipsi incidant in manus ultorum, cur igitur dubitamus legem emendare nostram poenamque similem divinae constituere? Nam quae gens, quae natio alia praeter nostram caput hominis pecunia persolvat? Nisi forte hoc in numero *Dani* habendi sunt, apud quos legem quoque vigere adivi similem nostra. Sed illi tanta incommoda perferunt ob pecuniam hanc multatitiam, ut parum apud illos tuti sint imbelles a potentioribus et in medio foro et in templorum aediumque penetralibus. Itaque, *Germani* illud eis in iurgiis obiicere consueverunt, vitam humanam non alio loco haberi apud illos, quam pecudum, utpote quae pecunia quoque redimatur ac persolvatur. Iam, ne quis putet haec in nationem *Danorum* a me contumeliosius dici, permittamus sane illos uti sua lege, certe tamen non debent esse nobis tanti, ut illis tantum similes nos fieri velimus potius, quam tot nationibus aliis: *Italis, Gallis, Hispanis et omnibus, quae Romanis legibus utuntur*, quae legi divinae subscribere non dubitarunt caputque non alia re, quam capite, puniendum esse statuerunt.

Tanta apud nos religione sunt tantaque maiestate templa et principum arces, ut rei capitalis damnentur, quicumque ea violare non quidem homine occidendo, sed gladio vagina vacuo aliquem petendo fuerint ausi. Quod vero templum maiore sanctitate putamus venerandum esse: hoc, quod Dei viventis est habitaculum, an quod ex lignis est lateribusque constructum? Quam arcem tantae maiestatis ac venerationis plenam, ut eam, qua et religiones et Respublica defenduntur? Scite enim mihi fecisse videtur rex ille, qui *caesari* (ni fallor) *Ottoni* templum *divi Adalberti* Gneznense religionis ergo visenti ac

opes atque arces, quas regio haec potissimas haberet, videre cupienti, viros ostenderit lectissimos exercitusque, qui subito legi poterant numerosos: illos, inquires, arces suas esse atque opes. Praeclarum sane et regia maiestate dignum responsum, nullae enim opes regibus tanti esse debent, nullae arces tam firmas videri, atque homines ipsi, quorum causa illi consituti sint a Deo, tot honoribus totque opibus aucti et ornati, sine quibus nec opes, nec dignitatem, nec arces tueri possent ac defendere. Cur igitur violatorem templi huius vivi, arcis huius fortissimae devastatorem, e numero hominum eiiciendum non statuemus? An licentiam perditissimi parricidae alemus ad similiaque facinora edenda vitam illi prorogando instruemus? Res enim testatur ipsa, gigni in homicida, nisi multetur morte, immoderatam peccandi consuetudinem ac licentiam interficiendi. Quotus quisque est enim, qui poena capitis evitata caede una fuerit contentus? Itaque, ut ceno porcos, sic istos trucidationibus ac maleficiis omnis generis videas delectari nec de re alia, quam de carnificina sermonem instituere, nec voluptatem aliunde capere, quam ex sanguine. Tantam vim habet macula ex humano sanguine concepta, ut nihil nisi iuamem quandam audaciam gignat ad scelus omne.

Haud scio, an eadem culpa tenemur, qui ad Reipublicae gubernacula sedemus, quorum in manibus haec res est, quam amentes et furiosi isti. Nam quid per Deum immortalem vult sibi vetus illud ac protritum verbum: *facientes et consentientes iisdem poenis teneri ac legibus?* nisi forte putamus, *illos tantum assentiri sceleri, quorum seu consilio seu opera sit confectum.* Atqui et ratio dictat, et magnorum virorum consensus, *eos quoque culpae reos esse, qui sceleri occurrere possint, occasionem negligant rei bene gerendae,* non secus, ac si vel iniuriam fecissent ipsi vel praesto fuissent opera, consilio studioque facienti. Si authorem quaerimus eius rei, nullam certe graviolem possumus habere *M. Cicerone*, qui non in scholis tantum philosophorum versatus sit, sed Romae, cum quidem urbs illa rerum orbis terrarum potita erat, summos magistratus magnifice gesserit. Is in suis „*Officiis*“ reliquit scriptum ad hunc modum:

„qui non defendit nec obsistit, si potest, iniuriae, tam est in vitio, quam si parentes, aut amicos, aut patriam deferat.“ Si vero rationem velitis habere sententiae nostrae, ea quidem in promptu fuerit rerum naturam contemplanti. Quis in mari profundo hominem sese praecipitantem atque mergentem non servans, servare cum possit, eique in extremis laboranti subsidio venire negligens culpa exors erit? Quis viatori, iter latronibus obsessum ingressuro, insidias praedicere cum posset, tamen non praedixit nec admonuit, non immerito ob id damnetur summae crudelitatis ac impietatis? Quis caeco foveae atque lapsui proximo dextram porrigere cum posset atque a lapsu abducere, occasionem omittens, se ipsum suumque animum a crimine vacuum statuet? Neque iam disputo de eo, qui fecisset maleficium vel alterum submergendo, vel in latrones tanquam casses artibus malis impellendo, vel in foveam praecipitando (quae vitia etiam palpando ab omnibus cognoscuntur), sed de eo, qui vel a fovea, vel ab aqua, vel a latronum manu, vel aliqua prolapsione servare cum posset opera aut consilio, opportunitatem praetermittat rei praeclare gerendae. Hos omnes quis non numero homicidarum numeraverit? Profecto enim non nobis nati sumus tantum. Praeclara est vox illa Christi servatoris nostri, ut, quod placeat nobis, aliis quoque faciamus. Coetus hi et haec domicilia coniuncta docent, nos aliorum commodis servire debere, ut, qui cum hominibus in vitae spiritus et lucis communitate vivamus, cum illis etiam rerum omnium comunione iungamur, earum praesertim, quas sine detrimento nostro, magno autem cum salutis illorum commodo tribuere possimus. Omnino enim non de nihilo illud apud veteres tritum erat vetustate proverbium: *homo homini—deum*. Divina enim haec sunt opera putanda, consilium dare homini vel ignotissimo, opem illi ferre in periculo, rebus subitis illius ac dubiis adesse, iuvare aut opera, aut consilio, aut re. Haec qui homini in extrema necessitate non faciat, cum possit, an eum omni humanitate exutum non putabimus? an domiciliis nostris, foro, congressu non excludemus? Cum igitur nos, qui Reipublicae huius gubernacula tractamus,

simus eo loco constituti, ut subitis casibus interfectionibus ex summa licentia proficiscentibus possimus (quantum in nobis est) supremo supplicio contravenire, ne, quaeso, desimus officio nostro. Omnino cessatio haec infamiam illam habet, delectari nos caedibus, qui graviolem non irrogemus multam, consentire nos, qui non damnemus capitis homicidas; nec certe eius culpa, cuius rei sunt homicidae, possumus ipsi esse insones, siquidem *eadem residet in consentiente poena, quae in faciente.*

Quin igitur facimus, per Deum immortalem, ut quemadmodum hanc Rempublicam in ceteris partibus, quantum possumus, sustinemus cum dignitate, sic et huic medeamur parti, quae ad vitam cuiusque pertinet tuendam. Non illud censeo, quo homicidas e medio tolli aliquando curemus; nobis enim vel non curantibus, vel conniventibus id eveniat aliquando necesse est, Deo optimo maximo ita volente ac iubente. Non sinit numen illud, quod hominem ad suam imaginem effinxit, imaginem suam impune violari. Cessent quantumvis magistratus, evadant homicidae omnium hominum suspensiones ac iudicia, impellentur tamen illi a numine coelesti in casses, unde vitam expedire non possint. Veniet dies multae illius certandae, quae rerum principio homicidis divino oraculo dicta est: ut, qui sanguinem hominis effudisset in terra, eius quoque sanguis effundatur. Illud igitur censeo, ut, quod iusto Dei iudicio certissimum est homicidis aliquando fore, id nos antevertamus decreto et iudicio nostro, ne vel audaciam illorum, poena capitali differenda, corroboremus ad caedes alias, vel parvifacere videamur hominum vitam, quam pecunia solvere permittamus. Nam praeter iniquitatem tantuli praecii, eadem illa multa illud quoque in se non minimi, sed haud scio, an maximi habet incommodi, quod in universum dicta sit omnibus, qui maneant in hac Republica, non tamen nisi a locupletibus pendi possit. Quid enim numerabit pauper, si caedem fecerit? Scilicet luet (et vulgo iactatur) corpore, qui caret numis, subibitque, qui solvendo non sit, ferri crudelitatem aut certe carceribus perpetuis addicetur. Divites porro quid interea? solvent, quod lege

praeceptum est, ac se, in quos illis libitum erit, nova pecunia armabunt. Adeo apud nos diti atque pauperi leges impares esse! Hanc vero legum inaequalitatem tantam quid peperit, praeter pecuniae abusum summum? abusus porro unde natus, quam ex hac pecuniaria lege? qua sine modo grassari nobis fas esse putemus in tot hominum vitas, quot centena marcarum numerare possimus. Sed ex tota hac pecuniae potentia magna unum illud est admiratione dignum, quod legibus etiam apud nos sit cautum, aut certe moribus receptum, iure videri interfectum, cui comminationibus sit prius, ut sibi caveat, praedictum. Hinc vero non iam singulari certamine concurrere, sed non raro utrinque exercitus cogi; hinc expugnationes aedium, hinc et nocentum et innocentum sine discrimine caedes, et quid non mali inde? Hoc vero quid aliud est, quam legibus valere iussis, vim regnare velle? At enim in Republica bene constituta legibus solis locum esse debere, ratio ipsa dictat: vim omnem vel ab omnibus in externum hostem, cum quo nobis legum communitas nulla sit, convertendam, vel ab solo magistratu in eos, qui legum iussis non sint obedientes, exercendam, privatis vero inter se in universum vi omni interdicens; propterea leges latas esse, ut omnes ex iure manum consertum, non ferro rem repetant. Cuperem mehercule eam mihi orationis facultatem dari, qua depingere et ob oculos omnium ponere queam turpitudinem tantae licentiae numorum. Sed quaeso a vobis, ut, quod inopia orationis praestare non possum, vos ipsi cum mentibus vestris consideretis. Quid per Deum immortalem turpius in hac Republica dici, cogitari fingive possit hoc pecuniae abusu infinito? dum hominem interficere non veremur fiducia numorum, dum mortem cui libeat cunque et comminatione praedicere, et gladio tandem audemus offerre, dum nihil tam putamus sanctum, quod non violare, nihil tam munitum, quod regina pecunia non fas sit nobis expugnare. Tenuioribus vero non patere eam licentiam, notum est, proponentibus sibi ob oculos, capitalem poenam ad se haud dubie inopia rei numariae perventuram. O imparem legum rationem, inope constringendo et locuplete, quarum quidem severitatem huic vi

numorum perrumpere, illi vero rerum angustia nullo modo liceat evitare. Cur vero odio tanto tenuiores prosequimur eorumque vitam? an non et ipsi pars sunt generis humani? an solis divitibus usuram lucis huius a Deo datam putamus? Quod si ex aequo Deum utrorumque authorem statuimus, cur non aequè consulimus vitae utrorumque? Satis sit, locupletes aliis rebus praestare paupertati, *mors quidem scelere illata seu a paupere, seu a divite aequis legibus puniatur*. Neque enim magis homicida est, qui pauper occidit hominem atque dives, *neque scelera ex iis, quae cuique aut concessit aut negavit fortuna, aestimanda sunt, sed ex re ipsa atque pessimo cuiusque affectu*. Miserum hercle est fortunae arbitrio, causae et fluxae et mutabili, ea permittere, quae ab intellectu et ratione proficisci deberent. Cur igitur lege, in quam et divites peccant et pauperes, cavetur de ea poena, quam non ex aequo possint pendere divites ac pauperes, quae ab inope repeti non possit, nisi morte commutata, locupletes vero audaciores reddat ad parricidia multa? Neque enim ignoratis, quod omnibus est notissimum, in tanta homicidarum licentia vix unum esse numatum, qui, homicidio semel admissio, ad caedes alias non praecipit feratur, cum interea caedes a paupere facta ita multetur, ut cum vita facultas ei eripiat deinceps interficiendi. Nos vero si non moverent pericula tanta ad poenam capitalem constituendam, timentes tamen iuventuti nostrae, imo cuivis aetati hominum, ne serpat ad eos contagione quadam hoc malum, deberemus sane quamprimum ex finibus naturae humanae homicidas omnes exterminare. Constituerunt veteres *Romani* (quorum tam late olim patebat potestas, ut orbem terrarum prope fuerit complexa) admodum exquisitum supplicium, quod superius dixi in parricidas, ut illi in culeum vivi quidem cum cane, gallo, simia et vipera coniecti in profluentem deferrentur. Timebant homines, magna prudentia praediti, ne si parricidae aut feris obicerentur, aut aliis suppliciis afficerentur, inficerent aut feras contactu suo, aut aërem, quo spiramus, aut alia, quibus vita indiget nostra, elementa. Ideoque iusserunt parricidam in mare proiici, sed tamen, ne inficeret aquam, corio obvolutum

et obligatam. Illi igitur cum et feris timerent, et omnibus elementis, singulare excogitaverunt supplicium; nos non timebimus iuventuti nostrae, quae ab hac maleficorum peste nullo negotio infici possit. Nec enim minus malorum consuetudo officit iuventuti atque prodest bonorum convictus, imo vero in eam aetatem, quae singulariter proclivis sit ad omnem insolentiam, facilius quaeque mala irrepunt, quam bona. Notus est versiculus, quem citat *divus Paulus* ex poeta graeco:

„Corrumpunt bonos mores colloquia prava.“

Ac nos quidem id pluries, quam vellemus, sumus experti. Multi enim exemplis invitati aliorum, quibus impune cessit hominem occidisse, aliorum capitibus insidias struere eosque interficere non dubitarunt. Putant enim iure fieri, quod fit aliorum exemplo.

Adeo autem id mali contagione sua animos occupavit multorum, ut nihil iam magis tritum sit, nihil magis iactetur, quam illud: potius esse occidi adversarium, quam iure cum illo experiri. Nam occisum semel ac pecunia persolutum nihil negotii alicui facessere, a litibus vero fere non desinere litigatorem potentem. Hic igitur est, si diis placet, fructus poenae usitatae, ut multi, iam iure relicto, solam ad vim confugiant. Quae res quorsum tandem sit evasura, non necesse habeo multa dicere. Illud saltem censeo providendum, ne nullus tandem usus sit legum, si quisque pecunia abuti sua in cuiusvis perniciem pergat, neve licentia tanta pariat intolerandam rerum omnium confusionem. Quid enim boni in ea Republica diu poterit esse, ubi nihil non possunt opes ad crudelitatem, inopia nihil omnino valeat ad misericordiam, idque in re communi omnium, nam cui salus sua non aequae grata sit in rerum inopia, atque aliis in opibus summis? Cui vicissim mors non sit perinde extremum malorum in summa egestate, ac alii in vitae splendore rerumque abundantia?

Quod si nunc sistant se nobis, qui ferro enecti vitam ante diem deseruerunt, causamque suam apud nos agere velint, non hac utantur oratione? Et vivis nobis displicuit semper, Sigismunde Rex, vosque, Rempublicam qui cum eo gubernatis, lex

pecuniaria ista, quae pecuniosis hominibus causam dederit nos interficiendi et nunc poenis inferni perpetuo addictis displicet magis, quippe cuius obtentu plerique interfecti veniant ad nos conspectu suo poenam nobis reddentes acerbiorum. Qua in re acerba sane nobis est recordatio et negligentiae vestrae, et temeritatis reclamantium, et avariciae eorum, quibus bono fuit, nos caesos esse. Nec satis mirari possumus, usquequo tandem indormietis huic causae; quos ad fines licentiam hanc numerorum dissolutam vagari permittetis? Nihil ne vos timor Dei, qui potestatem puniendi sontes ad vos transtulerit, nihil misericordia sanguinis nostri quotidie clamantis de terra, nihil miseriae cruciatuque, in quos interfectores detruserunt nos, nihil amicorum lacrimae, qui caede nostra in squalore adhuc versentur, nihil denique hominum proborum hac sanguinis impunitate moerere non desinentium suspicia crebra, movere possunt? Non creditis, Deum, qui potestatem suam vobiscum communicatam voluerit, puniturum hanc vestram cessationem? Etenim ut causam vel dedissemus, ipsi cur interficeremur, vel paricidarum furor sibi invenisset, vos tamen, qui Rempublicam hanc gubernatis, potissimum rei estis caedis omnium nostrum, ut qui non capite sanxeritis humanum caput, cum quidem et Deus, et ratio, et gentes omnes praeiverint vobis voce sua, quomodo homicidas puniretis. Quis vestrum, o nostri occisores, mortis poena sibi proposita, ausus fuisset morte indigna aliquem nostrum trucidare, utcunque victor voti fuisset compos? Equidem, si vitae vos non fuit pertaesum vestrae, nullo modo commisissetis, ut privaretis nos luce hac, cuius adhuc ipsi usuram capitis. Sed cum numati essetis spemque minime dubiam haberetis retinendi vitam vestram, fortunam, honores, Rempublicam, explevistis sanguine nostro odium vestrum maluistisque pecuniae iacturam facere, quam nobiscum iure agere nosque inter vivos ferre. Utinam aliquando vel modice tangant vos, o Rex et qui cum eo estis in senatu, miseriae et supplicia, in quae interfectores isti detruserunt nos imparatos atque a poenitentia vitae perversae alienos. Ad quam quidem poenitentiam redire nobis licuit, dum vitales carpebamus auras,

nunc e vita sublatis redivit est praeclusus omnis. Sed quia miseriae nostrae e vestris mortalium sensibus procul absunt, statuite saltem (quod potestis) ante oculos miseris mortis, quibus indignissime sumus affecti: pars in itinere, alii in penetralibus aedium, quidam inter pocula et epulas (ubi conciliationes amicitiarum fiunt) cruore respersimus mensam, nonnulli ad aras summi Dei, quidam in lectis trucidati. A morte vero et in eam viam ingressi sumus, unde redire non liceat, et in eos cruciatus coniecti, qui diabolo et angelis illius parati sunt ab aeterno. Neque vero praesentes tantum luimus poenas, crescunt ille nobis quotidie hospitem novorum accessione. Argumento vobis sit dives ille epulo Evangelicus, qui poenarum, apud inferos communiione crescentium, metu petebat Abrahamum, curaret ille, ne quis fratrum in ea loca veniret. Quin igitur miseret vos nostri? Non putatis, Deum a vobis requisitum sanguinem nostrum, ob poenam minime idoneam atque ob pecuniae licentiam effusum, qui et Abelis iusti de Cayno contubernali nostro requirebat, et cuiusque hominis de manu bestiarum requisitum se dixit. Per Deum, qui olim iudex in vos sedebit; et in nos, per potestatem hanc a Deo vobis concessam, per cruciatus nostros obsecramus vos, ut oculos aliquando aperiatis ad vindicandum sanguinem nostrum et ad homicidia reprimenda, ne patiamini (quantum in vobis est) orcum novis hospitem, quorum communiione poenae nobis crescant, frequentari, ne afflictis addatis afflictionem. Sin vos nec Dei respectus movet, nec miseriae nostrae, facite vestra ipsorum causa, ut ne vos poenam noxae parem remittendo obstringatis scelere homicidii, neve olim in eas poenas contrudamini, quas negligentiae et torpori vestro impendere nolite dubitare.

Haec quidem occisorum oratio est. Ego redeo ad meam atque, ut ultima contexam cum primis, omnino rerum naturam mihi contemplanti eaque *de talione*, a prudentibus quae prodita sunt, studiose multumque volutanti, non alio magis transferri posse videntur, quam ad homicidium puniendum. Nam quod Christus veteribus in more fuisse testatur, ut dentem redimerent dente, oculum—oculo, et ipse deinde ad legem

eandem alludens, pronunciat fore, ut qua mensura aliis mensi fuerimus, eadem alii remetiantur nobis; id quidem cur ad homicidium accommodare dubitamus? cur oculus oculo, dens dente pensatur, non autem capite caput? Nisi forte dentis ocu-
 lique admissio pluris nobis est, quam capitis atque vitae. Quod si in foro et ad iudicem nemo alicui dicam scribere per-
 mittitur, ex qua quidem ad eum, qui reus fiat, infamia redun-
 det, nisi primum nexu se obliget ad periculum iudicii prae-
 standum atque ad crimen una cum poena in se transferendum; quid tandem in eo foro putamus fieri oportere, ubi non verbis,
 nec legibus, sed ferro dimicatur et gladiis, non fortunae impe-
 tuntur, sed vita et salus, non gladiatores illos nexu perpetuo
 vinctos esse statuemus supremoque supplicio addictos. Audivi
 de homine quodam ordinis nostri atque loci, non ita multis an-
 te annis in conventu Petricoviae habito, ad senatum de hac ipsa
 lege relatam fuisse. Ibi cum sententiis variaretur et alii
 homicidas recepta poena, alii capitali afficiendos censerent,
 factum esse, ut pars maior vicerit meliorem, poenaque usitata
 sit conservata; siquidem plures erant, qui pecunia potius, ut
 olim, quam qui capite anquirendum censerent. Tum autem
 rem narratione eorum, qui in senatu erant, perlatam fuisse ad
 iuvenem quendam nobilissimum, in summa familia natum sum-
 maque fortuna, eum quidem, qui per aetatem nondum veniret
 in senatum, sed esset tamen ad res maximas natus vel ingenii,
 vel imperii, vel virtutis. Eum itaque iuvenem tum extra or-
 dinem ita sententiam dixisse, ut censeret singulorum nomini-
 bus, et qui pecunia et qui capite anquirendum putarent, sepa-
 ratim conscriptis, legem promulgandam esse sententiis utro-
 rumque congruentem, hoc est: ut si quid capiti eorum acci-
 disset, pecunia qui homicidium persolvi censerent, pecunia
 multaretur homicida; sin eorum, qui capite caput redimendum
 vellent, capitis damnaretur, qui interfecisset (*). Egregia ve-

---

(*) Haec magnificus D. Erasmus a Kretkow, Castellanus Bresten-
 sis, narrabat, dixisse serenissimum principem et dominum Sigismundum
 Augustum, Regem Poloniae, in conventu Petricoviae anno Christi 1538
 habito, cum quidem Rex annos fere XVI natus erat.

ro et hoc iuvene digna sententia, quae declarat, illum non tam prudentia duce, quae ab illa aetate ob rerum imperitiam est remotior, quam ingenio et vi illa ingenita acumineque ad secreta tum naturae, tum legum penetrasse vidisseque, nihil hominum vitae conservandae magis appositum esse, quam si capite caput pensetur, neque facilius fore, ut eorum, in quibus huius rei potestas est sita, in unum congruant sententiae, quam si semel promulgetur, uniuscuiusque capiti, vel si per omnes ordines suffragia viritim ire oporteat (id, quod in re tanti momenti, senatu et equitibus inter se discordibus, fuerit necesse) uniuscuiusque, inquam, capiti pro sententiae, quam dixisset, ratione legem esse ponendam. Profecto aut ego fallor, aut nemo sanus esset, qui caput suum ipsius pecunia aestimari vellet, cessarentque contentiones partium magis, quam Reipublicae studio a multis susceptae. O Deus, qui hanc Rempublicam servas, serva nobis hunc iuvenem in patrias crescentem artes. Da illi mentem cum ad eas res tractandas, quibus tenere possit clavum imperii in tanto cursu ac fluctibus, tum ad voluntatem eius legis perferendae, quae et a viris prudentibus rerumpublicarum firmamentum merito putatur, et ab ipso ante tot annos plus quam pro aetate talis iudicata est, in qua vigere imprimis aequum sit *Rhadamanti* vetus verbum, cum ita definit iustam:

„Iusta malis haec admissio pro crimine poena est:
Si quae fecerunt, eadem patiantur et ipsi.“

Iam quod homines quidam docti, poenam usitatam defendentes, non aestimationem capitis pecuniam, sed poenam caesi hominis constitutam esse contendunt, argute illi quidem, et ad rem suam perquam apposite, si modo in haec essent omnia. Verum cum toties ostenderit, poenam sceleri parem, si qua in re alia, certe homicidio puniendo esse debere, deinde *aequum esse in ea Republica capitis damnari homicidas, ubi leviora multo delicta capite luantur*; existimo orationem illam, inter aestimationem et poenam discrimen constituentem, non tanti hic esse, ut aliquid momenti facere possit ad sententiam nostram infirmandam. Neque vero metuendam nobis puto inconstantiae reprehensionem legibus mutandis. Quis est enim,

qui in rebus vel malis, vel parum consultis laudandam in aliquo putet in una sententia perpetuam permansionem? Quis ignorat, in Republica nostra pro rerum temporumque varietate saepius leges mutatas? Quis denique tam peregrinus est in hac Republica, quin compertum habeat, poenam homicidii aliquoties mutatam esse et exacerbata? *Athèniensium civitas* prudentissima, cum videret, legibus *Draconis* etiam laevia delicta poenis capitalibus puniri, indignum existimans, hominem qualibet levi causa vita privari, abrogare illas non dubitavit, eadem haud dubie factura, ut poenam alicui delicto debitam, si res poscat, exaceret atque exacerbaret. Quid multa? Ego sane si in ea republica essem, ubi homines cum ad bonum proclives ac sponte currentes, tum vero ab omni facinore abhorrentes viderem, certe ibi aut nullas, aut quam levissimas poenas disciplinae causa proponendas putarem. At in ea Republica quis dubitet, quin legibus et poenis severioribus opus sit, ubi quotidie videmus in peius ruere omnia seu quadam peccantium conspiratione? Facessant igitur a nobis *Stoica illa decreta*, quamlibet legum perpetuitatem sine discrimine comprobantia ad homines ociosos. Nobis certe, qui in rebus gerendis tanquam in acie versamur, non sit indecorum vel mala bonis commutare, vel bona reddere meliora, vel poenis severioribus castigare ac reprimere malitiam hominum succrescentem. Ac ne illud quidem pertimescendum est, nos hac poena famam crudelitatis subire oportere. Quae enim potest esse in peste ex finibus nostris propellenda crudelitas? Quis ovem morbidam de grege suo, quis membrum vitiosum contagionis prohibendae causa resecans de corpore suo arguitur crudelitatis? cuius quidem vitandae causa si ab homicida necando abstinendum sit, cur non etiam a fure suspendendo? nisi forte vel huius crimen maius est, quam illius; vel non eiusdem crudelitatis est fune cuius gladio vitam abrumpere. Ne igitur peste hac tanquam civitatis struma execanda, culpam crudelitatis suscipi putatote. Imo vero ita vobis vehementer persuasum velim, magis nos in patriam crudeles esse, cum vitam hominum parum iusta vindicamus poena, quam humanos atque lenes in ho-

micidam, cum vitam illi donamus, cuius quidem homicidae gladius cum semel scelere imbutus foret, penetravit scelus illud, remissione poenae, ad animum et medullas ossium, sitque, ut sceleratior sit multo homicida, quam futurus erat, si actutum e medio fuisset sublatus. Proinde Deus, ut pestem hanc de finibus naturae humanae extirparet, nihil metuens famam crudelitatis, uno verbo edicere non dubitavit, ut qui sanguinem hominis effudisset, eius quoque sanguis effundatur.

Sed me imprimis oratio commovet nationis equestris fortium virorum, a quibus sic nobis occurritur, quasi severitate hac in homicidas exigenda, vel in longitudinem parum consulamus, vel exercitationem armorum omnino sublata velimus. Quis, inquit, vel armorum praesidio instruet se, vel equos nobiliores alere volet, si domesticae exercitationes istae poenae severitate prorsus auserunt? nec enim obscurum esse, omnes fere pacis amantes, utcumque dites sint et auro opulenti, inopia tamen illos laborare tum equorum, tum armorum; contra homines haud quidem magna cum re, sed tamen inimicitias exercentes, dum ob poenae facilitatem iniurias ulcisci conantur, et ab equis egregiis, et ab armis esse paratissimos. Videas, eos tanquam in excubiis perpetuo versari, non illos inire epulas, non vino indulgere, non stratis uti mollibus, sed tanquam in bello ad omnia semper esse intentos; eat quis praeter aedes cursu incitatore, pulset ostium insolentius, edat vocem paulo altiore, extemplo eos ad omne momentum esse paratos. Stat equus ad pugna sella instratus, eques ipse semper ocreatus, gladio et armis cinctus. Haec vero exercitatio quantum ad bella proficiat, facile existimari posse, si quis ad belli illius memoriam, quod ad *Bucovinam* a maioribus nostris cum *Valachis* gestum est, animum converterit. Ante illud enim bellum quiete usi erant diuturna maiores nostri ac (ut sit rebus secundis et tranquillis) luxui et voluptatibus sese dediderant armorumque curam adeo abiecerant, ut et galeis ad pullos educendos abuterentur, et reliqua arma in vomeres constarent. Itaque, cum et vacatione militiae diuturna et armorum inter se domesticorum intermissione, essent inepti ad bellum, adduxerant se et

suam existimationem, multo patrum suorum sudore et sanguine collectam, in discrimen magnum, cedere enim coacti sunt ei hosti, qui semper patribus eorum cedere cogeatur. Quis igitur, inquiunt, non potius ferendam putet et hanc poenam pecuniariam, et has denunciationes hostilitatis longo usu apud nos receptas, quarum obtentu iuventus se tanquam prolusionibus exerceat ad bella in hostem externum? non enim sinunt nos haec proelia domestica ocio torpere, non somno et voluptati operam dare, assuefaciunt iuventutem nostram ad laborem, docent equis et armis optime uti, adoriri hostem et caedere; unde tantum fieri, ut non veluti ex umbris, sed ex magna exercitii schola in aciem, cum opus est, progrediantur.

Haec fere est oratio equitum. Quibus ne ansam relinquamus, neve intercedendi sententiae nostrae, neve militaris exercitationis ac usus abiiciendi, opere pretium fuerit *de moribus aliarum nationum, quos vidi ipse et memoriae mandavi, narrare.* Neque enim exteri populi propterea, quod capite puniant caput, putandi sunt, armorum curam, dum pace domi utantur, abiecisse, imo vero nulla tempora, quantumvis quieta, sinunt vacua esse ab ea exercitatione, quae animos illorum instruat ad proelia et ad seriam armorum tractationem. Habent civitates singulae annis singulis certos et statos dies, quibus ex omni vicinia homines in unum confluent locum, seque magistratui, quisque pro virili parte, tanquam ad bellum ituri, cum equis et armis omnis generis recensendos sistunt, ludos instituunt, bellicis et instrumentis variis, non quidem ad vulnus, sed ad speciem certamina miscent. Pars dimicant gladiis, alii contento arcu in scopum iaculantur, quidam balistarum bombardarumque excusibus certant, nonnulli singulari certamine concurrunt hastis. Sunt, qui tanquam proelium commissuri, manu utrinque facta, acies instruant, invicem congregiantur et ipsas acies pro re et loco vel sistant vel convertant. Interea seniores exercitum omnem lustrant, tabulas recensio- nis quotannis conficiunt, capita conferunt vel de ratione belli, ubi facto opus esset, gerendi vel de sumptu sustinendo. Nec desunt iunioribus exercitationes aliae, quorum partim cursu,

partim saltu certant, partim exercent membra palaestris, partim hastarum coniectu ac missili telo. Plerique id faciunt sponsonibus factis, nonnulli ad benevolentiam inter se comparandam. Atque ita et animos recreant, et hac exercitacione animosiores ad seria certamina redduntur. Hunc quidem modum exercitacionis quis non merito laudet? cum non fiat nec cum vitae humanae profusione, nec cum legis divinae violacione, sed animos iuventutis praeparet, ne si quando eundem sit in hostem, perhorrescant vel armorum, vel vulnerum, vel sanguinis conspectu. Fit enim, nescio quo modo, ut homines in umbra educati primo gladii aspectu, dum stringitur, dum micat, de statu animi subito deiiciantur. Contra vero, quis christianum se professus, exercitacionem istam apud nos receptam et vitae mortalium inimicam et divinis iussis repugnantem non velit extinctam? Non est, equites, non est, ut aliquis vestrum speret, ad pugnam et bellum animum fortem se allaturum ab impia ista exercitacione cum scelere coniuncta. Sequitur enim hominem ipsum scelus suum, conscientia maleficii pungit et mordet, accusat lex Dei violata, mors terret, poenae inferni impendent, ultio Dei omni ex parte instat. Deo vero inlenso, qui sperare possis vel fortem animum in hostem, vel felicem exitum pugnae tuae? Velim, mihi variis casibus iactato, in acie saepe versato credatis, equites, nihil in periculis adeundis animos meos vel erexisse magis, quam recordationem rerum cum virtute a me gestarum, vel retardasse, quam si quid insolentius et praeter officium a me gestum meminissem; observabantur ob oculos meos ea, quae temere unquam, turbulenter aut contra officium fecissem dixissemve. Eaque animo meo maiorem terrorem incutiebant, quam gladii omnes et plurima mortis imago. Haec ego expertus verissime vobis narro, equites, quae haud dubie plurimi vestrum sunt experti et qui non estis in acie versati, olim experiemini. Quis igitur, nisi a Christi religione prorsus remotus, non praeferat exercitacionem illam, quam dixi, exterarum gentium huic nostrae, quae caede hominum constat et carnificina? Graviter sane mihi quidem dixisse videtur *divus Paulus*, cum negat, facienda esse mala, u t

bona eveniant (*Rom. 3*). Itaque, ut rem facere nemini non licet labore bonisque artibus, non autem furtis aut rapina, ut liberis operam dare omnibus permittitur, sed matrimonii thoro sancto, non autem stupris aut adulteriis, ita nequaquam animi ad aciem praeparandi sunt caedibus domesticis et carnificina, sed honesta potius et legitima exercitatione.

Sed spero, me iam satis fecisse equitum quaestioni. Spero etiam, de poena capitali in homicidas constituenda satis a me dictum. Finem igitur faciam dicendi, si addidero, illud quoque ex republica esse, ut poena constituta lege etiam caveatur *de temporis, quo interfici homicidam liceat, ratione*. Cum enim in causae cuiusque cognitione, tum vero ubi de capite hominis agitur, cavendum est a caeca properatione, sit enim persaepe, ut, penes quem est potestas, ira aliave subita animi perturbatione feratur praeceps, quo non oporteat. *Theodosius, populi Romani imperator*, lege rogatu *divi Ambrosii* lata edixit, ut post mandata principis per triginta dies supplicia extrabantur (*). Hi, si cui videbuntur iusti dies esse supplicio sumendo, in eius sententiam facile discessero, neque tamen impedio, quominus vel pauciores sint, vel plures, modo intra eos legitima cognitio sceleris fieri possit, ut ne poena ira ab homicida aut alia perversa cupiditate, sed iusticia sola expetita esse videatur.

Sed de hac temporis ratione facilis spero erit consensus, modo concorditer de ea poena dicamus, ad quam et lex divina consentit, et Romana, et multarum gentium. Illi igitur sententiae, a generosissimo iuvene olim extra ordinem dictae, acclamandum prorsus censeo: *homicidiumque cogitatum ac sponte ab homine privato commissum capitali noxae deinceps habendum*. Ad eam rem cum nos et officii nostri ratio, et populorum desideria diuturna, et homicidia temporis praeteriti per numerorum abusum commissa, et Reipublicae tranquillitas atque salus, et ius atque acquitas cohortentur, deinde cum periculorum magnitudo et perditorum hominum in genus mortalium sine mo-

(*) In tripartita historia lib. 9, cap. 30 et C, tit. de poenis l. si vindicari.

do grassantium licentia summa cogat plane et compellat, quid tandem, quaeso, excusationis possimus afferre, quamobrem sanguinariis istis sanguinario edicto non velimus (quoad eius fieri possit) ereptam licentiam hanc interficiendi? An quod res (quod vulgo dici audio) partim senatu discorde, partim nobilitate dissentiente, facultatem minus habere possit? Ego vero in re tanti momenti subscribendum censeo sententiae iuvenis illius, quam prius dixi, ut, nisi res aliter teneri possit, promulgetur, omnium ordinum sententiis viritim rogatis, uniuscuiusque capiti pro ratione sententiae, quam dixisset, legem esse perferendam. Profecto neminem fore credo, qui mortalem cum se recogitaverit atque adeo obnoxium neci expositumque velit suum ipsius caput pecunia solvi. Sed non dubito, quin multis partibus plures sint, qui studio Reipublicae ea quidem in re, in qua salus hominum versetur, in sententiam nostram sint ituri, ut deinde vel sententiis numeratis lex figatur et sanciantur secundum hanc partem, quae et numero praestet et pondere. Quid enim severius convenit punire: vitam an res furtim ablatas? templorum Dei atque regiarum violatores an hominum ad Dei immortalis divinitatem proxime accedentium interfectores? Quod si *legibus Romanis* conatus etiam hominem interficiendi argumentis certis deprehensus capite plectatur, quam tandem putamus poenam homicidae comparandam? Obsecrant id inopes, ut, cum imparati sint a pecunia, aequam secum perferant poenam ob scelus simile homines numati. Optant probi omnes, ne tam vili salutem habeamus humanam, ut eam numis quamlibet multis velimus venditam. Denique, obsecrat Respublica ipsa, ut, quam a maioribus nostris integram pulcherrimamque recepimus atque ad hunc diem consiliis salubribus conservavimus, eam in hoc flore heredibus relinquamus nostris, licentia hac ex numerorum abusu homicidarum compressa. Quem putamus unum in plures homicidiorum poenas, quamlibet, quod centena marcarum numerare poterit, quotque annos singulis homicidiis destinaverit. Quae igitur malum ista stultitia est non eam persequi poenam, quae persoluta semel omnem in perpetuum auferat potestatem hominis occidendi,

prae illa, quae immaniores homines reddat atque ad caedes faciat audaciores? Confirmant hanc poenam coelestia oracula, confirmant multarum gentium mores ac consuetudines, comprobant ipsi exitus atque exempla omnium aetatum, in homicidas divinitus edita, cessante ab officio magistratu. Quae ipsa quidem talia sunt per se, ut etiam si nihil praeterea congrueret, tamen ipsorum inter se consensio summa gravissimum praeiudicii pondus et instar ad poenam capitalem indicendam habere videatur. Cum vero cum ipsis exemplis consentiant leges multorum populorum nobisque clarissima praeaeant voce, an adhuc dubitamus, quid sequamur? Addam illud, nescio quam recte, sed tamen, quia non raro accidit, addam, multos occisorum cognatos eiusmodi esse, ut cum indignum statuunt ob sanguinis communionem sanguinem propinquorum suorum precio aestimari, prorsus abhorreant a poena pecuniaria ab homicidis repetenda. Itaque, cessante magistratu a poena capitali, gladio ipsi ulciscuntur caedem suorum saepeque manu coacta utrinque concurrentes, magnas edunt strages, unius hominis caput ulciscendo. Hi an non hoc veluti praeiudicio significent, quid velint constitui a magistratu? An igitur pecuniis tantum adhuc licentiae permittemus, ut in homines dominentur, ut sine modo grassentur in eorum vitam? an iudicia hominum iamdiu poenam flagitio parem exspectantium contemnemus? an nostra et populorum salute tegenda non movebimur? an non tangemur magnitudine periculorum? an Reipublicae laborantis querelas et obsecrationum procellas diutius feremus. Minime vero istuc quidem. Non id esset clementiae regis, qui pater patriae, totius, inquam, patriae pater et sit et nominetur, non auctoritatis senatus ad totius Reipublicae salutem constitutae, non ordinis equestris, qui cum memoria virtutis avitae in Republica polleant, non sane vel maioribus suis digni viderentur, vel ad heredes veram nobilitatem transmitterent, si ad perdendum pecunia genus mortalium consentirent, non denique populorum religionem Christi profitentium, quos cum princeps suus sanguine mercatus sit suo, ex aequo quidem omnes, an non indignissimum fuerit, mercem tam magno con-

stantem tantillo aestimari? Quid igitur agimus, Rex inclyte et vos senatores clarissimi? quid cunctamur, equites fortissimi et vos optimi viri omnium ordinum? non adhuc propulsamus pericula tanta? Homines innocentes occiduntur; abstrahuntur ferro viri ab uxoribus, parentes a filiorum complexu, filii a haritate parentum; planctu ac maerore propinquorum non domus, non viae, non templa vacua sunt; foedantur sanguine postes et foci, polluuntur itinera; comminationibus et caedibus inde ortis agri et totae provinciae refertae sunt; leges conculcantur; vis regnat et pecunia. Quid igitur agimus? an homicidiis locum adhuc relinquemus in Republica nostra atque in numero hominum? Videte, ne nullus tandem Reipublicae sit locus, ubi tantae illorum licentiae locus erit. Curate, ut dolorem, quo animi hominum iam pridem ardent, magis severitate aversionis exstinguamus, quam praepostera lenitate inflammemus, ut commemoratio nominis nostri magis in amore et laude hominum versetur, quam in moerore et fletu. Providete, ne tenuiorum hominum lacrimae et gemitus magis nobis irae divinae severitatem imprecentur, quam benignitatis illius clementiam. Verum enim turpissimum nobis est non cogitare, quid preces supplicum valeant apud illum iudicem, ad cuius tribunal brevi nos sisti oportet. A te ille, o Rex, et a nobis, qui ad gubernacula Reipublicae sedemus, repositum rationem sanguinis per scelus effusi omnium populorum ditionis nostrae. Nos sumus, qui interficiamus homines, qui parum iuste puniamus interfectores, qui tantam pecuniae licentiam permittamus. Ac ne illud quidem in nobis est, ut respectum aliquem habeamus vel adolescentis huius nobilissimi, cui sceptrum regni commisimus summo ordinum consensu, vel minorum nostrorum, quos in locis nostris consiliarios illi relinquimus. Quid enim putatis, illos, cum Rempubicam tenebunt, iudicatuos de poena ista usitata? Nolite putare, ut imitentur hanc nostram nationem. Quo enim sermones isti, poenam receptam elevantes, qui iam vulgo habentur ab illis? quibus certe iuvenis ille studio poenae severioris praecurrisse putandus est. Erumpent tandem, credite mihi, quae nunc latent, illorum senten-

tiae in actum, consociabunt se cum principe illa voce, legem in aes incident a nobis neglectam, statuent poenam scelere dignam, salutem populorum melius tuebuntur. In summa, illas nobis a minoribus nostris tacite (cum libere loqui non audent) conditiones ferri putemus, ut aut illorum sententiam praevertamus, dum rerum potimur, edicto nostro, aut certe ipsi, dum potestatem habebunt, notam summae negligentiae ac officii deserti in hominum caede vindicanda manibus ac cineribus nostris iniurent, poena capitali surrogata. Nunc potestas nostra est, utram velimus, ut accipiamus, conditionem. Ego quidem laboribus infinitis et itinerum, et bellorum, et negotiorum, ut scitis, cum periculis coniunctorum, fractus, corpore ac viribus defectus, videre mihi videor diem iamiam adventantem, quo mihi sit ex hac vita migrandum; itaque gaudeo, occasionem nunc mihi datam de hac lege loquendi, ut priusquam imperator ille summus Deus de hac vita et Reipublicae statione me discedere iusserit, declaratum apud vos, Remque istam publicam voce mea ac testatum relinquam, quid senserim, qui de tuenda hominum vita sensus meus et status fuerit, quod meum studium, quae voluntas. De qua voluntate mea et Republica gesta video mihi paucis diebus rationem dandam ante terribile illud tribunal iudicis summi. Vos videritis, quid, eo cum eritis citati, possitis pro se quisque respondere.

Sed iam fessus sum dicendo; utinam vero non frustra sit hoc a me factum. Sic igitur brevi habete; si fecerimus concorditer, quae dixi de homicidis e medio tollendis, et Deus optimus maximus augebit Rempublicam nostram ornabitque, in qua scilicet tanti fuerit imago illius, quanti merito fieri debet, et animos populorum nostrorum sic nobis hac re conciliabimus ad benevolentiam ut qua maxime et pace domi constituta, paratiores erimus adversus externum hostem, et hanc Rempublicam trademus florentem heredibus filiisque nostris, et cum dies ille supremus unicuique nostrum illucescet, gaudebimus praeclaro hoc facinore atque Republica recte et ex Dei sententia administrata. Dixi.

PHILALETES.

Antiquis constitutionibus praedecessorum nostrorum innitentes et subditorum nostrorum petitionibus permoti decernimus, ut cives et plebei, secundum statutorum prohibitionem, bona haereditaria terrestria deinceps non emant, et inscriptiones, quae in iudiciis terrestribus illis super haec facta fuerint, sint ipso facto nullae; iudex vero, inscriptionem admittens, poenam centum marcarum incurrat ab eo ex officio exigendam.

Bona autem, quae hactenus cives ipsi possederunt et possident, tenebuntur infra tempus quatuor annorum, illa cuicumque voluerint nobili et indigenae Regni vendere, sub amissione eorundem honorum, quae modo praemisso per nos vendi et pecuniae pro defensione Regni converti debebunt. Ita tamen, quod ea bona, ad hunc modum vendita, poterint proximiores eorum nobilium, qui ea vendiderunt et alienaverunt, pro eadem summa, pro qua vendita erant, intra annum a tempore venditionis factae redimere. Hoc tamen extendi non debet ad civitates et communitates earundem: quae bona haereditaria terrestria, vigore privilegiorum antiquorum, in commune obtinent, secus de privilegiis, quae ante statutum Ioannis Alberti Regis concessa sunt.

Statutum Sigismundi I Regis in conventu generali Petricoviensi an. 1538. Vol. leg. I. 526.

ORATIO PHILALETIS PERIPATETICI
IN SENATULO HOMINUM SCHOLASTICORUM
DE DECRETO CONVENTUS,
quo pagi civibus adimi permittuntur.

Habita MDXLIII Calendis Aprilis.

Etsi nobis potestas sententiae in senatu dicendae non est, tamen in senatulo hoc nostro, ut de rebus humanis omnibus, ita etiam de senatusconsultis, in hoc conventu Reipublicae factis, puto licere nobis disputare. Hoc enim certe officii nostri est, ut cum Respublica nos erudiendos bonis disciplinis curaverit, eruamus semper ex iis disciplinis aliquid, quo praeclaras actiones commendemus, reprehendamus autem improbe facta. Saepe olitor, ut est in veteri proverbio, opportuna locutus est. Quo magis anniti nos oportet, ut literis, in quibus versamur, adiuti de Republica deque actionibus humanis omnibus disputemus. Sed alias de rebus aliis, nunc de eo decreto, quod senatus et equitum consensu a rege latum est: ne cui civium liceat deinceps pagos adipisci, quos vero olim adepti essent, eos vendi oportere,—dicamus sententias.

Quod quidem decretum importunitate et odio in oppidanis nobilitatis factum esse videtur. Tametsi autem multi nostrum sunt partim huius, partim illius ordinis, tamen nos, qui sumus ad veritatem docti et instituti, decet absque ulla animi perturbatione abque amore vel odio in hunc vel in illum ordinem

disputare de actionibus illorum; non debent nos affectiones trahere in utramlibet partem, sed disputando colloquendoque sequamur veritatem ducem usurpemusque illud ab *Aristotele* nostro contra *Platonem*, magistrum suum, disputante gravissime dictum: *amicus quidem Plato, amica veritas, sed praeclarum est pluris aestimari veritatem.* Ego itaque etsi parente utroque nobili natus sim, tamen cum incredibili veritatis investigandae studio tenear, sic dicam sententiam meam, ut non aliter dicerem, si in coetu deorum dicendum mihi esset, praesente quidem illo summo Deo, qui mentes hominum cernit, qui renes scrutatur et corda. Sic igitur dico meo loco, *decretum illud conventus periniquum esse, contra rationem contraque iura divina et humana scriptum.* Ut enim partem illam decreti praeteream, qua dicitur, non licere civibus pagos deinceps emendo adipisci, quae tandem probabilis afferri causa possit, cur cives inviti et nolentes cogantur cedere possessione pagorum vel avitorum, vel iuste emptorum, quorum et possessionem multos annos usurpassent et culturam exercuissent? Ratio id et aequitas negat, ut aliquis in republica legibus constituta cedere cogatur re sua, quam iure et legibus, quam precio, quam a maioribus relictam adeptus esset. Quis enim finis unquam contractuum erit in rebus humanis, si res emptas, publice ad tabulas et solenniter confectas, a maioribus hereditatis nomine relictas, oporteat bonae fidei possessorem alterius arbitrio, quoties ille vellet et ut vellet, permittere? Quid apud nos leges valebunt, quid consuetudines iudiciorum, si quae iure confecta sunt, ea rescindantur? libidini equitum permittantur? si multorum annorum aut etiam seculorum possessiones moveantur? Quid illae legum praescriptiones, quid usucapiones a iurisperitis decantatae? Qui quidem iurisperiti, ne dominia rerum essent incerta, continuatione possessionis ac temporis lege definiti, eadem illa dominia acquiri et in perpetuum stabiliri pronunciarunt. Quod pondus verborum erit et formularum, quae quidem in iudiciis maxime semper excellabant, cum ita venditor ad tabulas publicas dicebat: *cedo possessione pagi mei Socrati, qui numeravit mihi, quantum volebam, do illi possessionem, trans-*

fero in illum ius et dominium spondeoque, neminem cum illo de ea hereditate acturum; sin aliquem agere contigerit, damnum omne praestabo. Haec verba emptionum solennia sunt in iudiciis. Quae si iam vim non habent suam, quid aliud leges sunt nostrae, quam telae aranearum? Iam quid praedari est, si hoc non est eripere homini nolenti rem suam? certe non latrones tantum in agris depraedantur hominem, cum res eripiunt, sed quisquis rem meam me invito seu precio, seu gratis conetur a me alienare, is mihi profecto praedo erit. Neque verba *Esariae prophetae*, cum dicit cap. 33: *vae, qui praedaris; vae, qui spernis*, ad latrones tantum pertinere intelligenda sunt, sed ad omnes, qui rem alienam invito domino alio transferre conantur. Itaque etiam coniunxit una praedones et contemptores aliorum, ut notare et plane digito monstrare videatur eos, qui odio et contemptu res alienas ereptas velint. Et in aliis quidem rebus publicis licet in universum omnibus rem suam honestis modis meliorem reddere, licet iuste acquirere. Itaque dolendum est, nostram Rempublicam non velle in hoc aliarum similem esse; dolendum est, emptiones et possessiones, quae tempore longo ratae erant, irritas fieri, consuetudines iudiciorum solennes importunitate quorundam labefactari, leges de illis multis seculis observatas non aliud iam esse, quam vel ceram flexibilem in utramque partem, vel telam aranearum, quam liceat robustis istis, quoties libeat, perrumpere. Quorsum igitur decreta *Aristotelis* nostri, qui hominem non sinit imperare, sed rationem? quam quidem rationem legum ferendarum vult esse causam et fontem. Ea enim ubi non regnet, ibi principem in tyrannum degenerare et ex republica fieri barbariem et immanitatem, hinc factiones fieri et interfectiones.

Plenae sunt historiae exemplorum. Meministis *Demetrii Phalerei* in exilium acti et *Agidis Lacedaemonii* necati, et nostra memoria *Christierni Dani*, qui tulit tandem tyrannidis suae coelitus immissas poenas, regia maiestate prorsus indignas. Haud scio, an in hunc numerum referendus sit *Ludovicus, rex Hungarorum* nobilissimus, quem ego quidem innocentissimum fuisse iudico. Sed rex erat non tantum eorum, quae deliquis-

set ipse, poena illi luenda erat, sed eorum etiam, quae eo conivente nequiter alii fecissent. Tantam ferunt eo rege licentiam equitum fuisse in Hungaria, ut nihil plane eis non liceret, quod modo liberet, bonis alienis insidiabantur; ex alieno, quantum libebat, nullo dato precio, usurpabant, in praedia aliena invadabant. Id si verum est (nam ego quidem praeter auditum nihil habeo), quid mirum est, Ludovicum et infeliciter contra Turcas pugnasse, qui nesciret contra suorum vitia pugnare, nec paulo infeliciter mortem occubuisse. Non enim in pugna occidit, ut solent milites non ignavi, sed, ut ferunt, in paludibus quibusdam sine vulnere, quod in acie versantibus solet esse gloriosum, sine ulla vel amicorum vel conscientiae regalis officii consolatione, sine honore sepulturae, sine sepulcri religione. Et adeo mors illius obscura erat, ut nemo ad hunc diem pro certo affirmare ausit, quo in loco et quo mortis genere perierit. Quae quidem mors illius quantum malorum invexerit orbi, quis est, qui ignoret? Hoc exemplum, velim, proponant sibi reges et quicumque sunt cum potestate, considerent et vitam Ludovici in re omni dissolutiorem, et regii officii munus non satis ab illo praestitum. Hanc vero vitam hunc officii neglectum, quam putas, mortem sequi debuisse? Sed tamen mitior erat exitus vitae Ludovici.

Quam vero horribiles fuerint eorum, qui non tantum officii deserti fuerunt rei, sed ipsi quoque vel tyrannidem exercuerunt, vel decretis suis probaverunt, et exempla, quae prius dixi, satis demonstrant, et illud omnium maxime, quod *in sacra regum historia de Achabo rege et Nabotho* habetur (3. Reg. 21); quae cum mire quadret et apposita sit, ad sermonem institutum non sit ineptum paucis eam hic perstrinxisse. Vidit Achab rex vineam Nabothi, aedibus et fundo suo vicinam et adhaerentem. Eam igitur propter vicinitatem habere optat a subdito suo. Nec tamen vi utitur eripienda illa, sed vel meliorem vineam vel precium iustum daturum se confirmat et pollicetur. Non iniustae proponebantur conditiones Nabotho, si vineam vel vendere vel permutare voluisset. Ad quod quidem faciendum cum ipsa aequitas, tum gratia regis sui poterat eum ad-

hortari. Verum cum vinea sibi carior esset, recusat eam regi postulanti; deprecatur etiam, ut quam a maioribus hereditariam accepisset, eam cum bona regis gratia possit retinere. Offensus est rex re non exorata pergraviter usque adeo quidem, ut prae animi impotentia furibundus se in lectum proiceret, faciem ad parietem converteret, a cibo prorsus abstineret. Verum uxor a moerore regem revocare conatur ac vinea sua opera illi pollicetur. Effecit igitur uxor primum, ut, falsis subornatis testibus, Naboth a iudicibus occideretur; deinde, ut rex vinea potiretur. O rem miseram et calamitosam! O reginam crudelissimam! Rex hoc intelligit. Iudices vident et tamen falsos admittunt testes, occidunt innocentem. Rex in sinu tacito gaudet, ponit pedem in possessionem vineae tantopere concupitae. Tum vero Deus, qui dolorem oppressorum, caedes et iniurias ulciscitur, poenam Achabo, uxori, filiis et universae eius posteritati per prophetam denunciavit, quae brevi postea subsecuta est (3. Reg. 22.—4. Reg. 9 et 10). Nam et Achab, telo, incertum a quopiam emisso, vulneratus, interiit canesque sanguinem eius lixerunt, et uxor illius ex loco superiore praecipitata sanguine parietem conspersit equorumque unguis conculcata et a canibus devorata est, et septuaginta eius filii gladio interfecti, et omnes illius optimates noti et sacerdotes deleti sunt ita, ut nemo vel filiorum, vel amicorum Achabi superstes esset. Tanta severitate usus est Dominus, caede et iniuria Nabothi ulciscenda, ut et posteritatem Achabi omnem e numero viventium abstulerit, et omnes consiliarios illius, optimates et sacerdotes, qui vel consultores erant rei pessimae, vel regem pro munere officii sui a tyrannide non dehortabantur. Quanto praeclarius ille omni posteritatis memoria dignus *Aratus, princeps Sicyoniorum*, qui non tantum non permisit possessiones aliorum eripi, sed cum quidam praetenderent, iuris se aliquid habere in illas, maluit petitoribus pecunia satisfieri, quam eripi possessiones, multorum spacio annorum usurpatas.

Sed nota est historia omnibus; itaque nihil attinet eam pluribus prosequi verbis. Meministis autem socii *morem scho-*

larum veterem anteaactorum temporum, quem hodie *in scholis Germanorum* quibusdam audio renovatum, pueros singulis die-
rum hebdomadis iudicia, paedagogo praesente, solitos fuisse
exercere. Legebatur ex pueris iudex, ad certa tempora hoc
munus obiturus, addebantur illi, qui in consilio cum eo essent,
ad eos pueri deferabant quaslibet iniurias, reos accusabant,
condemnari petebant. Iudex vero audita re et omnibus ad
recte indicandum cognitis vel damnabat, vel absolvebat accu-
satum pro rei qualitate, sed tamen, si quid contra aequitatem
iudicasset, non id ferebat impune, siquidem paedagogus et vir-
ga iudicem castigabat et docebat rectius iudicare. Cum ad
hunc modum *in schola Persiae* quadam munus et insigne iudicis
inter pueros in orbem iret, accidit, ut *Cyrus* puer (qui postea
Asiae toti imperabat) suo loco iudicis officio fungeretur. Ad
hunc puer statura procerior, sed veste utens brevior accusa-
vit puerum statura minorem, sed veste longiore utentem, pe-
tens vestem longiorem sibi adiudicari, suam vero minorem mi-
nori. *Cyrus* iudex, parte exaudita utraque, sententiam dixit
secundum puerum maiorem, vestes inter pueros, minore qui-
dem invito, commutavit; idque aequum esse pronunciavit, ut
pares paria habeant utanturque grandiores vestitu longiore,
minores brevior. Et *Cyrus* quidem ad hunc modum. At ma-
gister quaestione de iudicio illo habita et *Cyrum* castigavit, et
eius sententiam retractavit docuitque, non ex propriis alterius
rebus incommoda nostra sarcienda esse. Neque illud, ut pares
paria habeant, locum habere, nisi in iis rebus, quae ex com-
muni bono distribuuntur multis, ubi pro ratione meritorum,
virtutis, doctrinae et prout quisque ad res aliquas appositus sit
gerendas, singula singulis distribui par est. Caeterum ex re-
bus privatis alicuius hoc fieri minime licere neminemque co-
gendum esse, ut nolens alteri rem tradat suam. Suntne equi-
tum nostrorum facta atque postulata illi iudicio *Cyri* non si-
millima, cum illi, opinione proceritatis suae imbuti, oppida-
norum tanquam minorum pagos pecuniis suis, veluti vestes mi-
nores maioribus, ex lege nuper nata conantur commutare? Cui
quidem legi utcunque alicuius tanquam *Cyri* auctoritatem

praetexant, nunquam tamen efficient, ut paedagogo recta ratione utenti factum suum probare possint. Semper paedagogus docebit, unumquemque sua incommoda aliunde, quam ex rebus aliorum propriis sarcire oportere.

Sed operae precium fuerit causas audire, cur civibus dicant non licere pagos possidere. Quia, inquirunt, non sunt nobili genere orti, nec licet illis in acie inque primo ordine contra hostem versari, nec possunt esse rerum militarium locupletes testes, satisque illis esse, si rem mercatura aliisque opificiis quaerant. Hae quidem causae (quantum ego existimare possum) ab animis nobilium iratis parumque civibus aequis omnino proficisci videntur. Quod si equites offensionibus vel Reipublicae, vel certe aequitatis causa depositis, uti vellent humanitate et benevolentia adversus homines ordinum inferiorum, nullo sane opus esset labore causis illis confutandis. Neque vero dubitate, id quod mihi est perspectissimum, permultos nobilium esse optimos viros, ab omni virtute et ab optimarum artium cognitione paratissimos, qui prae se homines ordinum aliorum nullo modo contemnant tribuantque eis et testimoniorum fidem quarumlibet rerum et eas virtutes, quae attingant cunquę naturam humanam, nec de fortitudine illorum dubitent vel in acie contra hostem. Verum quia bona pars equitum vix putant, plebeios homines esse, cum virtutes, quas sibi assumunt, detrahant illis vel fortitudinis, vel veritatis dicendae, age sane disputemus de his causis.

Incipiamus autem ab ea, qua et locum in prima acie contra hostem, et fidem testimonii rerum militarium civibus negant. Neque ego ignoro, socii, causam hanc ex patria lege desumptam esse, qua exceptum est, ne cui de re militari dicendi fides habeatur, nisi utroque parente nobili nato, hoc est, qui stemmatis gentilicis quatuor sit insignis. Contra quam legem si quis putet impium esse disputare, huic nos sane relinquamus iudicium suum nec patiamur, eum esse in coetu nostro. Nobis enim *Aristoteles* noster licentiam magnam concedit de omni re proposita disputandi neque eam putat legem dicendam esse, cuius ratio nulla extet. Sequar igitur ducis et

magistri nostri praeceptum, ut prius explicem vocabula quaedam, quam confutem legem illam, atque adeo quid sit illud, quod vocant rem militarem. Illi vero inquit, res militares esse non quasilibet, quae a militibus fiant, sed quae in bellis gerantur contra hostem, ut in acie versari, non deserere locum, non vertere terga, non abiicere arma, ferire hostem, interficere et, quae ad bellum pertineant conficiendum, exercere. Hoc igitur ita posito, sequitur, ut disseramus, num civibus liceat militares res illas exercere? Id vero ita esse, et lippis et pueris perspicuum est. Ingens numerus plebeiorum fit in bellis adversus hostem: quidam fiunt decuriones, quidam nobilium ministri, partim equites, partim pedites. Qui ipsi in bello egregiam pro virili parte operam navare solent, multi sunt pares, quidam vero superiores nobilibus multis iis gerendis, quae in bello necessaria sunt. Neque enim illud generis est nec ordinis ab hominibus constituti fortem in bello esse, sed muneris divini, quemadmodum *Socrates* verissime apud *Platonem* inquit: in Deo situm esse et quod vir sit fortis, et quod iners sit ac imbecillis. Qui quidem Deus, ut ex aequo iubet solem spargere lucem in omnes homines, ita et animum fortem, ut vult et quando vult, donat hominibus generis cuiuslibet ac ordinis. Id si ita est (quemadmodum certe est), profecto impudens fuerit, qui tribuere sibi velit proprie, quod in omne hominum genus ex Dei voluntate sparsum est. Quinetiam si tuum proprie foret, tamen etiam atque etiam esset animadvertendum, omnia in rebus humanis esse incerta, multos inter aequales domi atque inter pocula viscos esse fortes, qui in acie nulli fuerint contra hostem, nec minus illud considerandum, quam Deus ipse resistat hominibus gloriosis, cum ita ore *Paulino* dicit: quid habes, quod non accepisti? si autem omnia accepisti, cur gloriaris, quasi non acceperis? Sed equites aiunt, licere quidem in bellis esse plebeis, sed in prima acie versari non licere. Ego vero non sum is, qui primum negem locum nobilitati domi ac militiae. Etenim valere debet is ordo apud omnes et avitae virtutis memoria, et vero rerum a se gestarum commendatione. Quis enim id sanus negaverit? Sic enim statuo, ut docto-

ribus primae debentur partes in doctrinae diiudicatione, ut professorum iudicio statur in operum artis suae aestimationis, — sic nobilitati primas in re militari deferre aequissimum fuerit. Quae quidem res militaris cum eadem nobis vel praecipue hunc ordinem pepererit, eodem in honore eum maxime conservet necesse est. Quod tamen — cum dico, nequaquam plebeis locum negavero in universum cum nobilitate, strenuis inquam, fortibus, animosis, ad rem militarem multis proeliis doctis aliisque bellicis virtutibus praeditis viris, ob quas quidem virtutes cum ipsis nobilibus primas deferamus, cur etiam in quibus illae reperiuntur, non eodem loco honoreque digni habeantur? an tu timidum nebulonem, bellicis virtutibus vacuum, sola generis excellentia commendatum, prima in acie collocabis, plebeio post principia reiecto, viro forti et se acriter ad mortem offerenti; praeferes igitur et claudum nobilem in curriculo plebeio pedum pernecitate valenti? Hoc quidem si in honoribus fieret domesticis et togatis, ubi palmae aliquando iis dantur, qui nunquam certassent, esset quidem utcunque ferendum; ceterum, in eo loco fieri istud, ubi de capite agatur, de patriae salute, de aris atque focis, quis sanus ferat? Age porro, quid fieri veiles, si nobiles viri in primo ordine locati vel victi essent (id enim in bellis evenire absurdum non est), vel certe pugnando fessi ac viribus defecti, an non in locum eorum succedere velles triarios quosvis, vel plebei ordinis viros? Ne mihi quaeso obstrepas, me de re, quae fieri nunquam possit, disputare. Quin potius converte animum et cogitationes tuas ad historias omnium temporum. Illae te docebunt, Martem inconstantem esse, persaepe victores fuisse victos. Vincebant olim *Romani*, cum imperarent toti orbi, sed postea et victi sunt frequentissime, et imperium orbis ab eis translatum est ad *Germanos*. Quod igitur accidit Romanis, quaeso te, ne putes fieri non posse, quin accidat nationi nostrae. Quod ego quidem tam cupiam nunquam fore, quam quod vehementissime. Sed tamen de re, quae fieri possit, age urgeamus equites nostros. Si fati iniquitate in acie occidissent equites, an in locum eorum non velles succedere plebeios? an in primos ordines ascisces solos

nobiles? Sit hoc sane ita; sed quid si nobiles sint vel parum multi, vel non satis apti ad pugnam, an potius Rempublicam in periculum patieris venire, quam ut plebei fortes, ut fit, et robusti viri in acie inque ordine primo se sustinerent ac profligarent hostem? Quid si tanto numero veniant hostes, ut pluribus in locis simul conflingendum sit cum illis? Id enim si unquam alias, nunc certe *Turcica potentia* infinite crescente, maxime metuunt prudentes viri. Quid igitur, inquam, si tanto numero veniant hostes, ut primis ordinibus contra illos sufficere non possit nobilitas, an negabis locum in prima acie plebei? Certe, si amas Rempublicam, nequaquam committes istud.

Iam vero si licet in acie versari plebeis, si Rempublicam armis defendere, si in primo ordine proelium inire, si res militares alias exercere, cur etiam non liceat testimonium de illis dicere? Ridiculum sane est, fortitudinem aut virtutem aliam exercere te posse, de qua pro testimonio dicere nihil possis. Nam et Christus dicit: quid vidimus, testamur, cur itaque testimonio non creditis nostro? et philosophi nostri recte iudicant, non ex fortuna fidem ponderandam esse, sed ex virtute. Cum itaque nobilitas generis in bonis fortunae numeretur, non in animi bonis, in quibus sunt virtutes et scientia, profecto lex illa patria valde imperite facit, cum fidem rerum militarium solis nobilibus tribuit, de quibus tam vere cives, quam ipsi nobiles et iudicare possint, et loqui. Iam veritas inter virtutes locum obtinet; cur igitur ab ea arcebimus plebeios, quos certe ab aliis virtutibus arceri impium sit? Saepe mirari soleo maiorum nostrorum prudentiam, multis legibus ferendis; sed in hac lege odio plebeiorum lata, doleo lapsum eorum turpissimum. Ita plebeis fidem testimonii dicendi abrogarunt, quasi vel infames essent omnes, quicumque nobiles non essent, vel iudicii nihil habere possent de re militari. Quid autem, o bone, si nobiles, qui forte rem te praeclare gessisse viderunt, mortui sint, vivant autem cives, qui te quoque fortem et animosum viderunt; an non voles ab iis testimonium virtuti et fortitudini tuae tribui? Quid si quis sycophanta insimulet te stationis desertae, an ne sic quidem voles citari cives, officii tui

praeclari in Republica defendenda testes? praesertim cum nobiles, qui vidissent te fortem, mortui essent. Ridiculus es profecto, qui ita tibi places fumosis imaginibus istis, ut ad tantas absurditates delabaris. Scitis, autem, socii, quid doceat *Aristoteles* noster: *rationem animam esse legis, nec eam omnino legem esse, quae ratione vacet.* Urgebo itaque adhuc Solones istos nostros. Quae tandem causa est, cur solis nobilibus potestas sit testimonii dicendi de re militari? an maius est studium veritatis in illis, quam plebeis? aut potius illi acutius cernant, quam isti? aut hoc sit iure optimo militari ordini concessum, ut de militaribus rebus soli ipsi testes fieri possint? vix enim quartum invenias, quod probabiliter dicatur. Atqui ut ab extremo ordiar, res istae, de quibus agimus, ut posuimus ante, bellicae sunt. Illae igitur cum etiam a plebeis (quod iam ostendimus) exerceantur, an non ineptum fuerit, ab omnique philosophorum consensu abhorrens, quam tu rem facere possis, de ea tibi loquenti fidem haberi non oportere? Quod si urges nomen ordinis militaris, certe eadem ratione plerique nobiles parum idonei erunt testimonio dicendo, ut qui milites non sint. Error est enim ille non ferendus et ex scholis explodendus nostris, omnes nobiles milites esse, distincti enim sunt ordines isti. Neque enim, si omnes nobiles milites essent, in militum album nobiles plerique referrentur, quemadmodum nemo, qui nobilis natus est, curat, se nobilem creari. Perspicuum est autem, nobilium plerosque in collegium militum a regibus cooptari. Qui quidem reges inter ceremonias cooptationis illis utuntur verbis: *lyepssi ricetz nisz panosha*, nimirum significantes, militem potiore conditione esse, quam si generis nobilitate contentus esset. Ac ne illud quidem vere dici potest, acutius et rectius cognosci res gestas a nobili, quam plebeio. Restat igitur, ut dicatur, studium veri maius esse in nobilitate. Quod quidem vere ex parte non totum dicitur. Unde enim tot fraudes illae, imposturae, falsa testimonia inter illos? Neque praeter rem rex noster tot conventibus et singularum provinciarum et totius regni egit de abrogando more iuramentorum, nisi quia etiam a nobilitate videt falso nomen Dei passim usur-

pari. Et profecto in rebus humanis ita est, ut nullus ordo tam sit ab omni virtute instructus, quin vitiorum multis maculis respersus sit ac inquinatus.

Sequitur alia causa, cur non liceat plebeiis pagos possidere. Quia, inquit, non sunt nobili genere. Hoc vero quid aliud est, quam terram solis nobilibus datam, hos solos homines esse. Cur autem nobiles multas habent domus in oppidis et quidem praeter civium leges praerogativas et muneribus vacantes? Cur praeturas (quas advocatias vocant) in multis civitatibus tenent? Non credatis, socii, iusticiae inter cives administrandae studio id ferri, abhorrent enim ab omni civium consuetudine et iuri dicendo aliquem civium praeficiunt. Ipsi tantum agros, possessiones, census et quosvis fructus percipiunt. Cur igitur, inquam, nobiles et domus, et praeturas, et possessiones habent in oppidis, si oppidanis non licet pagos habere? Cur nobiles mercaturam exercent, si mercatori non licet villam et agrum colere? *Novistis, ni fallor, eos nobiles, qui, pecudum multitudine numerosa coempta, eam transmittant in Silesiam et in Germaniam. Memini enim de quibusdam vestrum, qui in Germania aliquando versati estis, me audire, agmina pecorum, agros Naumburgenses ad fluvium, ni fallor, Albim compascentium, persaepe esse conspecta; quae pecora ab equitibus quibusdam Polonis quaestus causa in intimam Germaniam mitterentur. Et tergiversantur quidem equites, se hac ratione mercatores dici non debere, ut qui vendendo non utantur ulnis. Sed nos, o socii, contemnamus in nostris scholis sophisticas nugae istas; non enim in ulnis mercandi ratio cognomenque consistit, sed in hoc, si tu res coemas non usus tui causa, sed ut illis divenditis quaestum facere possis; divendas sane vel ulna metiendo, vel integras res tradendo, hoc non variat rationem mercaturae, quemadmodum rationem nobilitatis non variat divitem esse vel pauperem, modo stemmata numerare possis paterna et materna, nobilis es. Erant apud maiores nostros nobiles, viri fortes, amantes aequi et honesti. Cum enim ipsi virtute meriti essent nobilitatis insignia, eadem virtute conservandam sibi nobilitatem, qua acquisissent, putabant. Cumque in omnibus rebus*

gerendis ad virtutem, tanquam scopum, animum oculosque dirigerent, prosperabat Deus eorum facta, domi a plebe observabantur, foris ab hoste timebantur, non se commendabant populo vestitu, non aureis torquibus, non profusis epulis, sed humanitate in plebem, amore in Rempublicam, fortitudine in hostem, amari volebant a suis, non timeri. Et hoc quidem tempore permulti sunt profecto nobilissimi viri similes illorum, sed multos etiam invenies dissimillimos, qui tum se putent vere nobiles, cum aliquid de civibus consuluerint gravius, quam expedit. Itaque et pagos illis eripere conantur, et cum detestentur ordinem mercatorum, ipsi mercaturam rerum quarundam (praeter ulnariam, quam solam infamant) exercent, et prae se hominem putant esse neminem. Quid enim est hoc tribuere alicui hominis nomen, cui detrahas hominis ornamenta, studium veritatis, pondus et auctoritatem testimonii dicendi de rebus praeclaris? Cumque deceat unumquemque hominem adversus infimos se summis gerere meminisseque illius: Deus superbis resistit, modestos amat, plerique equitum tum se praeclare putant explesse munus nobilitatis, cum fortiter miseram plebem despiciant, cum eos de suorum numero excludant, cum non dignentur eos consensibus suis, cum agros et possessiones eis eripiant. O mores perversos, o disciplinam labefactatam! Putatis autem, socii, veras esse causas illas, quas in ore habent, cur civibus pagos auferri velint? ne quis vestrum hoc sibi patiatu persuaderi. Si quis enim Deus daret nobis facultatem inspiciendi istorum corda et cogitationes, videremus incredibile illorum odium in plebeios, avaricam summam res alienas occupandi, contemptionem tenuium et alias pestes, quibus animi illorum infecti, impulsus sunt ad rogationem perferendam contra legem Dei et amorem proximi. Hae sunt verae causae legis illius iniquae, non illae, quas praetexunt. An vero, vobis, socii, non ad interitum haec spectare videntur? Non opus est praedictionibus astrologicis; insolentia haec et licentia immoderata profecto non aliud huic regno, quam interitum portendit. Audiet enim Deus ille gemitum plebis, ulciscetur tantum despectum populi a se redempti, hancque novam et inauditam

cupiditatem res alienas occupandi, eripiendi civibus fundos, quos illi iure ac legibus emerunt, quos ab avis et proavis precio emptos possederunt, quos legum praescriptione tenuerunt, diligentia ac cultura fructuosos reddiderunt. Neque ulla coelestia portenta hominibus moderatis et in futurum longe prospicientibus maiorem terrorem incutient, quam cum videbunt pelli cives per iniuriam bonis iure ac legibus possessis, cum odiosum illud (quod victores olim usurpabant dominantes victimis) renovabitur carmen:

Hae mea sunt, veteres migrate coloni!

Nobis, vero, socii, qui a pueris in luce literarum versamur, quanta caligine ac obscuritate involuta omnia videbuntur. Docuerunt nos magistri nostri, iure quemque tenere rem, quam teneat ex empto et ex sponso, quam pactione nominibusque ad tabulas factis conquisierit, quam ab avis et proavis, bonae fidei possessoribus, hereditatis nomine acceperit, quam legis praescriptione multos annos possederit. Has veri dominii leges tradiderunt nobis magistri, has regulas ex natura ortas, has rationis praescriptiones. Huic clarissimae veritati quas tenebras (pro dii immortales) obducere conantur isti rebus alienis, tanquam esurientes lupi, inhiantes? Dico igitur, *legem illam de pagis, civibus adimendis, inhumanissimam esse, ab omni ratione prorsus alienam, legibus divinis et humanis repugnantem, a nostris vero philosophicis decretis plus distantem, quam coelum a terra distet. Itaque ei locum in senatulo nostro nullum relinquendum eamque auctoritate Academiae nostrae carbone notandam censeo, nec dignam puto, cuius mentio ulla fiat in coetibus nostris, nisi tum, cum in merum perversitatem invehi necesse erit.*

Quod si mihi in senatu regni dicendum esset, certe sententiam, quam dixi, non mutarem malleque auctor esse et legis illius abrogandae, quae fidem et religionem testimoniorum in totum derogat plebi de rebus bellicis, et huius edicti de pagis, civibus adimendis, quam ut suasor essem crudelium et impiarum legum; nec desinerem orare atque obtestari regem, ut moderaretur equitum consilia et a crudelitate flecteret ad humanitatem et aequitatem. Id si impetrare non possem, tenta-

rem alia via ingredi suaderemque regi, ut potius pagorum quorumvis possessores oppidanos nobiles crearet, quam sineret in eos tyrannidem, bonis illorum eripiendis, exerceri. Profecto enim nobilis creatus non minore loco esset, quam erant maiores nostri, qui ipsi beneficio principum nobiles facti, ad nos nobilitatem, quam virtutis ergo acceperant, transmiserunt. Quod si tanti apud nos sunt nobiles creati, ut partim in collegia sacerdotum soli nobilitati potentia sint cooptati, partim digni habiti summis Reipublicae honoribus, cur non etiam idonei putarentur vel testimoniis rerum militarium dicendis, vel pagis possidendis? Sin vero neutrum illorum facultatem habere posset, ut nec leges illae abrogari, nec oppidani nobiles creari possent, sed ratum maneret atque firmum, agros et possessiones eis eripere, ego nihilo minus vel contradicentibus omnibus mea voce vellem testari, me non assentiri tam impio decreto, malleque imitari *Nicodemum* illum, qui in medio concilii sedens, non assensus est impiis sententiis. Itaque vel voce mea testarer, me non consentire sententiae impiae, vel omnino de senatu surgerem, nec vellem ibi esse, ubi tam horrida decreta scriberentur, nec scriba tam impiarum legum esse sustinerem. Non excusabit in die illa suprema Pilatum timor Caesaris, quo impulsus est ad sententiam in Christum innocentem sanguine scribendam, non quidem ex animi sui sententia, sed ad Iudaeorum arbitrium. Itaque nec regem nostrum, nec senatum, nec scribas excusabunt iniusta decreta, quae ex equitum arbitrio ferant scribantque contra iusticiam. Christum enim in membris suis, fama et bonis eos spoliantes, crucifigere nituntur. Itaque non mirum erit, cum et locustae devorabunt omnia sata agrorum, quos scelerate optant eripere populis Christi sanguine nobilitatis, et pestis saeviet, et rapientur plerique ab hoste, secundum verbum *Esaiæ prophetae*, capite 33 ita dicentis: „vae, qui rapis, quia et tu rapieris; vae, qui contemnis, quia et tu contemneris.“ Non mirum erit, cum totae familiae excidentur, quemadmodum *Achab* cum uxore, filiis, consiliariis et sacerdotibus, ob iniurias *Nabotho* et viris aliis factas excisus est. Has enim plagas, ut scitis, *Leonardus, Cracoviensis*

sis ecclesiastes ad divae Mariae, magna cum auctoritate ex pulpito, huic regno propter tyrannidem imminere pronunciat, cuius ego praedictiones verissimas esse iudico, utpote a Dei verbo profectas longeque veriores, quam omnium fatidicorum. Itaque non vellem, uti dixi, nec in tali coetu sedere, secundum verbum *Davidis* illud: odi congregationem malignantium et cum impiis non sedebo, nec scriba esse tantae impietatis. Erat *Daniel propheta* unus principum regni Persici; hic non consensit impio decreto regis sui, quod quidem decretum summo principum omnium, magistratuum, satraparum, senatorum et iudicum consensu latum erat. Sed quia impium erat, contra illud Daniel palam, et (ut narrat historia) apertis fenestris facere non formidabat idque usque eo, ut tandem maiestatis laesae damnatus in lacum leonum detrusus sit. Sed Deus ei veluti in media morte adfuit. Itaque et ipse ex faucibus leonum liberatus est, et accusatores eius a rege damnati sunt, et rex ipse, cognito errore suo, decretum scribere contrarium ad populos suos non dubitavit neque vero putavit rem indignam maiestate sua rescindere decretum suum iniquum; cum contra decreta iniusta, quae temere et pertinaciter defenduntur, multum de auctoritate et existimatione regum detrahant ac diminuant. Qua poena vix profecto aliquid gravius accidere magistratui potest, qui amissa auctoritate contemptui vulgo habetur neque populum in officio retinere potest.

Rogemus igitur Deum: primum, ut haec serio cogitet rex cum magistratu et omnibus, qui sunt cum potestate; deinde, ut ne boni viri velint auctores esse scriptoresque perniciosarum legum; tum etiam, ut horum in Republica auctoritas maxime vigeat, qui secundum divinam *Platonis* sententiam studia philosophica ad potentiam adiunxerunt. Dixi, quod habui. Aveo iam audire, quae sit cuiusque vestrum de hac re mens et sententia.

INSTYTUT

FINIS BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

Idibus Aprilis MDCCLXXXIV.

00 330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72

Tel. 20-68-03

ANDREAE FRICII
Modreuij de Republica emen-
danda Libri quinque, recogniti
& aucti: Quorum

PRIMVS, DE MORIBVS.
SECVNDVS, DE LEGIBVS.
TERTIVS, DE BELLO.
QVARTVS, DE ECCLESIA:
QVINTVS, DE SCHOLA.

AD REGEM, SENATVM, PONTIFICES,
Presbyteros, Equites, populumq; Poloniæ,
ac reliquæ Sarmatiæ.

*Quibus hac editione secunda accesserunt,
præter alia:*

DE ECCLESIA LIBER SECVNDVS,
lectu dignissimus. Orationes item,
& Epistolæ.

Cum locuplete rerum & uerborum memorabilium
I N D I C E.

BASILEAE, PER IOAN-
nem Oporinum. 1559.

A N D R E A S
Modicus de Republica
Quarta Libri purpurata
& sexta Quarta

PRIMUM DE MORALI
SECUNDUM DE LEGIBUS
TERTIUM DE BELLO
QUARTUM DE ECCLIA
QUINTUM DE ECCLIA

AD RHEM ANNATUM
Presbyterorum populi
et aliorum

Imprimatur
per

DE ROBERTO
Lecturarius
et aliorum

Amstelredamum
1600

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
<i>Предисловіе</i>	3
<i>Обзоръ литературы предмета</i>	6
<i>Введеніе. Бѣглый взглядъ на состояніе западной Европы и Польши за періодъ 1503—1572 г.</i>	17

ЧАСТЬ I.

Очеркъ литературной и политической дѣятельности Андрея Фрича Модржевскаго.

<i>Глава I.</i> Происхожденіе Модржевскаго. Время и мѣсто его рожденія. Юношескія лѣта и воспитаніе (1503—1540)	26
<i>Глава II.</i> Первые литературные труды Модржевскаго и его отношенія къ Краковскимъ рационалистамъ (1540—1546)	40
<i>Глава III.</i> Придворная и дипломатическая служба Модржевскаго. Брошюры изданныя имъ въ Прагѣ и Антверпенѣ. Выходъ въ свѣтъ сочиненія de Republica emendanda и впечатлѣніе, произведенное имъ за границей (1547—1555)	67
<i>Глава IV.</i> Дѣятельность Модржевскаго, какъ войта. Отношенія его къ Дрохоіовскому и преслѣдованіе нунціемъ Липпомано. Polemica по богословскимъ вопросамъ. Полное изданіе сочиненій Модржевскаго и характеристика его религіозныхъ воззрѣній (1555—1561)	94

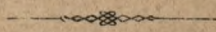
<i>Глава V.</i> Упадокъ таланта Модржевскаго. Столкновение съ Оржеховскимъ. Сильвы. Отношенія къ Вольскому, Карнковскому и Пію V. Преслѣдованіе и кончина Фрича (1561—1572)	Стр. 124
---	-------------

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(за 158 стр.)

Lascius et Philaletes.

In actiones Fricii de homicidiis legitime puniendis carmen J. Langi Silesii	III
Praefatio in Lascium	V
Lascius sive de poena homicidii oratio Andrea Fricio Modrevio autore	IX
Statutum Sigismundi I Regis de civibus bona terrestria non possessoris.	XLIX
Oratio Philaletis de decreto conventus, quo pagi civibus adimi permittuntur.	LI
<i>Fac simile</i> заглавнаго листа изданія de Republica emendanda 1559 г. исполненное секретаремъ библіотеки Замоискихъ Феликсомъ Минскимъ.	

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	строка сверху	есть	должно быть
9	18	все	всѣ
12	16, 20 и 22	Малецкій	Малѣцкій
15	23	„	„
18	5	изъ	изъ
„	10	вполѣ	вполнѣ
„	24	народовъ	народовъ.
21	29	Уханскій	Уханьскій
26	1	Фричовъ	Фричей
„	9	Симизмунда	Сигизмунда
31	20	Миханль	Михаилъ
32	20	сформулированныхъ	сформулированныхъ
34	3	виртембергскихъ	вюртембергскихъ
35	ссылка 32	Малецкій	Малѣцкій
36	1	виртембергскій	вюртембергскій
„	2	въ 1536 году,	въ 1536 году
„	8	пазначилъ	назначилъ
37	3 и въ ссылкѣ	Витембергъ	Вюртембергъ
„	8	обыкновенныхъ	обыкновенныхъ
38	12 и 17	Нюрмбергъ	Нюренбергъ
44	4	убійство	убійство
„	9	темные	темныя
„	13	смерью	смертью
45	ссылка 55	49	749
46	18	моглибы	могли бы
48	3	намъреніемъ	намъреніямъ

Стр.	строка сверху	еть	должно быть
48	9	уменьшеніе	уменьшеніе
52	3	это	это
53	3	пользуясь	пользуясь
55	12	Scharfenbergium	Scharfenbergerium
65	9	брошюры	брошюру
66	10	которыя	которыхъ
72	15	сдѣланныя	сдѣланные
82	21	Дрохоевскій	Дрохоіовскій
88	19	былибы	были бы
107	11	Витембергѣ	Вюртембергѣ
110	25	Andreas	Andreas
112	32	ненадежны	ненадежны
„	ссылка 180	gescnospendi	gescognosendi
119	ссылка 190	въ излани	въ издани
125	17	Модржевскаго	Модржевскаго
„	ссылка 194	Дрохоевскій	Дрохоіовскій
127	ссылка 197	оправдаеть	оправдываетъ
132	14	дѣвьяносталѣтняго	девяносталѣтняго
133	22	Ты былъ	Ты былъ бы
136	ссылка 212	tamne	tamen
142	6	возвратить	возвратить
„	24	объявлены	обнародованы
XXIII	24	reliquisse	reliquisse
XXIV	29	cum	cum
LVII	23	hominos	homines
„	25	illis	illis
LIX	21	veiles	velles
LXIII	27	summam	summam

INSTYTUT
 BADAŃ LITERACKICH PAN
 BIBLIOTEKA
 00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
 Tel. 26-68-63

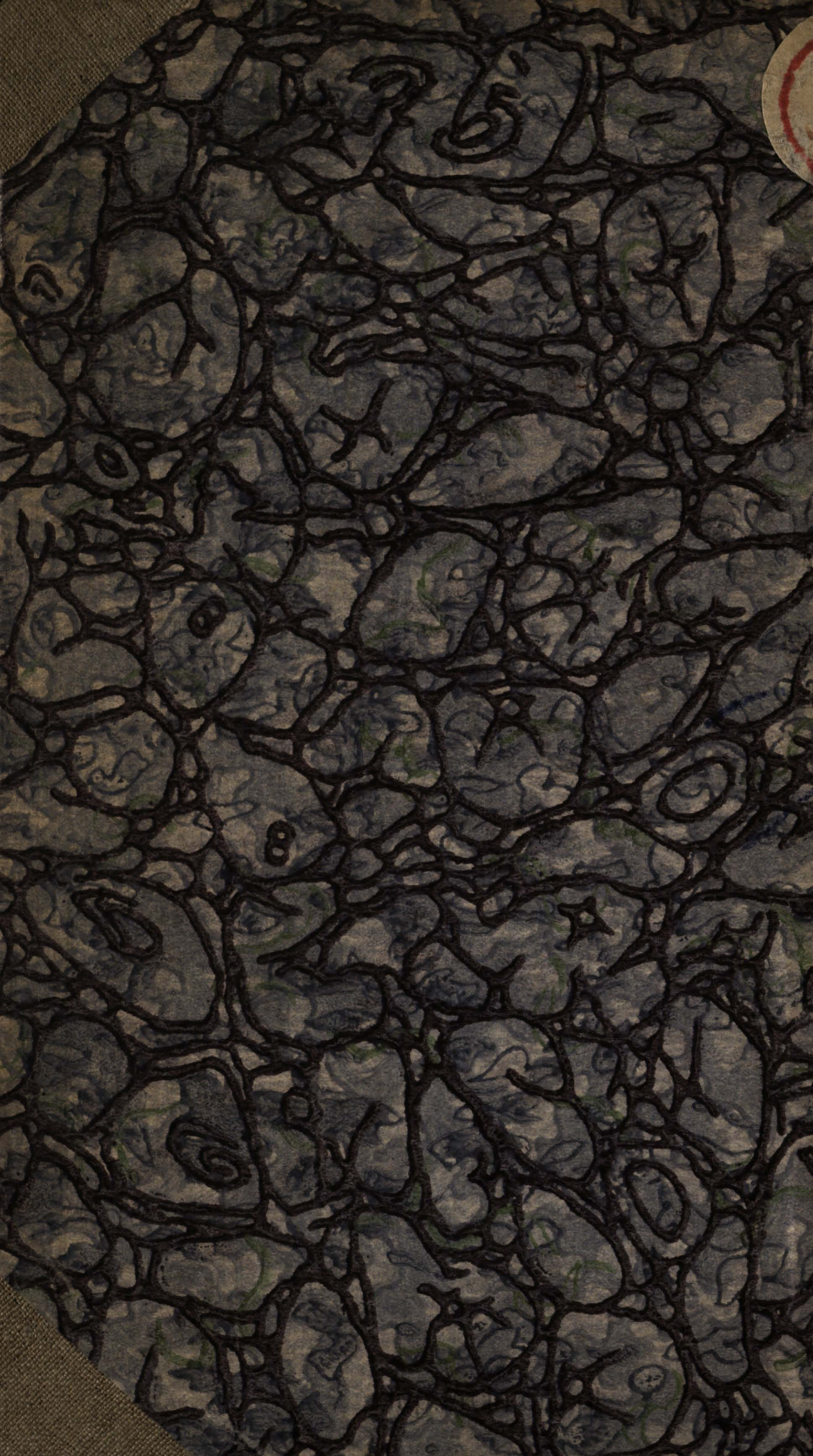

F
5982